

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 17
Выпуск 2

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 17
Issue 2

Ижевск
2023

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор: *Загребин Алексей Егорович* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Зам. главного редактора: *Кондратьева Наталья Владимировна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ Коми ФИЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский ФИЦ РАН, Петрозаводск, Россия)

Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)

Насибуллин Риф Шахрисламович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)

Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Зверева Татьяна Вячеславовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)

Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Матичак Шандор (Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия)

Ответственные редакторы: *Фаттахова Аида Жавдатовна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

The Editorial Board

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Galina V. Merzlyakova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor L. Zherebtsov (Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

Irma I. Mullonen (Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia)

Eva Toulouze (National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France)

Rif Sh. Nasibullin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Zoltán Nagy (University of Pécs, Pécs, Hungary)

Tat'yana G. Vladykina (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Tat'yana V. Zvereva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Vasilii M. Vanyushev (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Zsuzsanna Salánki (EötvösLoránd University, Budapest, Hungary)

Nadezhda I. Shutova (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Yulia V. Normanskaya (Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia)

Raisia A. Kudryavtseva (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)

Tat'yana G. Minniyakhmetova (Institute of History and European Ethnology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria)

Sergei A. Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Sándor Maticsák (University of Debrecen, Hungary)

Executive Editors: *Aida Zh. Fattakhova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Szilárd Tóth (Narva College of the University of Tartu, Narva, Estonia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Айбабина Е. А.</i> Наименования Лешего в диалектах коми-зырянского языка	162
<i>Гайдамашко Р. В.</i> Рукопись «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского нарѣчій и бесерменского говора»: история изучения и археографическое описание	172
<i>Дементьева А. М.</i> Кодекс Веста: загадки одной малоизвестной финской рукописи XVI века.....	188
<i>Ключева М. А.</i> Тюркские заимствования в волжском говоре марийского языка (игровая лексика).....	198
<i>Патроева Н. В., Пашкова Т. В.</i> Диалектизмы «hiimosti» и «хими(о)стить» в карельском и русском языках: сравнительно-типологический аспект	212

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Камитова А. В.</i> Роль М. А. Курочкина в сохранении удмуртского фольклорного наследия	221
<i>Шахов П. С., Zubov И. В., Леонова Н. В.</i> Песенный фольклор мордвы-эрзи кемеровской области в рвзновременных записях (календарные и круговые песни, свадебные песни и причитания).....	229

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Полгар А.</i> Стереотипы в венгерских переводах современной финской поэзии (на англ.яз.)	245
---	-----

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Голева Т. Г.</i> Растения в детской культуре коми-пермяков.....	255
<i>Зорина А. А., Нечаев А. В.</i> Венгрия и Византия в конце XI – первой половине XII вв.	268
<i>Мельникова О. М., Черных Е. М.</i> 50 лет университетской археологии (к юбилею Камско-Вятской археологической экспедиции)	277

РЕЦЕНЗИИ

<i>Артамонова Л. М.</i> Неотъемлемое: мордва в Самарском Поволжье, Самарский край в истории и культуре мордовского этноса	289
<i>Зиявадинова О. С.</i> Николай Дьяконов. Жизнь, драматургия, театр. Рецензия на сборник статей о творчестве Н. М. Дьяконова – Сер. Вып.2. Эскизы к литературному портрету. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина. 2021. 170 с.	294

ЮБИЛЕИ

<i>Лисовская Г. К.</i> «Славный сын коми народа»: В. Н. Дёмин – учёный, организатор науки, просветитель	296
<i>Максимов В. Н.</i> «Вся моя жизнь – это общение с людьми, учёба у моих учителей, набиране жизненного и профессионального опыта, опыта педагога, учёного и руководителя»....	301

CONTENTS

LINGUISTICS

- Aibabina E. A.* Names for Leshy in dialects of the Komi-Zyryan language.....162
- Gaidamashko R. V.* Manuskript “Materials for a Comparative Dictionary of the Zyuzdin Permyak and the Glazov Votyak and the Besermyan Dialects”: history of study and archaeographic description....172
- Dementieva A. M.* Codex Westh: the mysteries of one forgotten Finnish manuscript of 16th century188
- Klyucheva M. A.* Turkic borrowings in the Volga subdialect of the Mari language (game vocabulary)198
- Patrojeva N. V., Pashkova T. V.* Dialectisms "hiimosti" and "himi(o)stit" in the Karelian and Russian languages: a comparative and typological aspect212

FOLKLORISTICS

- Kamitova A. V.* The role of M. A. Kurochkin in maintaining of the Udmurt folklore heritage221
- P. S. Shakhov, I. V. Zubov, N. V. Leonova.* The Mordva-Erzya song folklore of the Kemerovo region in multitemporal recordings (calendar and circular songs, wedding songs and lamentations)229

STUDY OF LITERATURE

- Polgar A.* Stereotypes in the Hungarian translations of contemporary Finnish poetry (in Eng.).....245

HISTORY, ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY

- Goleva T. G.* Plants in the children's culture of the Komi-Permians255
- Zorina A. A., Nechaev A. V.* Hungary and Byzantium at the end of the XI – first half of the XII centuries.....268
- Melnikova O. M., Chernykh E. M.* 50 years of university archaeology (to the anniversary of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition).....277

REVIEWS

- Artamonova L. M.* Inalienable: Mordovians in the Samara Volga region, the Samara Territory in the history and culture of the Mordovian ethnos289
- Ziyavadinova O. S.* Nikolai Diakonov: life, drama, theater294

ANNIVERSARIES

- Lisovskaya G. K.* “The glorious son of the Komi people” : V. N. Demin – scientist, organizer of science, enlightener296
- Maximov V. N.* “My whole life is communication with people, learning from my teachers, gaining life and professional experience as a teacher, scientist and a leader”301

Е. А. Айбабина

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЕШЕГО В ДИАЛЕКТАХ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

В статье проводится семантико-мотивационный анализ более трех десятков диалектных лексических единиц, номинирующих духа-хозяина леса в коми-зырянском языке. Основным источником материала исследования послужили диалектные словари коми-зырянского языка, статьи по мифологии и фольклору коми. Привлекались также данные фольклорных сборников, лексикографических источников других финно-угорских языков, этимологических словарей. Среди анализируемых наименований представлены как исконные лексические единицы, так и заимствованные из русских народных говоров. Русское влияние обнаруживается не только в лексическом заимствовании, но и в образах лесного духа-хозяина у коми (имеется в виду его внешний облик, деятельность). Рассмотренные мифонимы включают отдельные лексемы и составные двухкомпонентные лексические единицы. В результате анализа выявлены лексико-семантические модели, по которым образованы составные наименования данного мифологического персонажа. Они сопоставляются с соотносимыми номинативными единицами в близкородственных пермских языках. Следует отметить этимологическую прозрачность наименований лесного духа-хозяина в коми диалектах. Часто в них акцентируется его локативная характеристика (*ягса, парма зон*). Ряд наименований характеризует лешего по особенностям внешнего облика, каким его представляли коми (*сюра, пони чуня*), по совершаемым действиям, по способу передвижения (*шувгей*), по речевым признакам (*тя*). Составные наименования в большинстве случаев представляют собой атрибутивные конструкции, в которых в качестве атрибута выступают названия лесных объектов или их словообразовательные дериваты, а в качестве главного компонента – исконные и заимствованные наименования, обозначающие нечистую силу, духов, в числе которых термины родства в переносном значении.

Ключевые слова: коми язык, пермские языки, русские народные говоры, диалектная лексика, заимствованная лексика, нечистая сила, мифонимы, леший, словообразовательные модели, мотивационный признак, лексико-семантическая модель.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-162-171

Одним из актуальных направлений современного коми языкознания является исследование тематических групп слов. Демонологическая лексика представляет интерес для исследователей, поскольку отражает систему архаических представлений какого-либо народа о мире. В данной статье анализируются коми народные названия лешего, одного из основных духов природных пространств.

В различных словарях коми языка, в ряде работ фольклористов и этнографов, посвященных мифологическим персонажам у коми, зафиксированы многочисленные наименования демонов, местом обитания которых является лес. Однако с точки зрения лингвистики эти мифонимы до настоящего времени еще не подвергались специальному исследованию, не считая некоторых этимологических изысканий [КЭСК 1999, 411, 412 и др.; УЕУ, 173–174]. В 2021 г. вышла небольшая статья «О некоторых наименованиях лесной нежити в диалектах коми языка», в которой основное внимание уделено рассмотрению мифонимов, заимствованных из русских народных говоров [Айбабина 2021].

В коми народной традиции дух-хозяина леса имел много имен. В настоящей статье анализируются 35 лексических единиц, номинирующих лешего, включая фонетические варианты. Двадцать пять из них зафиксированы в «Словаре диалектов коми языка» [СДКЯ 2012, 2014]. Это следующие наименования: *вөр айка* вв. (Мор.), *вөр дядьё* лл. (Чтв.), *вөр лешак* вс., *вөр олысь* лл. (Об.), *вөр посатса* уд. (Лопт.), *вөр пöль* лл. (Пор.), *вөр пöльё* вс. (Уж.) сс. (Пж.), *вöрсa* вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс., *вöрсa дядьё* лл. (Зан.), *вöрсa оліся* вв. (Млд. Укл. Устьн.), *дядя* сс. (Втч.), *кузь* лл. (Об.) скр. сс. (Ыб), *леш* лл. (Зан.) сс. (Пж.), *лешак* иж. скр. уд., *лешунь* печ., *не* сс. (Втч. Пд.), *недук* уд. (Чупр.), *пони чуня* уд., *суземьё* вс. (Кб.), *сюра* скр. сс., *тя* уд., *шувгей* уд., *шувкей* уд., *ягса* иж. уд., *якса* уд.

Еще десять названий лешего извлечены из других источников: *вөр көзяин*, *яг морт* иж., *гöна пель* вым., *кольча син* печ., *кузьё*, *кыж* уд., *недуг* вв. (Нивш.), *чукля*, *ыджыд көма* лл., *Кузь Иван* вв. (Крч.) [Конаков 1996, КФ 2002, КЭСК 1999, Лыткин 1972, МП 2005].

Среди анализируемых наименований представлены как исконные лексические единицы (отдельные лексемы и словосочетания), так и заимствованные из русских народных говоров. Русское влияние обнаруживается не только в лексическом заимствовании, но и в образах лесного духа-хозяина у коми (имеется в виду его внешний облик, деятельность). Это объясняется многовековыми тесными контактами коми с русским населением. К тому же, как отметил Л. П. Лашук, при заселении Удоры, Ижмы, верхней Вычегды, Печоры и Летки наряду с коми-зырянами в тех же местах оседали и русские, вскоре этнически слившиеся с представителями коренной народности [Лашук 1972, 253-254]. В связи с этим для анализа привлекается лексический материал как родственных финно-угорских, так и русского языков.

1. Однокомпонентные наименования

1.1. Номинация по месту обитания

Вёрса вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс.

Основным термином для номинации духа-хозяина леса в коми-зырянском языке является лексема *вёрса* 'лесной / леший', образованная от существительного *вёр* 'лес' с помощью словообразовательного суффикса прилагательных *-са*. У коми-пермяков имеется аналогичный мифоним *вёрись*, представляющий собой результат присоединения к слову *вёр* 'лес' малопродуктивного суффикса прилагательных *-ись* со значением 'относящийся к такому-то месту' [КПРС 1985 : 83, 84, 604].

В русских народных говорах, в том числе и в северных, имеется аналогичное наименование лешего – *лесной* [СРНГ 1980, 374].

Ягса иж. уд., *якса* уд.

В ижемском и удорском диалектах название лешего образовано в результате присоединения уже упоминавшегося суффикса *-са* к основе *яг*, повсеместно имеющей значение 'бор', а на Сысоле, в ижемском и удорском диалектах также 'лес'. Таким образом, рассматриваемая номинативная единица *ягса*, имеет значение 'леший / лесной', 'боровый' [СДКЯ 2014, 875].

1.2. Номинация по внешнему виду

Важно отметить, что леший, в представлениях коми, может предстать как антропоморфное, зооморфное, орнитоморфное существо, как атмосферное явление, но может иметь и контаминированный облик [МП 2005, 346]. В зависимости от принимаемого им облика находятся и наименования владыки леса.

Кузь лл. (Об.) скр. сс. (Ыб) букв. 'длинный'

И. А. Плосков обращает внимание на то, что в «Дополнении к Краткому этимологическому словарю коми языка» авторы сопоставляют слова *кузь*, *кузьё* 'чёрт', 'леший' с удмуртским словом *кузьё* 'хозяин', полагая, что прототипом общепермской праформы **kuz'a* является чувашское *хуза*, *хуза* 'хозяин, владелец'. В современном коми языке значение 'хозяин' у слова *кузь* не сохранилось. Как наименование лешего (хозяина леса) оно указывает на его огромный рост [КЭСК 1999, 411; Плосков 1984, 133-135]. В коми-пермяцком языке понятие «леший», так же, как и в коми-зырянском, передают лексемы *кузь* букв. 'длинный', *ыджыт* букв. 'большой' [Голева 2011, 94]. В лузско-летском диалекте коми языка лексическая единица *ыджыд* именуется нечистого, злого духа [СДКЯ 2014, 830]. В русских народных говорах, в частности, в Вятской губернии, зафиксировано наименование лешего *долгий*, также подчеркивающее его высокий рост [Дынин 2012, 97].

Кыж уд.

Е. С. Гуляев соотносит данное наименование с удмуртским обозначением нечистой силы *кыж-мыж* и с удмуртским глаголом *кыжмыны* 'загрязниться' [КЭСК 1999, 412]. В словарях удмуртского языка у лексической единицы *кыж-мыж*, помимо значения 'нечисть, нечистая сила', отмечено также значение 'грязный, нечистоплотный' [УРС 2008, 366; РУС 2019 I, 784]. Можно сопоставить это наименование с номинативными единицами *нечистая сила*, *нечисть* в русском языке. Как отметила И. В. Кириллова, «чистое, светлое является носителем божественного, святого, и по контрасту – образ дьявольского, сатанинского» [Кириллова 2015, 112].

Сюра скр. сс. букв. 'рогатый'

На то, что леший может иметь рога, указывается и в русском, и в коми-пермяцком фольклоре [Мадлевская 2005, 316; Голева 2011, 95]. Так, у коми-пермяков зафиксирован мифоним *сюра-пеля* букв. 'рогатый-ушастый', являющийся наименованием владыки леса.

Чукля букв. 'кривой'

Рассматриваемый мифоним зафиксирован без указания на конкретные регионы распространения [МП 2005, 598]. В удорском диалекте мифоним *чукля* именуется также черта и вообще нечистую

силу [СДКЯ 2014, 736]. В специальной литературе отмечалось, что идея кривизны, увечности, которую транслируют некоторые наименования мифологических персонажей, релевантна для образа нечистой силы [Березович, Сурикова 2020, 18]. В русских народных говорах также имеются демони́мы, созданные на этой мотивационной основе, например, диалектные наименования *кривой*, *кривой вражонок* ‘черт’ [СРНГ 1970, 185; Березович, Сурикова 2020, 18].

1.3. Номинация по способу передвижения в пространстве

Шувгей уд., *шувкей* уд.

Как уже упоминалось выше, в образах хозяина леса у коми и русских обнаруживается сходство. И в русской мифологии, и у коми, а также у коми-пермяков леший может появляться в виде сильного ветра, вихря. [Мадлевская 2005, 51; МК 1999, 118; Голева 2011, 95]. В удорском диалекте коми языка зафиксированы название лешего *шувгей* и его фонетический вариант *шувкей*. Первое значение данной лексемы – ‘ветер, вихрь’ [СДКЯ 2014, 805]. Также вихрь *шувгей* (*шувкей*) представляет собой сонм демонических существ, похищающих людей (МП 2005, 594). В русской мифологии *вихор* вят. – нечистая сила, якобы находящаяся в вихрях [СРНГ 1969, 305]. Коми-пермяки в некоторых случаях обращаются к лешему, называя его *Вихор Вихоревич* [Голева 2011, 94].

1.4. Номинация по звуку, издаваемому демоном

Тя уд.

Удорское название лешего *тя*, очевидно, имеет в основе речевые признаки номинируемого и произведено от звукоподражательного идеофона *тяв-тяв*, обозначающего лай щенка.

Такое предположение основывается на том, что данный мифологический персонаж, поскольку он является оборотнем, может принимать образ какого-либо животного, в том числе собаки [КФ 2002, 165]. А. Ф. Журавлев, рассматривая глагольные обозначения бесовской речи в восточнославянских языках, упоминает, что леший гавкает [Журавлев 2013, 354].

Можно отметить, что лексема *тя* в среднесысольском диалекте (Втч. Пд. Ыб) имеет значение ‘щенок’, в верхневычегодском лексическая единица *тяве* (Ан. Руч) именуется дворняжку [СДКЯ 2014, 637].

1.5. Заимствованные номинативные единицы

В словарях коми языка зафиксировано несколько наименований лешего, заимствованных из русских народных говоров.

Лешак иж. скр. уд.

Как в русском, так и в коми, в коми-пермяцком, в удмуртском языках слово *лешак* употребляется также как бранное.

Леш лл. (Зан.) сс. (Пж.). *лешунь* печ.

Наименование *леш*, видимо, следует рассматривать как результат апокопического сокращения лексической единицы *лешак*, а *лешунь*, в свою очередь, образовано от него с помощью суффикса *-унь*, представленного только в диалектной лексике [Федунева 1985, 39].

Суземьё вс. (Кб.)

Верхнесысольское название лешего *суземьё*, по-видимому, является иллюстрацией полного совпадения наименования объекта ландшафта и обитающего в нем демона. Так, заимствованная из русского языка лексема *суземьё* вс. (Кб.) имеет еще и значение ‘тёмный, глухой, дремучий лес’ [СДКЯ 2014, 439].

В «Словаре русских народных говоров» лексическая единица *суземье* определяется следующим образом: ‘Глухой дальний лес. Перм., 1848. Суземьем у нас дремуч-от лес прозывают; шибко, говорят, страшно там. Перм. Здесь Михайло Потапыч живет, хозяин суземья Арх.’ [СРНГ 2008, 186]. Здесь уместно обратить внимание на то, что, как отмечается в специальной литературе, у коми, удмуртов, а также у целого ряда сибирских народов одной из ипостасей лешего является медведь, хозяин леса [Конаков 1996, 52]. Лексическая единица *сузеньюшка* в русских народных говорах также обозначает мифическое существо [СРНГ 2008, 189].

Не сс. (Втч. Пд.)

В ряде диалектов коми языка зафиксированы наименования нечистой силы, заимствованные из русских народных говоров и содержащие в своей формальной структуре приставку *не-*: *некош* лл. (Нош.), *некошной* лл. (Пор.) (< рус. *некошной* ‘всякая нежить, водяной, домовый, леший’), *невидим* печ. (< рус. перм. *невидимка* ‘род нежити, домового’) и другие [Даль 1979, 505, 521; СДКЯ 2012, 978, 980, 984]. Возможно, среднесысольское название лешего (и злых духов вообще) *не*

закрепилось в названном диалекте благодаря этим наименованиям и образовано в результате усечения конечных слогов слова.

Недуг вв. (Нивш.), *недук* уд. (Чупр.)

Так же, как и мифоним *не*, рассматриваемые лексические единицы именуют нечистого, злого духа, лешего.

В русских народных говорах словом *недуг* обозначается ‘болезнь чего-либо’, ‘врожденная неизлечимая болезнь’, ‘падучая болезнь’, ‘чирей, нарыв, болячка’ и т. д. [СРНГ 1986, 37].

А. Ф. Журавлев обращает внимание на наличие семантических связей между названиями нечистой силы и различных болезней, которые «составляют, по крайней мере для славян, устойчивый стандарт». Он приводит целый ряд примеров, в числе которых и злопожелание *недуг тебя убей!* ‘Чтоб ты околел!’ и др. В клишированных бранных выражениях очевидно замещение имен черта названиями различных болезней [Журавлев 2005, 699-700; СРНГ 1986, 38].

По-видимому, общность русских диалектных названий нечистой силы и болезней могла способствовать использованию заимствованного слова *недуг* в коми языке в качестве мифонима.

Более детальное рассмотрение ряда заимствованных наименований лешего в коми языке содержится в работе «О некоторых наименованиях лесной нежити в диалектах коми языка [Айбабина 2021].

2. Составные наименования

2.1. Номинация по месту обитания

В одиннадцати наименованиях из шестнадцати акцентируется локативная характеристика демона.

В составных конструкциях, номинирующих лешего, в качестве атрибута фиксируются лексические единицы *вӧрса* ‘лесной’, *вӧр* ‘лес / лесной’, *парма* иж. ‘парма’, *яг* ‘бор’, ‘лес’ [СДКЯ 2012, 267, 271; СДКЯ 2014, 875].

Следует остановиться на рассмотрении опорных компонентов двусоставных единиц, номинирующих лешего.

Вӧр айка вв. (Мор.)

Главное слово мифонима *айка* имеет в большинстве диалектов (вв. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд.) значение ‘свекор’, в вымском и ижемском – ‘тесть’. На верхней и нижней Вычегде, Выми и Печоре лексема *айка* является также наименованием злого духа, сверхъестественного существа [СДКЯ 2012, 24]. Как заметил Н. Д. Конаков, *айка* – составная часть ряда наименований представителей «низшей» мифологии, духов-хозяев [МК 1999, 79]. Термин является производным от слова *ай* ‘отец, родитель’, ‘самец’. Суффикс *-ка* Г. В. Федюнева рассматривает в целом как заимствованный формант, но в приведенном слове не исключает возможности его возведения к древнему финно-угорскому *kkV [Федюнева 1985, 104]. Таким образом, буквальное значение номинативной единицы *вӧр айка* – ‘лесной дух-хозяин’.

Модель, согласно которой дух получает название по месту обитания в лесу, использована для наименования лешего и в венгерском языке: *erdei szellem* букв. ‘лесной дух’ [OMSz 2000, 230].

Вӧр олысь лл. (Об.), *вӧрса оліся* вв.

То же буквальное значение имеют наименования *вӧрса оліся* вв. и *вӧр олысь* лл. (Об.). Лексико-семантический вариант ‘дух, обитающий где-л.’ появился в структуре лексемы *олысь* на базе основного значения ‘живущий / житель; обитатель’. Варианты *олыся* вв. (Укл.) вым (Кони) нв. печ. скр. сс. и *оліся* вв. уд. также используются для номинации мифологических существ [СДКЯ 2012, 1072]. В мифологии коми слово *олысь* применяется для обозначения духов-хозяев места вообще [МП 2005, 599].

Вӧр пӧль лл. (Пор.), *вӧр пӧльӧ* вс. (Уж.) сс. (Пж.)

Лексема *пӧль* вв. (Дер. Крч.) лл. уд. (*пӧльӧ* вс.) имеет значения ‘дед (отец отца)’, ‘старик’ [СДКЯ 2014, 186]. Таким образом, номинативные единицы *вӧр пӧль* лл. (Пор.), *вӧр пӧльӧ* вс. (Уж.) сс. (Пж.) имеют буквальное значение ‘лесной дедушка / старик’.

Вӧр дядьӧ лл. (Чтв.), *вӧрса дядьӧ* лл. (Зан.)

В семантической структуре заимствованной из русского языка лексемы *дядь* в большинстве диалектов коми языка отмечены лексико-семантические варианты ‘дядя (брат отца или матери; муж сестры отца)’, ‘отчим’, а в вымском и удорском диалектах – ‘мужчина; незнакомый человек’ [СДКЯ 2012, 493]. Буквальное значение лексических единиц *вӧр / вӧрса дядьӧ* – ‘лесной дядя’.

По мнению Н. Д. Конакова, главные компоненты рассмотренных составных наименований лешего *айка* ‘свекор’, *дядь / дядьӧ* ‘дядя’, *пӧль / пӧльӧ* ‘дед’, ‘старик’, в своем основном значении явля-

ющиеся терминами родства, указывают на старшинство, главенствующую роль этого духа в лесу [Конаков 1996, 52].

Модели 'лесной дядя', 'лесной дедушка / старик' активны также в вепском, в близкородственных пермских языках, в северных русских народных говорах: к.-п. *вөр дядь*, удм. *нюлэснюня* (букв. 'лесной дядя'), рус. *лесной дядя* [Даль 1979, 279], удм. *нюлэсбуба* (букв. 'лесной дед') [КПРС 1985, 83; УРС 2008, 479], вепс. *тесаик* 'букв. лесной старик' [СВЯ 1972, 323], рус. *лесной дедушка* [СРНГ 1980, 373-374].

Вөр көзяин букв. 'лесной хозяин'

Рассматриваемое наименование лешего зафиксировано без указания на место его распространения [КФ 2002, 165].

В коми-пермяцком, удмуртском языках, в ливвиковском диалекте карельского языка, в севернорусских говорах также имеются наименования, образованные по модели 'лесной хозяин', соответственно: *вөр көзяин*, *нюлэскузё*, *тэлькузё*, *тецән иžändü* [Конаков 1996, 52; УРС 2008, 479; Борисов 1991, 295; СКЯ 1990, 97; СРНГ 1980, 373-374]. В печорском диалекте коми-зырянского языка наименование *вөр көзяин* (букв. 'лесной хозяин') обозначает старшего на охоте [СДКЯ 2012, 727].

Вөр лешак вс.

В рассматриваемом наименовании атрибут *вөр* 'лес / лесной' на первый взгляд представляется семантически избыточным определением. Однако следует отметить, что в коми языках заимствованное слово *лешак* приобрело также значение 'черт' [КРК 2000, 349; КПРС 1985, 221]. Таким образом, рассмотренное наименование лешего можно трактовать как 'лесной черт'.

Вөр посатса уд.

По-видимому, компонент *посатса* является полукалькой русской лексемы *посадский*. В нескольких диалектах коми языка (вс. лл. скр. сс.) заимствованная лексическая единица *пöсад* функционирует в значении 'парная линия снопов, приготовленная на току для ручной молотбы' [СДКЯ 2014, 197]. Очевидно, что на базе коми языка не удастся объяснить возникновение рассматриваемого коми названия демона.

Однако ряд значений лексемы *посадский*, зафиксированных в русских лексикографических источниках, позволяет предположить, что наименование *вөр посатса* (букв. 'лесной посадский') содержит указание или на место обитания демона, или на присущие лешему действия. Так, в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова у слова *посадский* зафиксировано значение 'хулиган, грубый и развязный озорник (обл. *бран.*)' [ТСРЯ 1939, 310]. По народным представлениям, леший любит подшутить над людьми. В частности, одной из распространенных его проделок являлась потеря человеком способности ориентироваться в лесу.

Яг морт иж.

Рассматриваемая двусоставная номинативная единица имеет буквальное значение 'лесной / боровой человек'. В коми-пермяцком, удмуртском и вепском языках также имеются названия лешего, образованные по лексико-семантической модели 'лесной человек': к.-п. *вөр морт*, удм. *нюлэсмурт*, вепс. *тесатеž* [КПРС 1985, 83; УРС 2008, 479; СВЯ 1972, 323].

Парма зон вв. (Нивш.)

В верхневычегодском названии лесного духа заложено указание на его обитание в парме: *парма зон* ('парень из пармы'). Существительное *парма* в нижневычегодском диалекте обозначает ельник на высоком месте, но более широкое распространение (вв. вым. иж. лл. печ. скр. сс.) имеет значение 'лесистый кряж, увал'. В словаре литературного коми языка у слова *парма* зафиксировано также значение 'парма; лес, тайга' [СДКЯ 2014, 70; КРС 2000, 484].

2.2. Наименования, характеризующие внешний облик лешего

Гöна пель вым. (букв. 'мохнатые уши')

По мнению Н. Д. Конакова, скорее всего, это ошибочно записанная лексическая единица *гöна пöль* (букв. 'мохнатый старик') [Конаков 1996, 52]. Эта точка зрения не лишена основания. В частности, в русской мифологии, оказавшей несомненное влияние на развитие образа данного мифологического персонажа у коми, леший мохнат, у него рога [Мадлевская 2005, 316]. Эта особенность внешнего облика лешего отмечается и в коми несказочной прозе [МП 2005, 357].

Однако наименование лешего 'мохнатоухий' находит подтверждение в ряде быличек. Леший называет человека голоухим или лысоголовым, тогда как сам он *гöна пеля* – мохнатоухий, с ушами, как у совы [МП 2005, 370, 373, 593]. В коми-пермяцком языке отмечено наименование лешего *кöспель* 'сухоухий' [Голева 2011, 94].

В числе табуизированных наименований, указывающих на внешние особенности лесного духа-хозяина, зафиксированы также мифонимы *кольча син* печ. (букв. 'круглые глаза'), *пони чуня* уд. (букв. 'с маленькими пальцами'), *ыджыд кѳма* лл. (букв. 'в большой обуви') [Конаков 1996, 52; Лыткин 1972, 116].

В рассказах о встречах с лешим, даже если он предстает в антропоморфном облике, отмечается, что людям, встретившимся с ним, понятно, что это не человек. Нередко рассказчик отмечает характерные особенности демона: *И аддза: сулалѳ ыджыд тушаа..., съѳд гѳна, ыджыд лапаяса и медся ѳна запомнитчѳма синъясыс. Сэтиѳм пѳ ыджыдѳсь и ме вылѳ сэтиѳм ѳна видзѳдѳны...* 'Вижу: стоит огромный ..., весь покрыт черной шерстью, с большими лапами. Больше всего запомнились глаза: такие большие и на меня так смотрят...' [МП 2005, 357, 358].

В удмуртском названии лешего также запечатлена одна из предполагаемых особенностей его внешности: *кузьпинѳмурт* букв. 'длиннозубый человек' [УРС 2008, 345].

Кузь Иван (букв. длинный Иван)

В «Материалах по коми диалектологическому словарю» В. И. Лыткин фиксирует единственное обозначение лешего, именуемое его по имени [Лыткин 1972, 117]. Коми-пермяки иногда обращаются к лесному владыке, называя его личными именами: *Митрофан Митрофанович, Федор Фролович, Иван Горнозович* и др. [Голева 2011, 94].

Кузь шутилѳ печ. (Свб.)

Данное наименование лешего, используемое в бранном контексте по отношению к человеку большого роста, связано со словом *шут*, значение которого В. И. Даль определяет как 'всякая нежить, домовый, леший, водяной' [СДКЯ 2014, 814; Даль 1980, 649-650]. В своей книге «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» А. Ф. Журавлев отмечает, что значение глагола *шутить* 'морочить, водить, путать, дразнить (о нечистой силе)' является более старым, нежели 'веселиться, забавляться, играть словом, острить, иронизировать' и произведено от существительного *шут* 'черт' [Журавлев 2005, 680].

В заключение можно подвести некоторые итоги. Подавляющее число номинаций владыки лесных угодий представляют собой эвфемизмы, табуистические обозначения демона. Следует отметить этимологическую прозрачность наименований лешего в коми языке. Среди них количественно лидируют обозначения, указывающие на локус рассматриваемого мифологического персонажа. Ряд номинативных единиц, обозначающих лесного хозяина, мотивирован особенностями внешнего облика демона, каким его представляли коми. Немногочисленные наименования характеризуют владыку леса по способу передвижения, по речевым признакам.

Анализ представленного материала позволил выявить лексико-семантические модели, используемые в процессе номинации.

Составные наименования в своем большинстве представляют собой атрибутивные конструкции, в которых в качестве атрибута выступают названия лесных объектов или их словообразовательные дериваты, а в качестве главного компонента – исконные и заимствованные наименования, обозначающие нечистую силу, духов, в числе которых термины родства в переносном значении.

Обращает на себя внимание наличие значительного числа моделей номинации лешего, общих для близкородственных пермских и русского языков. Однако в коми-пермяцком и удмуртском языках отмечены и другие, актуальные для носителей этих языков мотивировочные признаки хозяина леса, отраженные в их названиях.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты:

вв. – верхневычегодский диалект коми языка;

вепс. – вепсский язык;

вс. – верхнесыольский диалект коми языка;

вым. – вымский диалект коми языка;

иж. – ижемский диалект коми языка;

кар. – карельский язык;

к-п. – коми-пермяцкий язык;

лл. – лузско-летский диалект коми языка;

нв. – нижневычегодский диалект коми языка;

печ. – печорский диалект коми языка;

рус. – русский язык;
скр. – присыктывкарский диалект коми языка;
сс. – среднесыольский диалект коми языка;
уд. – удорский диалект коми языка.

Наименования населенных пунктов: Ан. – с. Аныб, Втч. – с. Вотча, Гр. – с. Грива, Зан. – с. Занулье, Кб. – с. Кобра, Крч. – с. Керчомья, Лопт. – д. Лоптога, Млд. – с. Мыёлдино, Мор. – с. Мордино, Об. – с. Объячево, Плз. – с. Палауз, Пж. – с. Пажга, Пор. – д. Поруб, Свб. – д. Савинобор, Уж. – с. Ужга, Укл. – с. Усть-Кулом, Устьн. – с. Усть-Нем, Чтв. – с. Читаево

Прочие сокращения: букв. – буквально, буквальный перевод.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабина Е.А.* О некоторых наименованиях лесной нежити в диалектах коми языка // Известия Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 2021. Вып. 2 (21). С. 5–9.
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Наименования нечистой силы в русских проклятиях. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 5–28. DOI: 10.17223/19986645/67/1.
- Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. 384 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва. Т. 1. 1978. 699 с.; Т. 2. 1979. 779 с. Т. 4. 1980. 683 с.
- Голева Т. Г.* Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. Пермь: «Мама-тов», 2011. 217 с. (Фольклор народов России).
- Дынин В. И.* О номенклатуре русских мифологических персонажей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2012. № 1. С. 96–100.
- Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Москва: Индрик, 2005. 1004 с.
- Журавлев А. Ф.* Фонетика бесовской речи (на восточнославянском материале) // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. Москва: Индрик, 2013. С. 344–362.
- Кириллова И. В.* Особенности семантики демонологической лексики в русском языковом сознании // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 109–118.
- Конаков Н. Д.* Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996. 131 с.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. Москва, 1985. 624 с.
- КРК – *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукөр. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000. 816 с.
- КФ – Коми фольклор: Хрестоматия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 328 с.
- КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 432 с.
- Лашук Л. П.* Формирование народности коми. М., 1972. 392 с.
- Лыткин В. И.* Материалы по коми диалектологическому словарю // Коми филология. Сыктывкар, 1972. С. 110–120. (Труды ИЯЛИ; № 14).
- Мадлевская Е. Л.* Русская мифология. Энциклопедия. Москва, 2005. 784 с.
- МК – Энциклопедия уральских мифологий. Т. I. Мифология коми. Москва-Сыктывкар, 1999. 480 с.
- МП – Му пуксьём – Сотворение мира / Авт.-сост. П. Ф. Лимеров, Сыктывкар 2005. 624 с.
- Плосков И. А.* Названия мифических персонажей коми фольклора // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар, 1984. С. 130–147. (Труды ИЯЛИ; № 31).
- СВЯ – *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Ленинград, 1972. 346 с.
- СДКЯ – Словарь диалектов коми языка: В 2-х тт. / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина., Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева. Сыктывкар. Т. 1. 2012. 1096 с.; Т. 2. 2014. 888 с.
- СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.
- СРНГ 1969 – Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Ленинград, 1969. 385 с. СРНГ 1980 – Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Ленинград, 1980. 376 с.
- СРНГ 1981 – Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Ленинград, 1981. 384 с.

- СРНГ 1986 – Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Ленинград, 1986. 360 с.
СРНГ 1996 – Словарь русских народных говоров. Вып. 30. Санкт-Петербург, 1996. 384 с.
СРНГ 2008 – Словарь русских народных говоров. Вып. 42. Санкт-Петербург, 2008. 330 с.
ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. Москва, 1939. 712 с.
УРС – Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. Москва, 1985. 134 с.

- OMSz – Gáldi L., Uzonyi P. Orosz-magyar szótár. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000. 742 ol.
UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 905 s.

Поступила в редакцию 14.12.2022

Айбабина Евгения Авенировна,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: ajbabina.evgenya@yandex.ru
ORCID 0000-0003-2435-3081

E.A. Aibabina

NAMES FOR LESHY IN DIALECTS OF THE KOMI-ZYRYAN LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-162-171

The paper provides a semantic and motivational analysis of more than three dozen dialect lexical units nominating the host spirit of the forest in the Komi-Zyryan language. The main source of the research material was dialect dictionaries of the Komi-Zyryan language, papers on the mythology and folklore of Komi. Data from research folklore collections, lexicographic sources of other Finno-Ugric languages, etymological dictionaries were also involved. Among the analyzed names both native lexical units and those borrowed from Russian folk dialects are presented. The Russian influence is found not only in lexical borrowing, but also in the images of the forest host-spirit (this refers to its appearance, activity).

The considered mythonyms include separate lexemes and composite two-component lexical units. As a result of the analysis, lexical and semantic models have been identified, according to which the composite names of this mythological character have been formed. They are compared with correlated nominative units in closely related Permian languages. The etymological transparency of the names of Leshy in Komi dialects should be noted. Most often they emphasize its locative characteristic (*jagsa, parma zon*). A number of names characterize the forest spirit by the peculiarities of its external appearance, as it was envisioned by the Komi (*s'ura, pon'i č'un'a*), by the actions performed by the demon, by the method of movement (*šuvgej*), by speech characteristics (*t'a*).

Keywords: the Komi language, the Permian languages, Russian folk dialects, dialect vocabulary, borrowed vocabulary, evil spirits, mythonyms, Leshy, word-building models, motivational sign, lexico-semantic model

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project is FUUU-2021-0008 «Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals».

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 162–171. In Russian.

REFERENCES

- Aibabina E. A.** *O nekotorykh naimenovaniyakh lesnoi nezhati v dialektakh komi yazyka* [About some names of the forest undead in the dialects of the Komi language]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraja*. Vyp. 2(21). [Proceedings of the Society for the study of the Komi region. Issue 2(21)]. Syktyvkar 2021. Pp. 5–9. In Russian.
- Berezovich E. L., Surikova O. D.** *Naimenovaniya nechistoi sily v russkikh proklyatiyakh* [Names of Evil Spirits in Russian Imprecations] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Tomsk State University Journal of Philology]. 2020. № 67. Pp. 5–28. DOI: 10.17223/19986645/67/1. In Russian.

- Borisov T. K.** *Udmurtsko-russkii tolkovyi slovar'* [The Udmurt-Russian explanatory dictionary]. Izhevsk, 1991. 384 p. In Udmurt and in Russian.
- Goleva T. G.** *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov. (Fol'klor narodov Rossii)* [Mythological characters in the worldview of the Komi-Permians (Folklore of the peoples of Russia)]. Perm: Mamatov Publ., 2011. 217 p.
- Dal' V. I.** *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols]. Moscow, 1978. Vol. I. 699 p. 1979. Vol. II. 779 p. In Russian.
- Dynin V. I.** *O nomenklature russkikh mifologicheskikh personazhei* [About the nomenclature of Russian mythological characters]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, sociologiya [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History, Political Science, Sociology]. 2012. N 1. Pp. 96–100. In Russian.
- Zhuravlev A. F.** *Yazyk i mif. Lingvisticheskii kommentarii k trudu A. N. Afanas'eva "Poeticheskiye vozzreniya slav'an na prirodu"* [Language and myth. Linguistic commentary on the work of A.N. Afanasyev "Poetic views of the Slavs on nature"]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 1004 p. In Russian.
- Zhuravlev A. F.** *Fonetika besovskoi rechi (na vostochnoslavianskom materiale)* [Phonetics of demonic speech (of East Slavic material)]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiju akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th anniversary of academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow: Indrik Publ., 2013. Pp. 344–362. In Russian.
- KF** – Komi fol'klor. Hrestomatiya. [Komi folklore]. Syktyvkar, 2002. 328 p. In Komi.
- Kirillova I. V.** *Osobennosti semantiki demonologicheskoi leksiki v russkom yazykovom soznanii* [Features of the semantics of demonological vocabulary in the Russian linguistic consciousness]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. 2015. №9. Pp. 109–118. In Russian.
- KPRS** – *Komi-permyatsko-russkii slovar'* [The Komi-Permyak-Russian dictionary] / R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. Moscow, 1985. 624 p. In Permian and in Russian.
- KRK** – *Komi-roch kyvchukör. Komi-russkii slovar'* [The Komi-Russian dictionary] / L. M. Beznosikova, E. A. Aibabina, R. M. Kosnyreva. Syktyvkar, 2000, 816 p. In Komi and in Russian.
- Konakov N. D.** *Traditsionnoye mirovozzrenie narodov komi. Okruzhayushchii mir. Prostranstvo i vremya* [Traditional Worldview of the Komi People: The World Around. Space and Time]. Syktyvkar, 1996. 131 p. In Russian.
- Lashuk L. P.** *Formirovanie narodnosti komi* [Formation of the Komi nation]. Moscow, 1972. 392 p. In Russian.
- Lytkin V. I., Gulyaev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar'komi yazyka* [Concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, 1999. 432 p. In Komi and in Russian.
- Lytkin V. I.** *Materialy po komi dialektologicheskomu slovar'u* [Materials on the Komi dialectological dictionary]. *Komi filologiya* [Komi Philology]. Syktyvkar, 1972. Pp. 110–120. (Works of the Institute of Language, Literature and History. No. 14). In Komi and in Russian.
- Madlevskaya E. L.** *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya* [Russian mythology. Encyclopedia]. Moscow, 2005. 784 p. In Russian.
- MK** – *Entsiklopediya ural'skikh mifologii. T.I. Mifologiya komi* [The Encyclopedia of Uralic Mythologies. Vol. I. Komi mythology]. Moscow- Syktyvkar, 1999. 480 p. In Russian.
- MP** – *Mu puks'öm – Sotvorenje mira* / sost. Limerov P.F. [Creation of the world / comp. by Limerov P.F.] Syktyvkar, 2005. 624 p. In Komi and in Russian.
- Ploskov I. A.** *Nazvaniya mificheskikh personazhei komi fol'klora* [Names of mythical characters in Komi folklore]. *Voprosy leksikologii i slovoobrazovaniya komi yazyka* [Problems of lexicology and word formation in the Komi language]. Syktyvkar, 1984. Pp. 130–147. (Works of the Institute of language, literature and history. No. 31). In Russian.
- SVYA** – **Zaitseva M. I., Mullonen M. I.** *Slovar' vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad, 1972. 346 p. In Vepsian and in Russian.
- SKYA** – *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskii dialekt)* / sost. G. N. Makarov [Dictionary of the Karelian language (livvikovski dialect) / comp. by Makarov, G. N.]. Petrozavodsk, 1990. 495 p. In Karelian and in Russian.
- SDKYA** – *Slovar' dialektov komi yazyka. V 2 t.* [Dictionary of the Komi language dialects: In 2 vols.] / L. M. Beznosikova, E. A. Aibabina, N. K. Zaboeva, R. M. Kosnyreva. Syktyvkar. Vol. I. 2012. 1095 p.; Vol. II. 2014. 886 p. In Komi and in Russian.
- SRNG 1969** – *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 4.* [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 4]. Leningrad, 1969. 358 p. In Russian
- SRNG 1980** – *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 16.* [Dictionary of Russian folk dialects. Is 16]. Leningrad, 1980. 376 p. In Russian.

SRNG 1981 – Slovar' russkikh narodnykh govorov. . Vyp. 17. [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 17]. Leningrad, 1981. 384 p. In Russian.

SRNG 1986 – Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 21. [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 21]. Leningrad, 1986. 360 p. In Russian.

SRNG 1996 – Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 30. [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 30]. Saint-Petersburg, 1996. 384 p. In Russian.

SRNG 2008 – Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 42. [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 42]. Saint-Petersburg, 2008. 330 p. In Russian.

TSRYA – Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. V 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. T. 3 [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 vols.; editor D. N. Ushakov]. Vol. 3. Moscow, 1939. 712 p. In Russian.

URS – Udmurtsko-russkii slovar' [The Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk, 2008. 925 p. In Udmurt and in Russian.

Fedyuneva G. V. *Slovoobrazovatel'nye suffiksy sushchestvitel'nykh v komi yazyke* [Nominal word-forming suffixes in the Komi language]. Moscow, 1985. 134 p. In Russian.

OMSz – Gáldi L., Uzonyi P. Orosz-magyar szótár. Budapest 2000. 742 p.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 905 p.

Received 14.12.2022

Aibabina Evgenia Avenirovna

Candidate of Philology, Leading Researcher

Institute of Language, Literature and History,

Komi Research Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russian Federation

E-mail: ajbabina.evgenya@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2435-3081

Р. В. Гайдамашко

**РУКОПИСЬ «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ
ЗЮЗДИНСКАГО ПЕРМЯЦКАГО И ГЛАЗОВСКАГО ВОТСКАГО
НАРЪЧЬИ И БЕСЕРМЕНСКАГО ГОВОРА»: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
И АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ¹**

Объект исследования – анонимный рукописный документ «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесерменского говора». Место его хранения и шифр: Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 170 (Вятская ученая архивная комиссия). Оп. 1. № 140. В статье представлены наблюдения над листом использования документа, материалы к истории изучения рукописи и содержащегося в ней языкового материала, а также ее археографическое описание. Судя по листу использования, с рукописью знакомились достаточно большое количество исследователей при проведении научной работы, написании монографий, диссертаций и даже курсовых. Первым из выявленных упоминаний рукописи в научной литературе можно считать небольшую справку в учебнике «Коми-пермяцкий язык» 1962 г. под редакцией В. И. Лыткина. Наиболее полно (хотя и в недостаточной степени) к сегодняшнему дню исследованы обе удмуртские части рукописного словаря – бесермянская (Т. И. Тепляшиной) и глазовская (Л. М. Ившина). Пермяцкая же лексика рукописи до сих пор удостоилась только краткой характеристики за авторством С. А. Сажиной (в статье Л. М. Ившина). В иных работах приводятся (не без неточностей) лишь отдельные слова из рукописи (см. статьи О. П. Аксёновой, С. А. Максимова, Е. В. Поповой, В. С. Чуракова и др.). Сама рукопись до сих пор не издана и не исследована полностью.

В настоящей статье впервые совершено археографическое описание рукописи, а именно формата, переплета, нумерации, почерка, штампов на бумаге, тетрадей, из которых составлена рукопись, содержания документа, прочих (посторонних) записей, правок. По косвенным данным, чистовой вариант рукописи «Материалов для сравнительного словаря...» за авторством регистратора земской подворной переписи и краеведа П. М. Сорокина (1860–7.09.1895) писан его братом А. М. Сорокиным. Благодаря штампу на бумаге можно установить белую дату создания рукописи – 1887 г. По другим, уточненным данным, такой штамп датируется 1893–1894 гг.

Ключевые слова: памятники письменности XIX в., история письменности, история языкознания, археография, источниковедение, палеография, текстология, лексикография, пермистика, удмуртский язык, бесермянское наречие, глазовский диалект, коми-пермяцкий язык, зюздинское (верхнекамское) наречие.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-172-187

1. Введение

Во втором номере «Ежегодника финно-угорских исследований» за 2020 г. была опубликована статья Л. М. Ившина «О рукописи “Материалы для сравнительного словаря...”», в которой приводятся некоторые данные об истории изучения словаря и о его авторе, соображения С. А. Сажиной относительно коми-пермяцкой лексики, представленной в этом памятнике письменности, кратко анализируются графические, диалектные, лексические и другие особенности удмуртской лексики рукописи [Ившин 2020]. Несмотря на то, что рукопись уже не первый раз привлекает к себе внимание разных исследователей, по-прежнему не написана история ее изучения и не совершено ее археографическое описание, хотя детальное археографическое описание списков рукописей – это основа текстологического анализа любого письменного памятника, на что неоднократно указывалось Д. С. Лихачевым: «В первую очередь она <текстология> требует хорошей постановки архивоведения, она требует хорошей организации научного описания рукописей в наших основных рукописных хранилищах и всемерной координации усилий ученых всех стран.

Если нет научных описаний рукописей, то это значит, что разыскание необходимых для того или иного изучения рукописей отдано на волю случая, а исследователи вынуждены параллельно вести одну и ту же работу, которая могла бы быть сделана раз и навсегда для всех сразу. Ученые, работающие без полного аппарата научных описаний с чрезвычайными затратами времени и труда, часто

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00111, <https://rscf.ru/project/21-78-00111/>.

вознаграждают себя тем, что торопятся заняться теми или иными случайно найденными материалами, даже если они не относятся к области их специальных интересов, и публикуют документы, воздерживаясь предупреждать читателей, что не собрали всех списков издаваемого памятника.

«Составление полных, детальных, развернутых научных описаний всех еще не описанных фондов, интенсификация работ в этой области – самая неотложная задача всех наших рукописных хранилищ. Без этого текстология не сможет развиваться даже при наличии самых прогрессивных методических приемов.» [Лихачев 2001, 34].

При том, что глубокие исследования различных рукописных памятников, содержащих пермский языковой материал, проводятся как минимум с середины XX в. (см. труды В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной, Р. М. Баталовой и др.) и особенно много их появляется в конце XX – начале XXI вв. (см. труды Л. М. Ившина, И. И. Муллонен, О. А. Сергеева и целой плеяды молодых исследователей, задействованных в проекте «LingvoDoc»), традиция археографического описания, которое предшествовало бы анализу всех прочих аспектов рукописи, увы, так и не сложилась. Примером такой работы можно считать описание всех известных списков коми-пермяцких рукописей протоиерея Антония Попова (1744–1784) [Гайдамашко, Левичкин 2020].

В настоящей статье предпринят опыт археографического описания анонимной рукописи «Материалы для сравнительного словаря зюдинского пермяцкого и глазовского вотского нарѣчій и берсерменского говора». Место ее хранения и шифр: Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 170 (Вятская ученая архивная комиссия). Оп. 1. № 140.

Археографическому описанию предшествуют наблюдения над листом использования рукописи (разд. 2), материалы к истории изучения рукописи и содержащегося в ней языкового материала (разд. 3). Археографическое описание рукописи (разд. 4) выполнено по образцу описания коми-пермяцких рукописей протоиерея Антония Попова и их списков из фондов Ф. Аделунга и А. М. Шёгрена [Гайдамашко, Левичкин 2020]: представлено описание формата (4.1), переплета (4.2), нумерации (4.3), почерков (4.4), филиграней и штемпелей на бумаге (4.5), тетрадей, из которых составлены рукописи (4.6), содержания документа (4.7), прочих (посторонних) записей (4.8). Подробнее об элементах археографического описания см.: [Творогов 2009, 79–86]. В заключении уточняется датировка создания рукописи.

2. Лист использования рукописи

Как правило, любопытную информацию, относящуюся к истории изучения той или иной рукописи, можно почерпнуть из листа (или листов) ее использования (см., например, [Гайдамашко, Пономарева 2019, 8–9]). Стандартный лист использования архивных документов состоит из нескольких столбцов: «Дата использования», «№№ использованных листов», «Для какой цели использован документ», «Характер использования документа (если снята копия или сделана выписка)», «Подпись лица, сделавшего запись». К сожалению, немногие исследователи утруждают себя написанием своей фамилии полностью, ограничиваясь лишь подписью, поэтому часто нет возможности достоверно установить личности всех персон, знакомившихся с рукописью.

Если опираться на данные имеющегося листа использования исследуемой рукописи (см. рис. 1), можно утверждать, что в разное время для разных целей с ней знакомились:

- 1) 03.11.1976 «для диссертации // сделана выписка» [А. А.?] Бобовский;
- 2) 22.11 [без указания года] «выписки отд. слов для науч. работы» [Ф. И.?] Гордеев;
- 3) 24.03.1983 «выписи отд. слов для статьи» Вит. Ру... [-]²;
- 4) 27.03.1989 «для ознакомления» Голун... [-];
- 5) 25.02.1988 «просм.» [-]
- 6) 19.08.1989 «сбор мат. по теме // выписки» В... [-]
- 7) 27.07.1990 «монография // просмотр, выписки» [-]
- 8) 21.10.1993 «н[аучная]/р[абота] // выписки» [подпись того же человека, что и строкой выше?]
- 9) 05.12.1996 «просмотр» Ш... [-]
- 10) 03.03.1997 «н/р // просмотр, выписка, ксер.» [О. П.] Аксёнова
- 11) 18.06.1997 «н/р // просм., ксерокопирование» [-]
- 12) 03.07.2003 «курсовая работа // просмотр» [-]
- 13) 19.02.2004 «диссерт. исслед. // просмотр» [-]

² Здесь и далее в разделе тире в квадратных скобках указывает на то, что подпись не идентифицирована.

- 14) 22.09.2004 «просмотр» Медведицына
- 15) 27.01.2006 «науч. раб. // просмотр» [-]
- 16) 23.08.2006 «н/р // просмотр» [-]
- 17) 02.10.2008 «н/р // фотокоп.» [-]
- 18) 14.05.2010 «научная раб. // фотокоп.» [-]
- 19) 06.11.2012 «запрос // см» [-]
- 20) 15.11.2012 «н/р // см» [-]
- 21) 24.09.2013 «н/р // просм. выпис.» [Т. Г.] Голева
- 22) 17.11.2014 «н/р» [Т. Г.] Голева
- 23) 16.10.2018 «исследоват. работа // просмотр, выписка» [-]
- 24) 05.09.2019 «исследоват. работа // просмотр, археографическое описание» Р. В. Гайдамашко

ГОС. ЛИСТ Фонд № 170		ОБЛАСТИ ОБА. 3. ДОКУМЕНТОВ Опи. 1 Ед. хр. № 140		
Дата использования	№№ использованных листов	Для какой цели использован документ	Характер использования документа (если снята копия или сделана выписка)	Подпись лица, сделавшего запись
21/10-76	1, 2, 3, 3об., 8, 9	для просертификации	сделана выписка	Бобовина
22/11		выписки отрывков для науч. работы		Горюхи
24/11-89		Вопросы орг. структуры		Вит. Р.
27, 05.89		для ознакомления		Горюхи
25.02.88		просм.		Горюхи
19.08.89	1-14, 24-28; 17-22; 30-31	сбор мат. к тезис	выписки	Вит.
27.07.90	1, 7, 8	монография	просм., выписка	Горюхи
21.10.93	2, 3, 32	к/р	выписка	Шев
5.11.96			просм.	
3.03.97.		к/р	просм., выписка	Алексеев
18.06.97	1-32	к/р	просм., выписка	Вит.
3.07.03	1-32	курсовая работа	просм.	Вит.
19.02.04		диссерт. исслед.	просм.	Вит.
			просм.	Бобовина

Рисунок 1. Лист использования рукописи (фрагмент)

Итак, мы видим относительно много записей об использовании рукописи при проведении научно-исследовательской работы, при написании монографий, диссертаций и даже курсовых³. При этом, судя по всему, это не первый лист использования рукописи (который, видимо, был утрачен), а как минимум второй (см. в разд. 3 информацию об изучении рукописи и до 1976 г.). Увы, большинство подписей сложно соотнести с известными фамилиями.

3. Из истории изучения рукописи и ее материалов

3.1. Возможно, одной из первых публикаций, в которых упоминается анализируемый словарь (не рукопись!), является некролог П. А. Голубева, посвященный П. М. Сорокину [Голубев 1895] –

³ Для сравнения, в листах использования первых коми-пермяцких словарей и грамматики за авторством протоиерея Антония Попова, хранящихся в Эрмитажном собрании Российской национальной библиотеки, насчитывается от 13 до 18 записей. Возможно, повышенный интерес к рукописи «Материалы для сравнительного словаря...» обусловлен тем, что она содержит материалы сразу по трем различным идиомам.

предполагаемому автору рукописи (см. далее 3.3 и 3.10). В некрологе перечислены работы П. М. Сорокина, опубликованные на страницах газеты «Вятские губернские ведомости» с 1890 г., и в том числе «Зюздинский словарь» [Голубев 1895, 4] (здесь может иметься в виду пермяцкая часть рукописного словаря), но сплошной просмотр подшивок этой газеты за 1887–1895 годы⁴ не выявил статьи П. М. Сорокина с таким названием или подходящим содержанием.

3.2. В учебнике «Коми-пермяцкий язык» в разделе «Диалектологические словари» главы «Коми-пермяцкая лексикография» дана следующая информация: «“Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого, глазовского вотского и бесермянского говора” [sic! неточность в названии рукописи. – Р. Г.] содержит около 1650 слов зюздинского (верхнекамского) диалекта. Рукопись хранится в Историческом отделе Госархива г. Кирова (№ 170, оп. 1, ед. хр. 140). Словарь написан в конце XIX века» [КПЯ 1962, 150].

В более поздних работах за авторством и под редакцией В. И. Лыткина данные этого словаря, в отличие от других рукописей, содержащих коми-пермяцкий материал (например, словарей Антония Попова, Георгия Чечулина и др.), не привлекаются и не анализируются.

3.3. В монографии Т. И. Тепляшиной, посвященной памятникам удмуртской письменности, упоминается, что на средства Института языкознания АН СССР в числе прочих памятников ею снята копия с рукописи «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора», и указывается, что снятые фотокопии хранятся в секторе финно-угорских языков Института языкознания⁵ [Тепляшина 1965, 5]. Название рукописи с указанием места хранения и шифра повторяется в списке сокращенных названий трудов на русском языке [Тепляшина 1965, 301]. Материалы рукописи к анализу в монографии не привлекаются.

В монографии «Язык бесермян» Т. И. Тепляшиной приведены: название рукописи по нормам современной орфографии, место хранения, шифр (то же повторяется и в списке источников [Тепляшина 1970, 247]); сведения о количестве листов, почерке («красивый разборчивый»), бумаге («стандартные листы из хорошей эластичной бумаги»), структуре документа и словарных статей, объеме бесермянского словника («свыше 800 бесермянских лексем»); тематическая характеристика русского словника; фотокопия одной страницы (л. 1об.)⁶ и др. [Тепляшина 1970, 50–52]. Т. И. Тепляшина сообщает, что путем изучения и сличения различных рукописей Кировского архива по почерку ей «удалось установить, что автором рукописного сравнительного словаря является статистик Вятского края XIX в. П. М. Сорокин. Работая в качестве регистратора земской подворной переписи, он имел возможность бывать во многих селениях бывшей Вятской губ. и собирать этнографический и лингвистический материалы среди “инородцев”» [Тепляшина 1970, 50]. Далее Т. И. Тепляшина анализирует систему передачи бесермянских звуков и фонетические особенности языка бесермян, останавливается на ошибочных записях, гапаксах и первых фиксациях бесермянской лексики, подытоживает, что рассматриваемый словарь представляет большое значение и как единственный на то время известный памятник бесермянской письменности, и в аспекте «определения места бесермянского диалекта среди других северноудмуртских говоров и сравнения его с данными коми-пермяцкого языка» [Тепляшина 1970, 51–55].

К сожалению, при цитировании лексического материала Т. И. Тепляшиной допущены некоторые неточности (варианты с упущенными ударениями, пробелами и ерами на конце слов далее не приводятся): глаз. *изяны* (вм. *изяно́*), слоб. *шарятско* (вм. *шарятко*) ‘спать’ (л. 27) [Тепляшина 1970, 51], бесерм. *тыш* (вм. *т³/ыш⁷*) ‘борода’ (л. 2), *вашка* (вм. *вашка чанъ*) ‘кадка’ (л. 9), *бэз* (вм. *бэзь*) ‘дудка’ (л. 6), *кок* (вм. *кокъ, кыкъ*) ‘два’ (л. 31об.), *тыдьерчи* (вм. *тыдь ерчи*) ‘блондин’ (л. 1об.), *тыл лыктэ* (вм. *тыль лактэ, тыль пэронó*) ‘ветер дует’ (л. 4об.), *кыз* (вм. *кызь*) ‘сухой’ (л. 28), *дзюстри* (вм. *дзюсь три*) ‘лоскут’ (л. 12об.), *квозь джытни* (вм. *квозь джытн^и/ы*) ‘вечер’ (л. 3), *джек кышет* (вм. *джекъ кышетъ*) ‘скатерть’ (л. 25об.) [Тепляшина 1970, 53], *гидь* (вм. *гидъ*) ‘хлев’ (л. 30об.), *кэс*

⁴ С примерного начала исследовательской и публикационной активности П. М. Сорокина в Вятском крае (приводятся разные даты: 1889 г. [Голубев 1895, 4] и 1888 г. [Чураков 2014, 154]) до 21.09.1895, когда был напечатан некролог.

⁵ По данным Л. М. Ившина, копия рукописи была снята Т. И. Тепляшиной в 1960 г. и сейчас хранится в научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (РФ, Оп. 2-Н, д. 626) [Ившин 2020, 184].

⁶ Здесь и далее ссылка на лист в круглых скобках без указания источника относится к исследуемой рукописи.

⁷ Две буквы разделены прямой горизонтальной чертой и расположены одна над другой, как в математической дроби (см. рис. 2). Здесь и далее подобным образом (°/ь) переданы все такие случаи.

(вм. *квась*) ‘сухо’ (л. 7об.), *пэсь* (вм. *п^э/ось*) ‘горячий’ (л. 5), *зэк* (вм. *зеко*) ‘великий’ (л. 2об.), *кенас* (вм. *кенэсь*) ‘клеть’ (л. 9об.), *пизь* (вм. *пизь*) ‘мука’ (л. 13об.), *кяны* (вм. *кяно*) ‘разломать’ (л. 23), *улес* (вм. *улёсь*) ‘недозрелый’ (л. 15об.), *туэтоно* ‘рассказывать’ (вм. ‘распарывать’) (л. 23), *эсси карыны* (вм. *эсси каронó*) ‘замечать’ (л. 7об.), *алтоно* ‘возить’ (вм. ‘водить’) (л. 3об.) [Тепляшина 1970, 54], *палтулыс* (вм. *палтулысь*) ‘полумесяц’ (л. 20об.), *наяны* (вм. *наянó*) ‘смотреть’ (л. 26об.), *косинь* ‘родимое пятно’ (вм. *коссинь* «родимецъ (припадокъ)») (л. 24), *варзано* (вм. *варь зонó*) ‘распорядиться’ (л. 23) [Тепляшина 1970, 55]. Одну лексему из работы Т. И. Тепляшиной в рукописи обнаружить не удалось: *пинял* ‘мóлод’ [Тепляшина 1970, 54]. Из сходных слов с их производными есть только: глаз. *пиналезьявьль*, бесерм. *пинялт^э/ень* «бездѣтный» (л. 1), глаз. *пиналэсь*, бесерм. *пинальэзь* «дѣти» (л. 6об.), глаз. *пинал муртъ* «младенецъ» (л. 13), бесерм. *пина возьмась* «нянька» (л. 16), глаз. *пиналь* «ребенокъ» (л. 23об.). Один из примеров, приводимых Т. И. Тепляшиной в качестве бесермянского, в рукописи приводится в удмуртском глазовском столбце, см. бесерм. *м’н’скад* ‘идешь’ [Тепляшина 1970, 53], ср. в строке «Куда» – удм. глаз. «Кытцымь м’н’скадь» (л. 11).

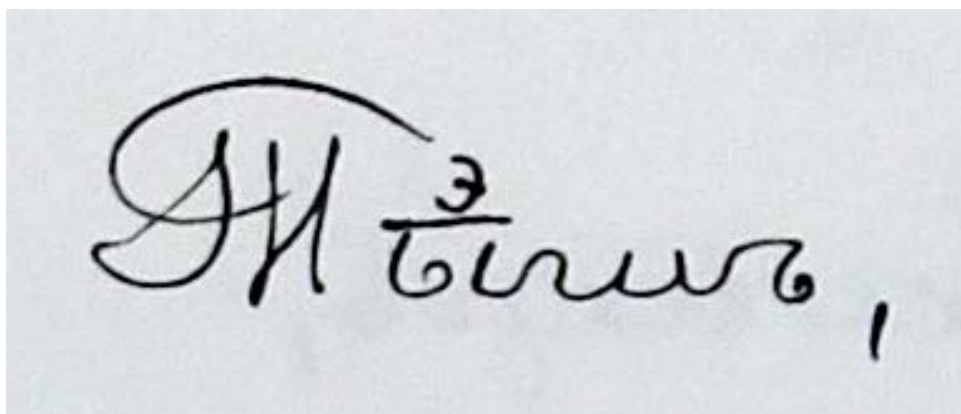

Рисунок 2. Бесерм. *Т^э/инь* (л. 2)

3.4. В статье И. А. Плоскова частично приводится лексика из словарной статьи ‘медведь’: «комиП *ош* <...>, мар. (глазовское — И. П.) *гондыр*» [Плосков 1992, 107]. Ср. в ркп.: кп. *ош* (*ошйха*), удм. глаз. *гондырь* (*ю*), бесерм. *гондырь* (л. 13). В сокращениях к статье приводится название согласно современной орфографии (с лишней запятой: «зюздинского, пермяцкого»⁸), место хранения и шифр (с уточнением: «фонды Вятской ученой архивной комиссии») [Плосков 1992, 108].

3.5. В статье О. П. Аксёновой, кроме названия рукописи по нормам современной орфографии (ошибочно «зюздинского, пермского» вм. «зюздинского пермяцкого»), места хранения документа и его шифра, приводится следующая информация: «Рукопись не датирована, содержит более 1100 слов. Образцы пермяцких слов представляют лексику диалекта, близкого к зюздинскому диалекту верхнекамского наречия» [Аксёнова 2000, 16].

Название рукописи (с теми же неточностями)⁹ и краткая информация о датировке и объеме словника повторяются в статье того же года в соавторстве [Аксёнова, Митюкова 2000, 27].

Позже при перечислении рукописных словарей коми-пермяцкого языка XVIII–XIX вв. О. П. Аксёнова указывает название рукописи согласно современной орфографии, место хранения (вм. «Кировский государственный архив» д. б. «Государственный архив Кировской области»¹⁰), примерный объем лексики («1100 слов»), диалектную принадлежность («условно зюздинский диалект верхнекамского наречия») [Аксёнова 2018, 63]. В качестве примеров архаичной лексики приводятся слова *вута* «лягушка» (л. 4) [д. б. *вута* (л. 12об.)] и *тау* «спасибо» (л. 27) [Аксёнова 2018, 64].

⁸ Лишняя запятая, закраиваясь между двумя словами, может ввести в заблуждение, что здесь перечисляются отдельные идиомы, но это не так — в оригинале запятой здесь нет.

⁹ При этом в списке литературы уже верное «пермяцкого» вм. «пермского».

¹⁰ Учреждение реорганизовано с 6 ноября 2018 г. в форме слияния трех разных архивов Кировской области, образовав «Центральный государственный архив Кировской области» [<https://cgako.ru/rCOVduV9>].

3.6. В статье С. А. Максимова имеется два одинаковых библиографических описания (по нормам современной орфографии)¹¹ фотокопии рукописи, хранящейся в УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН [Максимов 2003, 29], однако в самом тексте статьи ссылок на нее не обнаружено. В том же описании словарь датирован 1912 г. [Максимов 2003, 29], однако, как показано в статье В. С. Чуракова (см. далее 3.9), рукопись относится к более раннему периоду.

В расширенной версии текста С. А. Максимова, вошедшей в качестве комментария к лингвистической карте «Индюк» в «Диалектологический атлас удмуртского языка», из рукописи привлекается глазовское удмуртское *шора* 'индюк' (л. 8) [Максимов 2009, 163], ср. в оригинале *шорá* «индфй-ка» (л. 8об.).

3.7. Вообще в первом и третьем выпусках ДАУЯ в комментариях, подготовленных С. А. Максимовым, Л. В. Бусыгиной, порой приводится лексика из исследуемой рукописи. Кроме упомянутого *шора* [ДАУЯ 1, 163], это: удм. глаз. *ус* 'усы' (л. 30) [ДАУЯ 1, 169], ср. в ркп. *усь* (ю); глаз., бесерм. *копоть* 'пыль' (л. 22) [ДАУЯ 3, 274].

В списке источников Атласа название словаря повторяется с теми же неточностями, что и в статье С. А. Максимова 2003 г. (лишняя запятая между «зюздинского» и «пермяцкого» и 1912 год) [ДАУЯ 1, 229; 2, 351; 3, 289].

3.8. В своей статье, посвященной изучению символики петуха и курицы в ритуалах, поверьях и устном народном творчестве коми-пермяков, Т. Г. Голева приводит из исследуемой рукописи слово *ти* «петух» (л. 22) и предполагает, что здесь допущена ошибка и должно быть написано *тип* [Голева 2014, 61], ср. кп. литер. *тип* 'цыпленок, цыплячий', 'птенец' [КПРС 1985, 474].

3.9. В работе Е. В. Поповой рукопись упоминается как содержащая бесермянские обозначения блюд, напитков, утвари [Попова 2014, 41]. Приводятся такие бесермянские слова, как *нянь сак'ра* 'каравай', *былянь* 'лепешка', *нянь пучкэсь* 'мякиш', *табань* 'сочень', *судень* 'студень' (в ркп. с ударением – *судэнь*), *кенер* 'крупа' (в ркп. *кен'ь/рь*), *сар вый* 'масло', *йиль* 'молоко' (в ркп. *Бль*), *чечи* 'мед' (в ркп. *чечй*), *пизь* 'мука' (в ркп. *пизь*), *сыль* 'мясо', *кый* 'сало', *сярся* 'репа', *пизесь* 'мучной', *наркано* 'месить' (в ркп. *нарконо*), *слатэм'нь* 'соленый', *тусь* 'корыто', *ташка* 'кочерга', *кылё* 'кремень', *пуни* 'ложка', *пурт* 'нож' (в ркп. *пурть*), *таба* 'сковорода' (в ркп. *табá*) [Попова 2014, 41].

3.10. В статье, посвященной вятскому краеведу Петру Матвеевичу Сорокину (1860–07.09.1895) и его трудам, В. С. Чураков среди прочих рукописей П. М. Сорокина, хранящихся в Фонде Вятской ученой архивной комиссии в Государственном архиве Кировской области (Ф. 170), называет «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречия [sic! не наречий. – Р. Г.] и бесермянского говора» и указывает номер этого дела (Д. 140) [Чураков 2014, 160].

Большая часть статьи В. С. Чуракова представляет собой комментированную публикацию рукописи П. М. Сорокина «О материнствѣ, как основѣ рода, о родовыхъ названіяхъ и знакахъ собственности у вотяковъ» (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 127) [Чураков 2014, 164–192]. Здесь же репродуцирована фотокопия второго листа этой рукописи [Чураков 2014, 163]. В этой работе П. М. Сорокин, рассуждая об этимологии некоторых гидронимов в свете полемики с И. Н. Смирновым, пишет, что «в говоре <...> зюздинских пермяков болото называется *жуд*» [Чураков 2014, 173]. В комментарии к этим словам В. С. Чураков указывает, что в своем рукописном словаре П. М. Сорокин для русского слова *болото* приводит кп. *жуд* и удм. глаз. *куд* [и бесерм. *кыдь*. – Р. Г.] (л. 2), и со ссылкой на [Лыткин 1955, 100] уточняет: «имеется ввиду зюздинское *жуод* 'болотистое место, поросшее кустарником'» [Чураков 2014, 173].

3.11. Цель статьи Л. М. Ившина – рассмотрение преимущественно графико-орфографических и диалектных особенностей удмуртской глазовской лексики рукописного словаря [Ившин 2020]. Во вводной части статьи Л. М. Ившин перечисляет некоторые работы, в которых специально или попутно рассматривается рукопись, чуть более подробно останавливаясь на монографии Т. И. Тепляшиной [Ившин 2020, 185]. Здесь же с опорой на публикацию В. С. Чуракова (см. выше) выдвигается предположение, что время создания «Материалов для сравнительного словаря...» можно соотнести с периодом составления П. М. Сорокиным подворных описей ряда уездов Вятской губернии – «началом 90-х гг. XIX столетия, еще точнее – 1893–1894 гг.» [Ившин 2020, 185]. Далее приводятся соображения С. А. Сажинной относительно коми-пермяцкой лексики, представленной в этом памятнике письменности [Ившин 2020, 185]. В разделе «Общие сведения» содержатся фрагменты археографического опи-

¹¹Здесь также лишняя запятая между «зюздинского» и «пермяцкого».

сания (цвет чернил, качество почерка, количество и размер листов¹²) и краткая характеристика структуры и содержания документа (важными представляются подсчеты лексики: «В русском столбце приведено 1642 слова, коми-пермском [sic! – Р. Г.] – 1336, удмуртском — 1037, бесермянском – 810 слов») [Ившин 2020, 185–186]. В разделе «Графические особенности удмуртских слов» Л. М. Ившин рассматривает способы передачи автором рукописи на письме различных звуков удмуртского языка [Ившин 2020, 186]. Не совсем корректно, что «И десятиричное (i) встречается в одном слове: *пиось муртъ* ‘мужчина’ (13об.)» [Ившин 2020, 186], см. также глаз. *пиось* (старикъ) «мужъ» (л. 13об.). Среди других неточностей в этом разделе (варианты с упущенными ударениями далее не приводятся): *чочь* ‘вмѣстѣ’ вм. *чѳчь* (л. 3об.), *джотъ* ‘вечеръ’ вм. *джотъ* (л. 3), *матысь носъ* ‘ближніе’ вм. *матысь съ ось* (л. 1об.), *сѣдь* ‘вороний’ вм. *сѣдь* (л. 3об.), *крес-аѳ* ‘вопріемникъ’ вм. «воспріемникъ, ца» (л. 4), *пэймадъ* ‘впотъмахъ’ вм. *пэймадъ* (л. 4), *висень* ‘болѣтъ’ вм. *в^и/юсень* (л. 2), *татэнь* ‘здѣсь’ вм. *татэмъ* (л. 8). В следующих трех разделах указаны диалектно-дифференцирующие фонетические и лексические черты глазовской лексики памятника, а также некоторые другие особенности: *палтулысь* ‘полумѣсяцъ’ вм. *палтулысь* (20об.), *біэмъ* ‘свекровь’ вм. *біэм* (л. 25), *кыкчочэнь* ‘вдвоемъ’ вм. *кыкчочэнь* (л. 2об.), *дзедзя* ‘ворота’ вм. *дзезя* (л. 3об.), *тыссемъ* ‘жито’ вм. *тысьсемъ* (л. 7), *матысь съ ось* ‘ближніе’ вм. *матысь носъ* (л. 1об.), *инмарь, куаз* (куазь) ‘Богъ’ вм. *инмарь, куазь* (л. 1об.), *подэм* ‘бортъ’ вм. *подэмъ* (л. 2) [Ившин 2020, 186–187].

3.12. Последняя по времени работа, в которой приводится материал анализируемого словаря, – это статья С. А. Максимова, посвященная уточнению правильности прочтения бесермянских слов, извлеченных Т. И. Тепляшиной из письменных памятников и анализируемых ею в монографии «Язык бесермян» (см. выше 3.3) [Максимов 2022]. Перечисляются слова, в которых, по мнению Т. И. Тепляшиной, содержатся описки, и предлагаются варианты верного прочтения этих слов [Максимов 2022, 409]. Для 12 бесермянских слов, написание которых «совершенно непонятно» Т. И. Тепляшиной, С. А. Максимов предлагает конъектуры [Максимов 2022, 409–410]. Также даны комментарии к семи чисто лексическим «бесермянизмам», зафиксированным впервые П. М. Сорокиным [Максимов 2022, 410].

3.13. Без привлечения каких-либо лексических данных рукопись упоминается в работах по верхнекамскому наречию коми-пермяцкого языка [Федосеева 2015, 117; Сажина 2017, 238].

4. Археографическое описание рукописи

4.1. Рукопись в 2 (35.8×22 см), на 32 листах.

4.2. Без переплета.

4.3. Нумерация лицевой и оборотной сторон листов серым карандашом в верхнем углу (правом — на лицевой стороне листа, левом — на оборотной). Нумерация на лицевой и оборотной сторонах выполнена разными почерками. Другие нумерации отсутствуют.

4.4. Текст писан четким каллиграфическим почерком, тонким пером, черными чернилами. Гражданская скоропись XIX века.

Сличение почерков рукописи П. М. Сорокина «О материнствѣ, как основѣ рода, о родовыхъ названіяхъ и знакахъ собственности у вотяковъ» (см. фотокопию л. 2: [Чураков 2014, 163]) и исследуемой рукописи «Материалов для сравнительного словаря...» за его же авторством не оставляет никаких сомнений в том, что оба документа принадлежат одной руке. Так как В. С. Чураков указывает, что чистовой вариант рукописи «О материнствѣ...» был подготовлен братом П. М. Сорокина Алексеем Матвеевичем Сорокиным, а перу самого Петра Матвеевича принадлежит только последующая правка¹³ [Чураков 2014, 157], можно заключить, что чистовой вариант рукописи «Материалов для сравнительного словаря...» также писан А. М. Сорокиным. При этом поздние исправления, отличающиеся по почерку и цвету чернил, фрагментарны, поэтому невозможно достоверно утверждать, что они внесены П. М. Сорокиным, а крайняя дата создания документа ограничена кончиной А. М. Сорокина. Увы, установить даты жизни А. М. Сорокина доподлинно не удалось.

4.5. Невержерованная бумага, без филиграней.

¹² Размер можно уточнить: не «22 на 30 см», а «35.8×22 см» (см. далее 4.1).

¹³ Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на приведенную фотокопию л. 2 [Чураков 2014, 163] и сравнить каллиграфический почерк основного текста с менее аккуратным скорописным почерком сноски.

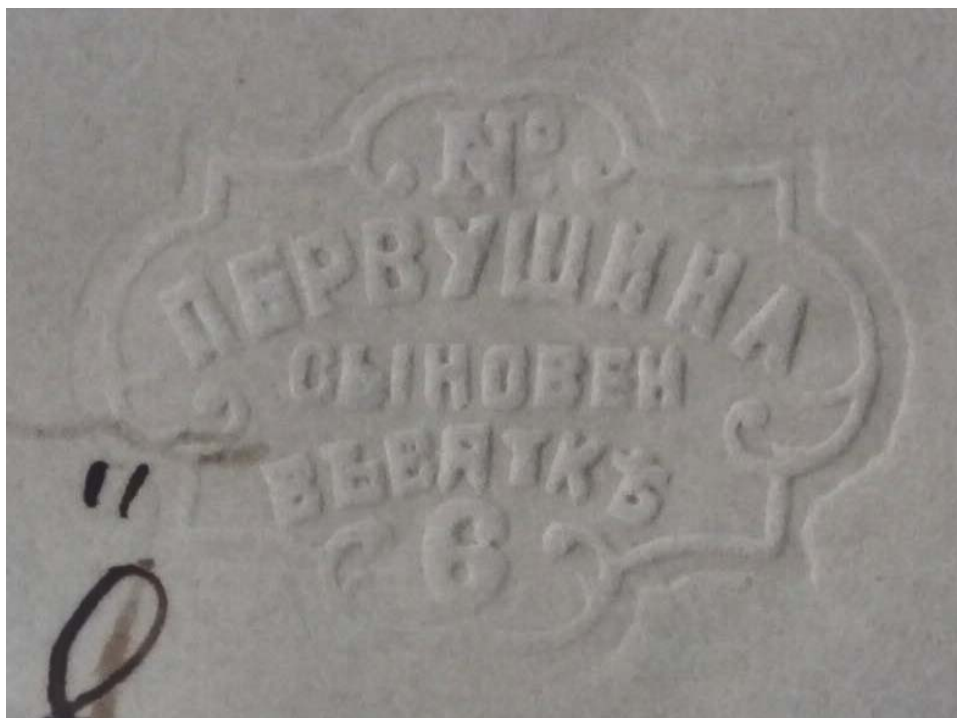

Рисунок 3. Штемпель «№ | ПЕРВУШИНА | СЫНОВЕИ | ВЪВЯТКЪ | 6» (л. 13)

Штемпель в левом верхнем углу лицевой стороны листа: «№ | ПЕРВУШИНА | СЫНОВЕИ | ВЪВЯТКЪ | 6» (вгнутой рамке) (см. рис. 3). Ослабевает с каждым листом тетради (был поставлен только на л. 1, 13, 25?): л. 1–3, 13–15, 25–27 – просматривается; л. 4–10, 16–20, 28 – плохо просматривается; л. 11–12, 21–24, 29–32 – просматривается с большим трудом или угас. Такой штемпель с номером (любым) С. А. Клепиков датирует 1915 г. (без номера – 1896 и 1904 гг.) [Клепиков 1968, 129, №№ 107, 108]. По более поздним данным, точно такой же штемпель с номером 6 встречается на документах 1880–1890-х, 1887, 1891–1892, 1894 гг., начала XX в. [Бильдюг, Галашева, Кужлев 2009, 402, 422, 425–426, 430], конца XIX в. [СРР 2018, 137]. По сведениям В. П. Бударagina, такой штемпель с номером 6 датируется 1893–1894 гг. [Бильдюг, Галашева, Кужлев 2009, 402, 422, 426, 430].

4.6. Нумерация тетрадей отсутствует. Всего три тетради, каждая прошита посередине четырьмя рядами сдвоенной белой нитки.

Тетрадь 1: л. 1–12

Тетрадь 2: л. 13–24

Тетрадь 3: л. 25–32

Каждая тетрадь прикреплена к вертикальной полоске белого картона.

Все листы у внутреннего края имеют дыры, расположенные в один ряд вертикально, пять больше и еще три поменьше и ближе к внутреннему краю (первая рядом с первой большой, вторая между второй и третьей большими, третья рядом с пятой большой). Чем ближе к концу рукописи, тем меньшие повреждения нанесены. Остатки от прежней сшивки?

Полные и частичные утраты из-за дырок приходится на пермяцкую часть на лицевой стороне (первый столбец) и на русскую часть на оборотной стороне (четвертый столбец) (далее в абзаце утраты заключены в фигурные скобки). В двух случаях из-за полных утрат невозможно восстановить текст (отмечено вопросительными знаками): {Б}ы{б}ь (л. 1), {Б}лагополуч{ie} (л. 1об.), {Ж}удь, {П}иня, {Б}очны, С{?}имдны (л. 2) (см. рис. 4), {В}едр{o} (л. 2об.), Ч{ó}тзыны, {Б}эрины, {О}тдохниты (л. 3), {В}копа{т}ь (л. 3об.), {Б}ергадлыны, {П}ора, {Т}óлунь, {М}иськалыны (л. 4), {В}ысоки{й} (л. 4об.), Г{р}озитны (л. 5), {Д}ремайтны (л. 6), {К}урынъ, {О}лыны (л. 7), {З}аверну{т}ь (л. 7об.), {К}изялыны, {Т}атэмъ, {П}инь (л. 8), {К}отомк{а} (л. 10об.), {К}упа{т}ься (л. 11об.), {Л}е{б}áлыны (л. 12), {Л}ык{o}, гы{?}дны (л. 12об.) (см. рис. 5), {М}ежа (л. 13), {Н}адписа{т}ь (л. 14об.), {П}áнынь (л. 15), {Н}ездоров{ы}й (л. 15об.), {Н}ы{р}ь бэккэсь (л. 16), {П}р{o}смъхайтный (л. 18), {О}тнима{т}ь (л. 18об.), {М}ыдмазвэчны (л. 19), {П}есок{ъ} (л. 19об.), {П}ымалáнь (л. 21), {П}ринуж{д}ать, {П}ротягив{а}ть

(л. 21об.), {р}узэкъ, {Ч}ерѹ (л. 24), Рябчик{ъ}, Свадь{б}а (л. 24об.), Складн{ы}й (л. 25об.), Страин{ый} (л. 27об.), {Ч}ыжася (л. 31), Ти{м}офей (л. 32об.).

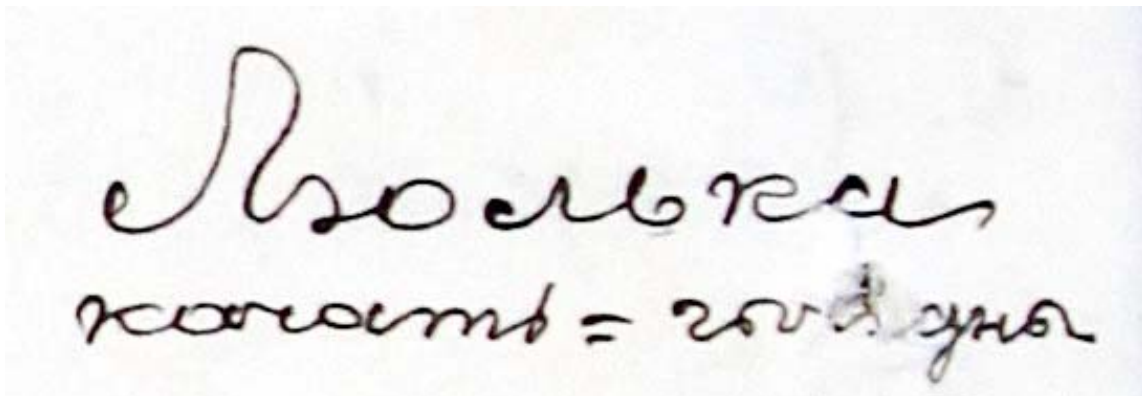
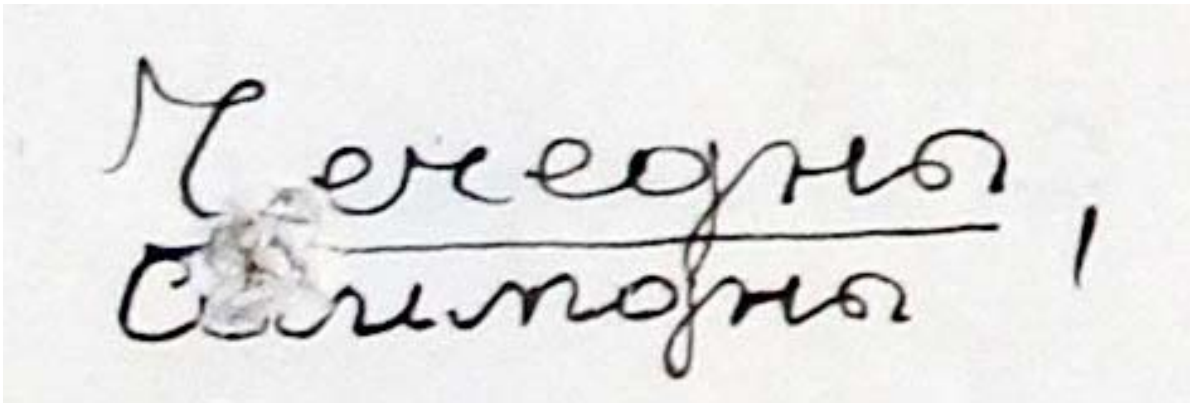

Рисунок 4. Кп. С{?}имдны (л. 2)

Рисунок 5. гы{?}дны (л. 12об.)

4.7. Рукопись предварена листом формата 33.2×20 см (без филигранных, понтюзо, вержеров и штемпелей). На этом листе слева сверху синяя печать «Исторический архив гор. Кирова» с шифром, вписанным синими чернилами: «[Фонд №] 170 [оп. №] 1 [ед. хр. №] 140». Справа сверху надпись синими чернилами «Вятская ученая архивная комиссия». Чуть ниже под этой надписью другая теми же чернилами в кавычках «Материалы для сравнительно-ного словаря Зюздинского, пермяцкого и глазовского | вотскаго наречия [sic! – Р. Г.] и бессермен- [sic! – Р. Г.] | ского говора»¹⁴.

Первый лист рукописи имеет заголовок «Материалы для сравнительнаго словаря | зюздинскаго пермяцкаго и глазовскаго вотскаго | нарѣчій и бессерменскаго говора». Далее текст расположен в четырех столбцах с заголовками «Пермяцкія», «Вотскія», «Бесерменскія», «Русскія» (заголовки есть только на л. 1) (см. рис. 6). Основной текст имеет подзаголовки по буквам русского алфавита. На л. 31об.–32 есть незаглавленный раздел с числительными. На л. 32–32об. раздел «Произношеніе инородцами именъ собственныхъ». Отсутствие лексики в каком-либо из первых трех столбцов обозначается двойным апострофом " (редко – фразой «не имѣется»). В отдельных словарных статьях, наоборот, может быть указано несколько синонимов.

¹⁴Возможно, пунктуационная неточность в названии документа, повторяемая в трудах И. А. Плоскова, О. П. Аксёновой и С. А. Максимова (см. выше), первоначально была допущена архивистами на этом титульном листе.

Материалы для сравнительного словаря
эвонгического пермяцкого и глазовского вотского
нарятский и бесертенского говора.

Пермяцкий.	Вотский.	Бесертенский.	Русский.
<u>А.</u>			
Айттыль,	пуына,	"	Алчый, не нагд ный. (перм.)
Бурдыть,	"	"	Альи.
"	кертыйль,	"	Аренда.
<u>Б.</u>			
Инь (женщина)	"	Килчотурты,	Баба.
Баба,	"	Аба	Бабушка.
Боздальны,	"	Шыдыны,	Бословать.
"	Муню,	Муню,	Баня.
Басраинь,	"	Тыка,	Басраинь.
Кись,	Кись,	Кись,	Берда.
Кисьволысь,	Кисьволысь,	Кисьволысь,	Бердывизить.
Селыдодь,	Атмалезывалы,	тмалыть,	Бездрытый.
"	"	Местезевалы,	Бездельный.
Дять,	Безтыль,	Безтыль,	Безденя.
Бывь, осподыль, (дунь)	Вистыль, (визутов)	Вистыль,	Безпутный.
Проктыль,	"	"	Безсиаль.
Анынады,	визитыню,	визитыль,	Безсовестный.
Бывь,	визтыль,	визтыль,	Безсовестный.
Бурдотыль,	"	"	Безутышный.

Рисунок. 6. Л. 1

В некоторых словарных статьях содержатся уточнения, касающиеся семантики, образования косвенных форм или дистрибуции диалектных материалов (иньвенские – в пермяцком столбце, кильмезские, малмыжские, сарапульские, слободские — в удмуртском глазовском столбце), например: «Алчный, не нагд-ный. (перм.)» (л. 1), в строке «Баба» – кп. «Инь (женщина)» (л. 1), в строке «Большой» – удм. глаз. «Висесь, вице (ю) | висиз (сарап.)» (л. 2), в строке «Братъ» – удм. глаз. «Вань (младш.), | Нюня (старшій)» (л. 2), в строке «Дядя» – бесерм. «Зязй | (по отцу)» (л. боб.), в строке

«Задній» – кп. «*Мышкинъ | бырынь.* (инв.)» (л. 7об.), в строке «Котенокъ» – удм. глаз. «*Котыш пи*¹⁾ <...> 1) Кильмезь и Глазовский уезд» (л. 10об.), в строке «Опоздать» – удм. глаз. «*Берлуизъ* (пр. вр.)» (л. 17об.), в строке «Ослабѣть» – удм. глаз. «*Лаблуизъ* (пр. вр.)» (л. 18), в строке «Отворяй (ворота)» – удм. глаз. «*Ворса* Глз. и Млм. *Пытса* Сарп.» (л. 18), в строке «Село» – кп. «*Посадъ* (инв.)» (л. 25), в строке «Спальня, спать» – удм. глаз. «*Изяно*, Глз. | *Калны* Сарп. | *Шарятко* Слб.» (л. 27) и т. п.

4.8. Выявлены следующие исправления черными чернилами (правка заключена в угловые скобки, вопросительный знак относится к фрагменту, затруднительному для расшифровки): *Мат*²⁾/_{ын}*ъ*, *Жу*²⁾/_{оно} (л. 1об.), *Н*²⁾/_{эр}*ачны*, *Б*²⁾/_у*рый* (л. 2), *Письян*²⁾/_ю (ю), <П>*ушкозь* *кыспыны* (л. 2об.), *Вътеръ* *д*²⁾/_у*еть*, *Гло*²⁾/_т*ать* (л. 4об.), <Г>*улю*, *Изнеч*²⁾/_ь (л. 5), *Жуз*²⁾/_ы*с*²⁾/_ь*коно* (л. 6), *Мышки*²⁾/_н*ъ*, *П*²⁾/_и*руйтны*, <Т>*унгонъ* (л. 7об.), *Тат*²⁾/_{эм}*ъ*, *Т*²⁾/_с*ь* (л. 8), *Нимъ*²⁾/_{унъ} (л. 8об.), *Кишк*²⁾/_{ая?} (л. 9об.) (см. рис. 7), *Кеч*²⁾/_ь (л. 10), *Перн*²⁾/_а (л. 11), *Ладон*²⁾/_ь (л. 11об.), *П*²⁾/_у*ж*²⁾/_ь (л. 12), *Нин*²⁾/_ь (л. 12об.), *М*²⁾/_{еж}*а* (л. 13), <П>*осътэчны* (л. 13об.), *Абы сывыла надгя* <-> *нѣтъ на него надежды* (л. 14об.), *Полз*²⁾/_э*тны* (л. 15), *пыксин*²⁾/_ы (л. 16об.), <Ф>*Огонь* (л. 17), *Аизле*²⁾/_{нъ}, *Охр*²⁾/_и*пнуть* (л. 18об.), *Кул*²⁾/_э*ммуртъ* (л. 20об.), *Пос*²⁾/_{пѣтъ} (л. 21), *Пел*²⁾/_{ьцы} (л. 22об.), *Сы*²⁾/_л*дны* (л. 23), *Г*²⁾/_и*би* (л. 24), *Бергы*²⁾/_{дыги}*ны*, *Лыс*²⁾/_ь*точ* (л. 25), *Солалы*²⁾/_м*ъ* (л. 27), *Сул*²⁾/_{ея} (л. 28), *Шилá* [над Ш стерта другая Ш] (л. 31об.), <Ф>*ак* [в первом столбце в строке «Степанъ»], <На>*комъ* [во втором столбце в строке «Пахомъ»] (л. 32).

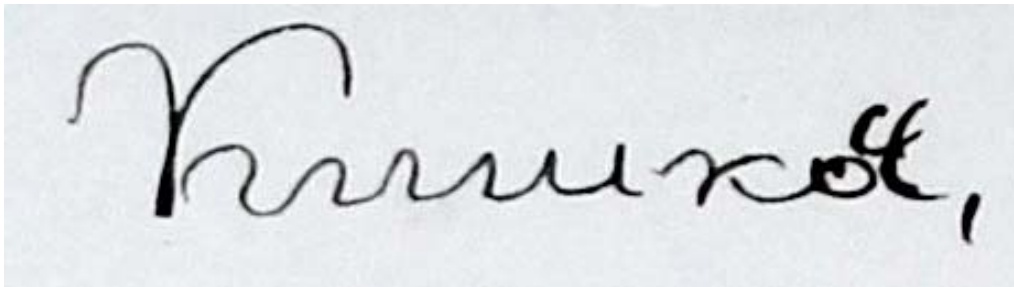

Рисунок. 7. Глаз. *Кишк*²⁾/_{ая?} (л. 9об.)

На л. 17 слева и над словом *Сези* пометка синими чернилами.

На л. 21об. между словами *Карэм'нъ* и *Пась* короткая черта синими чернилами.

На л. 24об. над словом *Пукси* во втором столбце серым карандашом написано *ёно* и акут над у, над словом *Пукси* в третьем столбце серым карандашом написан акут над у (см. рис. 8).

Рисунок. 8. Глаз. и бесерм. *Пукси* с карандашными правками (л. 24об.)

5. Заключение

В статье представлены фрагменты описания рукописного документа «Материалы для сравнительного словаря зюдинского пермяцкого и глазовского вотского нарѣчій и бесерменского говора»: наблюдения над листом использования документа, материалы к истории изучения рукописи и содержащегося в ней языкового материала, а также ее археографическое описание.

Судя по листу использования рукописи, с ней знакомились достаточно большое количество людей при проведении научно-исследовательской работы, при написании монографий, диссертаций и даже курсовых (среди них известные финно-угроведы Ф. А. Гордеев, О. П. Аксёнова, Т. Г. Голева).

Первым из выявленных упоминаний рукописи в научной литературе можно считать небольшую справку в учебнике «Коми-пермяцкий язык» [КПЯ 1962, 150]. Наиболее полно (хотя и в недостаточной степени) к сегодняшнему дню исследованы обе удмуртские части рукописного словаря –

бесермянская [Тепляшина 1970, 50–55] и глазовская [Ившин 2020, 185–187]. Пермская же лексика рукописи до сих пор удостоилась только краткой характеристики за авторством С. А. Сажинной [Ившин 2020, 185]. В иных работах приводятся (не без неточностей) лишь отдельные слова из рукописи [Плосков 1992, 107; Аксёнова 2000, 16; Аксёнова, Митюкова 2000, 27; Максимов 2009, 163; ДАУЯ 1, 163; ДАУЯ 3, 274; Голева 2014, 61; Попова 2014, 41; Чураков 2014, 173; Аксёнова 2018, 64]. Важной для установления авторства рукописи и ее текстологического анализа является статья В. С. Чуракова [Чураков 2014]. Сама рукопись до сих пор не издана и не исследована полностью.

В настоящей статье впервые совершенно археографическое описание рукописи – формата, переплета, нумерации, почерка, штемпелей на бумаге, тетрадей, из которых составлена рукопись, содержания документа, прочих (посторонних) записей, правок. По косвенным данным, чистовой вариант рукописи «Материалов для сравнительного словаря...» за авторством регистратора земской подворной переписи и краеведа П. М. Сорокина (1860–7.09.1895) писан его братом А. М. Сорокиным. Благодаря штемпелю на бумаге можно установить белую дату создания рукописи – 1887 г. По другим, уточненным данным, такой штемпель датируется 1893–1894 гг. (что соотносится с датировкой рукописи, предложенной Л. М. Ившиным, см. выше 3.11).

Результаты исследования: значимы для истории и филологии; вносят вклад в такие отрасли знания, как история России нового времени, археография, источниковедение, палеография, текстология, история письменности, история языкознания, лексикография, финно-угроведение, пермистика и другие; будут полезны при проведении археографических, палеографических и текстологических исследований на материале финно-угорских и русских письменных памятников XIX – начала XX вв.

СОКРАЩЕНИЯ

бесерм. – бесермянское наречие

вм. – вместо

глаз. – глазовский диалект

д. б. – должно быть

кп. – коми-пермяцкий язык

л. – лист

литер. – литературное

об. – оборот (листа)

ркп. – рукопись

слоб. – слободской диалект

см. – смотри

удм. – удмуртский язык

ЛИТЕРАТУРА

Аксёнова О. П. К вопросу о рукописных материалах XVIII – начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей / [Сост. и отв. ред. В. К. Кельмаков]. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. С. 15–19.

Аксёнова О. П. Роль государственных архивов в сохранении коми-пермяцкого языка // Финно-угорский мир в культуре России: сборник материалов Международного форума к 100-летию государственной архивной службы России (18–19 апреля 2018 г., г. Кудымкар, Пермский край). Часть 1 / [Отв. за вып. С. Н. Кудымова]. Кудымкар: [Коми-Пермяцкий окружной государственный архив], 2018. С. 60–65.

Аксёнова О. П., Митюкова Н. К вопросу о рукописных материалах по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка XVIII – начала XIX вв. // Тезисы докладов научно-практической конференции «Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания», посвященной 45-летию коми-пермяcko-русского отделения филологического факультета ПГПУ, 18–19 октября 2000 года. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2000. С. 26–29.

Бильдюг А. Б., Галашева Т. Н., Кузлев М. В. Описание собрания вятских рукописей в Древлехранилище Пушкинского Дома (оп. 59, Вятское собр.) // Труды Отдела древнерусской литературы. 2019. Т. 66. С. 387–440.

Гайдамашко Р. В., Левичкин А. Н. Первые рукописные коми-пермяцкие словари и грамматика: археографическое описание списков // *Linguistica Uralica*. 2020. Vol. 56. № 4. С. 258–274. DOI: 10.3176/lu.2020.4.02

Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г. Материалы к истории изучения коми-пермяцкого рукописного наследия протоиерея Антония Попова (1748–1788) // Урало-алтайские исследования. 2019. № 1 (32). С. 7–27.

Голева Т. Г. Петух и курица в традиционной культуре коми-пермяков // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 1. С. 60–74.

П. Г. [Голубев П. А.] П. М. Сорокин (некролог) // Вятский край. 1895. № 86 (21.09.1895). С. 4.

ДАУЯ — Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Научное издание. Вып. I–VIII / [Руководитель проекта Р. Ш. Насибуллин]. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика»; Институт компьютерных исследований, 2009–2021.

Ившин Л. М. О рукописи «Материалы для сравнительного словаря...» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 2. С. 184–190. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190

Клепиков С. А. Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX–XX вв. (Дополнение к таблице, опубликованной в 1959 г.) // Археографический ежегодник за 1966 год / Ред. В. И. Шунков. М.: Наука, 1968. С. 116–141.

КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь: ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высших учебных заведений / Авт.: Р. М. Баталова, Е. В. Ботева, А. С. Гантман, Е. С. Гуляев, В. И. Лыткин, Г. А. Нечаев, Б. А. Серебренников; ред. В. И. Лыткин. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во, 1962. 340 с.

Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2001. 759 с. (Сер.: Славянская библиотека. Bibliotheca Slavica.)

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. Часть 1 / Отв. ред. П. С. Кузнецов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 128 с.

Максимов С. А. Удмуртские народные названия индейки // Linguistica Uralica. 2003. Vol. 39. № 1. С. 24–30.

Максимов С. А. Комментарий к карте «Индюк» // Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. I. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. С. 155–165.

Максимов С. А. Особенности прочтения отдельных бесермянских слов из письменных памятников XVIII–XIX вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 3. С. 405–415. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415

Плюсков И. А. Гундыр: наименование и образ // Linguistica Uralica. 1992. Vol. 28. № 2. С. 106–109.

Попова Е. В. «Лакомые охотники до блинов...»: народная кухня бесермян в источниках и публикациях XIX – первой половины XX столетий // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2014. № 3. С. 36–45.

Сажина С. А. Современное состояние языка Кировских пермяков // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1–2 июня 2017 г.) / [Отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова]. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 237–240.

СРР 2018 — Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: каталог. Вып. 4. Ч. 1: XIX в., вторая половина / Сост. В. А. Есипова. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 644 с., ил.

Творогов О. В. Археография и текстология древнерусской литературы. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 280 с.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века (Выпуск первый) / Отв. ред. В. И. Лыткин. М.: [б. и.], 1965. 324 с.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян / Отв. ред. В. И. Лыткин. М.: Наука, 1970. 288 с.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка / Науч. ред. Г. В. Федюнова. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. 196 с.

Чураков В. С. Петр Матвеевич Сорокин – исследователь родовой организации удмуртов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 2(19). С. 153–192.

Поступила в редакцию 18.08.2022

Гайдамашко Роман Валентиновичкандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН
199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
e-mail: gaidamashko@gmail.com**R. V. Gaidamashko****MANUSCRIPT “MATERIALS FOR A COMPARATIVE DICTIONARY OF THE ZYUZDIN PERMYAK AND THE GLAZOV VOTYAK AND THE BESERMYAN DIALECTS”:
HISTORY OF STUDY AND ARCHAEOGRAPHIC DESCRIPTION¹⁵**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-172-187

The object of this study is an anonymous handwritten document “Materials for a Comparative Dictionary of the Zyuzdin Permyak and the Glazov Votyak and the Besermyan Dialects”. Place of storage and code: Central State Archive of the Kirov Region. F. 170 (Vyatka Scientific Archival Commission). Op. 1. No. 140. The article presents observations on the use sheet of the document, materials on the history of the study of the manuscript and the linguistic material contained in it, as well as its archaeographic description. Judging by the list of use of the manuscript, a fairly large number of researchers got acquainted with it when conducting scientific work, writing monographs, dissertations, and even term papers. The first of the identified references to the manuscript in the scientific literature can be considered a small reference in the textbook “Komi-Permyak language” of 1962, edited by V. I. Lytkin. To date, both Udmurt parts of the handwritten dictionary have been most fully (albeit insufficiently) studied — Besermyan (by T. I. Teplyashina) and Glazov (by L. M. Ivshin). The Permian lexicon of the manuscript has so far received only a brief description by S. A. Sazhina (in the article by L. M. Ivshin). Other works cite (not without inaccuracies) only individual words from the manuscript (see articles by O. P. Aksyonova, S. A. Maksimov, E. V. Popova, V. S. Churakov and others). The manuscript itself has not yet been published and has not been fully investigated.

In this article, for the first time, an archaeographic description of the manuscript was made, namely, the format, binding, numbering, handwriting, stamps on paper, notebooks from which the manuscript was composed, the contents of the document, other (extraneous) records, edits. According to indirect data, the final version of the manuscript “Materials for a Comparative Dictionary...” authored by the registrar of the zemstvo household census and local historian P. M. Sorokin (1860–07.09.1895) was written by his brother A. M. Sorokin. Thanks to the stamp on the paper, it is possible to establish the “white date” of the creation of the manuscript — 1887. According to other, updated data, such a stamp dates back to 1893–1894.

Keywords: written monuments of the 19th century, history of writing, history of linguistics, archaeography, source studies, palaeography, textual criticism, lexicography, Permian studies, Udmurt language, Besermyan dialect, Glazov dialect, Komi-Permyak language, Zyuzdin (Upper Kama) dialect.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 172–187. In Russian.

REFERENCES

Aksenova O. P. K voprosu o rukopisnykh materialakh XVIII – nachala XIX veka po vymershim dialektam komi-permyatskogo yazyka [On the issue of manuscript materials of the 18th – early 19th centuries on extinct dialects of the Komi-Permyak language]. *Permistika 6: Problemy sinkhronii i diakhronii permskikh yazykov i ikh dialektov: Sb. statei* [Permian studies 6. Problems of synchrony and diachrony of Permian languages and their dialects]. Comp. and ed. by V. K. Kelmakov. Izhevsk, Udmurt University, 2000. P. 15–19. In Russian.

Aksenova O. P. Rol' gosudarstvennykh arkhivov v sokhranении komi-permyatskogo yazyka [The role of state archives in the preservation of the Komi-Permyak language]. *Finno-ugorskii mir v kul'ture Rossii: sbornik materialov Mezhdunarodnogo foruma k 100-letiyu gosudarstvennoi arkhivnoi sluzhby Rossii (18–19 aprelya 2018 g., g. Kudymkar, Permskii kraj). Chast' I* [The Finno-Ugric world in the culture of Russia: a collection of materials from the International Forum dedicated to the 100th anniversary of the state archival service of Russia (April 18–19, 2018, Kudymkar, Perm Krai). Part 1]. Kudymkar, Komi-Permyak District State Archive, 2018. P. 60–65. In Russian.

Aksenova O. P., Mityukova N. K voprosu o rukopisnykh materialakh po vymershim dialektam komi-permyatskogo yazyka XVIII – nachala XIX vv. [On the issue of handwritten materials on extinct dialects of the Komi-Permyak language of the 18th – early 19th centuries]. *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii*

¹⁵The study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-78-00111, <https://rscf.ru/en/project/21-78-00111/>.

«Komi-permyatskii yazyk i literatura vo vzaimodeistvii s drugimi yazykami, obnovlenie metodiki ikh prepodavaniya», posvyashchennoi 45-letiyu komi-permyatsko-russkogo otdeleniya filologicheskogo fakul'teta PGPU, 18–19 oktyabrya 2000 goda [Abstracts of the scientific-practical conference “Komi-Permyak language and literature in interaction with other languages, updating the methods of their teaching”, dedicated to the 45th anniversary of the Komi-Permyak-Russian department of the philological faculty of PGPU, October 18–19, 2000]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2000. P. 26–29. In Russian.

Bil'dyug A. B., Galasheva T. N., Kuzhlev M. V. Opisaniye sobraniya vyatskikh rukopisei v Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma (op. 59, Vyatskoe sobr.) [Catalogue of the manuscript collection from Vyatka (Inventory 59, Vyatka collection) in the Ancient Manuscripts Repository (Drevlekhranilishche) of the Pushkin House]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the department of Old Russian literature]. 2019. Vol. 66. P. 387–440. In Russian.

Gaidamashko R. V., Levichkin A. N. Pervye rukopisnye komi-permyatskie slovari i grammatika: arkhograficheskoye opisaniye spiskov [The first Komi-Permyak manuscript dictionaries and grammar: an archaeographic description of copies]. *Linguistica Uralica*. 2020. Vol. 56, issue 4. P. 258–274. DOI: 10.3176/lu.2020.4.02. In Russian.

Gaidamashko R. V., Ponomareva L. G. Materialy k istorii izucheniya komi-permyatskogo rukopisnogo naslediya protoiereya Antoniya Popova (1748–1788) [Materials on history of the study of the Komi-Permyak manuscript heritage of Archpriest Antony Popov (1748–1788)]. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies]. 2019. No 1 (32). P. 7–27. In Russian.

Goleva T. G. Petukh i kuritsa v traditsionnoi kul'ture komi-permyakov [The cock and hen in the Komi-Permyaks' traditional culture]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Humanities and social sciences]. 2014. No 1. P. 60–74. In Russian.

P. G. [Golubev P. A.] P. M. Sorokin (nekrolog) [P. M. Sorokin (obituary)]. Vyatskii krai [Vyatka region]. 1895. No 86 (21.09.1895). P. 4. In Russian.

DAUYa – Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Nauchnoye izdaniye [Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments. Scientific publication]. Vol. I–VIII. Project manager R. S. Nasibullin. Izhevsk, Regular and Chaotic Dynamics Publ.; Institute of Computer Research, 2009–2021. In Russian.

Ivshin L. M. O rukopisi «Materialy dlya sravnitel'nago slovarya...» [About the manuscript “Materials for a comparative dictionary...”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2020. Vol. 14. Issue 2. P. 184–190. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190. In Russian.

Klepikov S. A. Shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XIX–XX vv. (Dopolneniye k tablitshe, opublikovannoi v 1959 g.) [Stamps on the paper of Russian and foreign production of the 19th–20th centuries (Addition to the table published in 1959)]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1966 god* [Archaeographic Yearbook for 1966]. Ed. V. I. Shunkov. Moscow, Nauka Publ., 1968. P. 116–141. In Russian.

KPRS 1985 — *Komi-permyatsko-russkii slovar': okolo 27000 slov* [Komi-Permyak-Russian dictionary: approx. 27000 words]. Comp. by R. M. Batalova, A. S. Krivoshechkova-Gantman. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 624 p. In Komi-Permyak, Russian.

KPYa 1962 — Komi-permyatskii yazyk. Vvedeniye, fonetika, leksika i morfologiya: uchebnyk dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy [Komi-Permyak language: introduction, phonetics, lexis and morphology: a textbook for higher education]. Authors: R. M. Batalova, Ye. V. Boteva, A. S. Gantman, Ye. S. Gulyayev, V. I. Lytkin, G. A. Nechaev, B. A. Serebrennikov. Ed. by V. I. Lytkin. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 340 p. In Russian.

Likhachev D. S., with the participation of **A. A. Alekseev** and **A. G. Bobrov**. Tekstologiya (na materiale russkoi literatury X–XVII vv.) [Textual criticism (on the material of Russian literature of the 10th–17th centuries)]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2001. 759 p. (Ser.: Slavyanskaya biblioteka. Bibliotheca Slavica). In Russian.

Lytkin V. I. *Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam. S obzorom dialektov i dialektologicheskim slovarem. Chast' I* [Dialectological anthology on Permic languages. With an overview of dialects and a dialectological dictionary]. Ed. P. S. Kuznetsov. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 128 p. In Russian.

Maksimov S. A. Udmurtskie narodnye nazvaniya indeiki [Udmurt folk names for turkey]. *Linguistica Uralica*. 2003. Vol. XXXIX, issue 1. P. 24–30. In Russian.

Maksimov S. A. Kommentarii k karte «Indyuk» [Commentary on the map “Turkey”]. R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Otstavnova. Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vypusk I. Nauchnoye izdaniye [Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments. Vol. 1. Scientific publication]. Izhevsk, Regular and Chaotic Dynamics Publ., 2009. P. 155–165. In Russian.

Maksimov S. A. Osobennosti prochteniya otdel'nykh besermyanskikh slov iz pis'mennykh pamyatnikov XVIII–XIX vv. [Features in reading of some Besermyan words from written sources of the 18th–19th centuries]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2022. Vol. 16. Issue 3. P. 405–415. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415. In Russian.

Ploskov I. A. Gundyr: naimenovanie i obraz [Gundyr: name and image]. *Linguistica Uralica*. 1992. Vol. XXVIII, issue 2. P. 106–109. In Russian.

Popova E. V. «Lakomye okhotniki do blinov...»: narodnaya kukhnya besermyan v istochnikakh i publikatsiyakh XIX – pervoi poloviny XX stoletii [“Gourmands wanting pancakes...”: traditional cuisine of the Besermyans in sources and publications of the 19th – the first half of 20th century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]. 2014. No 3. P. 36–45. In Russian.

Sazhina S. A. Sovremennoe sostoyanie yazyka kirovskikh permyakov [The current state of the language of the Kirov Permyaks]. *Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: Materialy XVII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Ufa, 1–2 iyunya 2017 g.)* [Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia: Proceedings of the 17th All-Russian Scientific Conference (Ufa, June 1–2, 2017)]. Ed. F. G. Khisamitdinova. Ufa, Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Center of RAS, 2017. P. 237–240. In Russian.

SRR 2018 – *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoi biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: katalog. Vyp. IV, ch. 1: XIX v., vtoraya polovina* [Slavic-Russian manuscripts of the Scientific Library of Tomsk State University: catalogue. Vol. 4, part 1: 19th century, second half]. Comp. V. A. Esipova. Tomsk, Tomsk State University Publ. House, 2018. 644 p., illustrations. In Russian.

Tvorogov O. V. *Arkheografiya i tekstologiya drevnerusskoi literatury* [Archaeography and textual criticism of Old Russian literature]. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2009. 280 p. In Russian.

Teplyashina T. I. *Pamyatniki udmurtskoi pis'mennosti XVIII veka (Vypusk pervyi)* [Monuments of Udmurt writing of the 18th century (First issue)]. Ed. V. I. Lytkin. Moscow, 1965. 324 p. In Russian.

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [The language of the Besermians]. Ed. V. I. Lytkin. Moscow, Nauka Publ., 1970. 288 p. In Russian.

Fedoseeva E. N. *Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [Lexis of the Komi-Permyak northern dialect]. Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the Ural Branch of RAS, 2015. 196 p. In Russian.

Churakov V. S. Petr Matveevich Sorokin – issledovatel' rodovoi organizatsii udmurtov [Pyotr Matveevich Sorokin – researcher of the generic organization of the Udmurts]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii* [Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction]. 2014. No 2 (19). P. 153–192. In Russian.

Received 18.08.2022

Gaidamashko Roman Valentinovich

Candidate of Science (Philology), Senior Researcher
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
9, Tuchkov pereulok, St. Petersburg, 199053, Russia
e-mail: gaidamashko@gmail.com

*А. М. Дементьева***КОДЕКС ВЕСТА: ЗАГАДКИ ОДНОЙ МАЛОИЗВЕСТНОЙ
ФИНСКОЙ РУКОПИСИ XVI ВЕКА**

В настоящей статье рассматриваются некоторые орфографические и грамматико-синтаксические особенности отрывка из рукописи XVI в. на финском языке под названием «Кодекс Веста», а также проблема авторства этого текста. По одной из версий исследователей, священнослужитель из г. Раума Матиас Вест (ум. 1549 г.) лишь являлся последним обладателем рукописи. По второй версии, он записывал часть текста. По третьей версии, он являлся ее автором. В настоящее время трудно утверждать что-либо определенное, однако анализ показывает, что писавший владел финским языком на уровне носителя. Языковые особенности рукописи выявляются путем сопоставления с требником (1549 г.), авторство которого приписывают «отцу финского письменного языка» Микаэлю Агриколе. Нами было установлено, что текст Веста орфографически более выверен, например, буквы *ä, e, v* оформлены более последовательно и логично по сравнению с текстом Агриколы. Также употребление падежей и порядок слов в кодексе ближе к устной форме финского языка, нежели текст М. Агриколы, утяжеленный калькированием немецких и латинских грамматико-синтаксических конструкций и орфографических особенностей. В результате рукопись отличается самобытностью и является важным документом в истории финского языка. Кодекс М. Веста мог бы внести существенный вклад в развитие национального языка, но, к сожалению, в силу исторических обстоятельств эта рукопись осталась неизвестной широкой общественности. Долгое время она сохранялась в церкви св. Маргариты в муниципалитете Вехмаа, после чего была передана в Национальный архив Финляндии, где была оцифрована.

Ключевые слова: финский язык, история финского языка, орфография финского языка, кодекс Веста, Матиас Вест, Микаэль Агрикола, Реформация, история Финляндии.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-188-197

Реформация и Финляндия в XVI в. Первые книги на финском языке

Как известно, первой напечатанной книгой на финском языке считается «Азбука» епископа Микаэля Агриколы (ок. 1510–1557), которая вышла предположительно в 1543 году. Агрикола известен в первую очередь как основоположник письменного финского языка, деятель Реформации и переводчик Священного Писания на финский язык. Его перевод Нового Завета, опубликованный в 1548 г., является важнейшей вехой в истории финского языка и Финляндии. Этот текст положил начало дальнейшим библейским переводам и развитию финского как языка культуры и литературы.

Для того, чтобы труд Агриколы смог осуществиться, должны были возникнуть определенные исторические и культурные предпосылки. Процесс Реформации означал решительный переход к богослужению на народных языках. Уже в 1531 г. в соборе г. Турку была проведена первая служба на шведском языке, а в 1537 г. сгорел дотла туркуский доминиканский монастырь. Поскольку католическая служба отправлялась на латинском языке именно по доминиканскому обряду, многие считали этот пожар знаменем свыше.

Для новой церковной традиции требовались тексты на финском языке. Отвечая на запросы времени, в 1549 г. М. Агрикола издал церковный требник. В 1540-х гг. Агрикола был ректором кафедральной школы Турку, а после этого – помощником епископа Мартти Скютте. Предположительно, он работал над своими текстами именно в этот период.

С именем М. Агриколы связано немало тайн. Так, доподлинно неизвестен его родной язык. С одной стороны, известно, что он вырос в, преимущественно, шведоязычном регионе Финляндии и посещал шведскую школу. Принадлежность его семьи к состоятельной прослойке общества также говорит о том, что, скорее всего, родным языком Агриколы был шведский. Однако тексты, содержащие немало диалектных слов и отличающиеся выразительным языком со сложными грамматическими конструкциями и народными пословицами, да и сам факт того, что он писал книги на финском языке, могут указывать на то, что Агрикола освоил финский еще в детстве или юности.

Язык текстов М. Агриколы также полон историко-филологических загадок. С одной стороны, в его текстах немало слов, которые относятся к юго-восточной подгруппе диалектов Хяме, на которых

говорили в исторической области Уусимаа, откуда Агрикола, как считается, был родом. Есть также и фонетические особенности этой подгруппы диалектов, отраженные в текстах Агриколы. Все это указывает на глубокое владение языком. Однако в текстах также присутствует большое количество шведских, немецких, латинских заимствований разного рода, не всегда оправданных, а местами попросту грамматических и фонетических ошибок, редко учитывается долгота звуков, носящая в финском смыслоразличительный характер. Все это может объясняться как переводческой концепцией Средних веков и Нового времени, согласно которой при переводе Священного Писания необходимо буквально придерживаться оригинала, так и ошибками наборщиков в типографии Стокгольма, не владевших финским, где печатались книги Агриколы. Можно также предположить, что текст записывал не сам Агрикола, а его ученики или помощники.

Как бы то ни было, труд М. Агриколы является важнейшей вехой в истории развития финского языка. Он положил начало этапу, который в лингвистике Финляндии именуется раннеписьменным финским языком (фин. *vanha kirjasuomi*). Этот этап начался с появления книг Агриколы и продлился приблизительно до 1820-х годов [Ikola 1968]. Большинство литературы, изданной в это время, было церковно-религиозного содержания. Культурным и административным центром Финляндии в то время был Турку, и старейшей основой письменного языка стали юго-западные финские диалекты.

Рукописи, существовавшие до публикации текстов Агриколы

Известно, что священник был обязан обращаться к своей пастве на народном языке. Задача обеспечить богослужение на финском несколько упрощалась благодаря слабому контролю этого вопроса властью и церковью, и у авторов имелось поле для маневра – они могли быть свободнее в переводе и подбирать несколько текстов [Братчикова 2014]. Поэтому Агрикола был не единственным и не первым, кто начал писать на финском. Со времен Реформации до наших дней сохранились рукописи, которые демонстрируют, что и другие люди переводили религиозные тексты, необходимые в их работе. Установить точные даты их создания трудно, однако можно с уверенностью утверждать, что их писали служители лютеранской церкви, современники Агриколы. По мнению К. Пиринена, сравнивавшего эти переводы со шведскими оригиналами, эти тексты старше работ Агриколы и написаны, самое раннее, в 1530-х годах. [Pirinen 1988].

Всего до нас дошли четыре такие рукописи. Первая и старейшая из них – это десятистраничный текст с отрывками из мессы, написанный для прихода в Кангасала и найденный в архиве прихода. Хотя автор рукописи не оставил о себе сведений, путем сличения почерков было установлено, что этот текст составил приходской священник Лассе Хенриксон [Häkkinen, Turpurainen 2014].

Вторая рукопись – это кодекс В 28, хранящийся в университете г. Уппсала и объемом в 31 лист. По содержанию это также протестантская месса. Автор текста неизвестен, и рукопись сохранилась в неполном виде. Согласно исследованию С. Раямяки, она была написана в промежуток между 1544–1549 гг., и ее автор пользовался «Азбукой» и молитвенником Агриколы [Rajamäki 2015].

Третья рукопись – это маленький отрывок из Евангелия, который также хранится в библиотеке университета Уппсалы. Туда он попал из библиотеки шведского государственного советника Хогеншильда Белке, казненного в 1605 году. Рукопись была обнаружена филологами в 1921 г. К. Хяккинен полагает, что она использовалась в 1530-х гг. во время богослужений на финском языке в Стокгольме. [Häkkinen 2016].

И, наконец, четвертая рукопись – это так называемый кодекс Веста, состоящий из 144 листов. Рукопись использовалась в церкви св. Маргариты, построенной в 1425–1440 гг. и находящейся в муниципалитете Вехмаа. Затем она была передана в Национальный архив Финляндии¹. Свое название кодекс получил по имени капеллана г. Раума Матиаса Веста. Именно этому кодексу посвящена данная статья.

Кодекс Веста: тайна авторства рукописи

Итак, кодекс Веста – это рукопись, подписанная капелланом Матиасом Йоханнисом Вестом. Рукопись содержит перевод на финский мессы и различных молитв, справочник по проведению различных церковных обрядов, а также песнопения на финском, шведском и латыни с нотами.

Принадлежность рукописи Весту и ее датировка определяются прежде всего тем, что на последней странице рукописи стоит две стертые подписи – сначала *Mathiae Joannis westh Codex*, а затем

¹ Ее оцифрованная версия находится в свободном доступе на сайте Национального архива doria.fi.

Mathie Johannis Codex [Turpurainen 2012]. На титульном листе указаны инициалы Веста и год 1546. В конце рукописи указан год 1547.

Известно, что в 1540-х гг. М. Вест был ректором церковной школы Раумы и умер 17 мая 1549 года [Paarma 2007]. Образование Вест получил в кафедральной школе г. Турку, однако его не отправили для дальнейшей учебы за границу, как это произошло с Агриколой. Он не занимал никакой важной должности в соборном капитуле. Год его рождения неизвестен.

В связи с этим возникает вопрос, является ли Вест подлинным автором кодекса. Некоторые исследователи полагают, что работа выглядит слишком трудоемкой для того, чтобы с ней справился один человек [Paarma 2007]. На то, что над текстами работал определенный круг людей, указывает, например, то, что рукопись написана несколькими почерками. По одной из версий, она была составлена учениками кафедральной школы Турку, а работой руководил Томас Кеййо, ректор школы. Кеййо имел подходящее образование для такого проекта – он окончил Виттенбергский университет [Paarma 2007].

Следующий вопрос заключается в том, как рукопись попала в руки Веста. Здесь приходится довольствоваться предположениями, не подкрепленными какими-либо историческими документами. Возможно, Вест был среди тех учеников, которые занимались переводом под руководством ректора. Кроме того, Кеййо умер в 1546 г., то есть в год, которым датирована рукопись Веста. Известно также, что Кеййо родился в Рауме [Paarma 2007]. По мнению исследователей, его работа могла быть отправлена после смерти в родной город, где она оказалась у Веста [Paarma 2007]. Вероятно, Кеййо и Вест были знакомы.

Неизвестно также, знал ли о существовании данной рукописи Агрикола, который принял руководство школой Турку в 1539 году. Возможно, Кеййо и Агрикола были в напряженных отношениях, поэтому последний не знал о рукописи или не хотел опираться в своей работе на ее опыт.

В свою очередь, в защиту авторства Веста можно сообщить следующие сведения. По результатам исследования старинных шведских архивов, проведенного Л. Пихлаямаа, Вест, возможно, был первым финноязычным проповедником в приходе Стокгольма, где богослужения на финском начали проводиться еще в 1533 г. – то есть на несколько лет раньше, чем в важнейшем на тот момент г. Турку в Финляндии [Pihlajamaa 2010]. В самом кодексе нет прямых подтверждений связей Веста с приходом в Стокгольме, но, по сравнению с текстами Агриколы, у Веста заметно больше отсылок к шведским произведениям, служившим образцами [Turpurainen 2012]. Если Вест является настоящим автором кодекса, то он написал его, находясь в Стокгольме, чтобы использовать его в работе с прихожанами [Pihlajamaa 2010].

Содержание кодекса Веста

Водяные знаки, обнаруженные на бумаге кодекса Веста, говорят о том, что она была произведена во Франции в 1545 году. [Pirinen 1988]. Таким образом, кодекс не может быть старше этого года, однако вполне возможно, что часть текстов была переписана в него из более ранних источников.

В кодексе можно увидеть несколько разных почерков, однако по ним трудно определить авторство, пол или возраст писавших. Часть текстов написана тщательно, часть – в виде черновых набросков. Особенно это касается последней, третьей части, перевода немецкого трактата [Turpurainen 2012]. В ней большое количество исправлений, кое-где оставлены пустые места, которые явно планировали заполнить позднее. На незавершенность работы указывает также то, что в кодексе много пустых страниц. В остальном бумага использовалась очень экономно, и иногда даже трудно определить, где заканчивается одна глава и начинается другая [Turpurainen 2012].

Обратимся непосредственно к содержанию кодекса. Как считает Ю. Паарма, первая часть рукописи Веста – это переводная компиляция третьего и четвертого издания требника Олауса Петри *Een handbock på Swensko* («Требник на шведском»), вышедших в 1537 и 1541 годах [Paarma 2007]. Олаус Петри, шведский церковный деятель времен Реформации, оставил после себя богатое наследие и считается основоположником литературного шведского языка.

Первая часть кодекса Веста начинается с обряда крещения, который включает в себя несколько молитв, чтение отрывка из Евангелия от Марка и символические действия. Как и в настоящее время, священник крестит лоб и грудь ребенка, дважды спрашивает его имя у крестных, а после обряда ребенка одевают в крестильное платье и в его руку вкладывают свечу. Интересно, что в период написания рукописи еще существовала традиция давать ребенку соль, которая считалась символом небесной мудрости и связи с Богом [Tarvainen 1955].

Вторая часть описывает ход мессы, и это собрание переводов различных источников.

Третья часть – это перевод немецкого произведения *Seelenn Ertzney für gesund und krancken*, или «Душевное лекарство для здоровых и болящих» авторства протестантского реформатора Урбана Хенрикуса Региуса. Скорее всего, Вест переводил трактат со шведского перевода [Turpurainen 2012]. Трактат был написан в 1529 г., и других его переводов на финский не имеется. Эта часть кодекса называется *Sieluin vahvistos, lohutos ja lääkitys*, «Укрепление, утешение и исцеление душ».

Кроме того, в кодексе имеются тексты церковных гимнов на финском, шведском и латыни, исполняемых на мессе, а также ноты к ним. Рукопись является самым большим собранием церковных песнопений времен Реформации в Финляндии.

В самом конце кодекса находятся несколько записей светского характера, например, способы лечения горячки на шведском языке и несколько финансовых расчетов – последние написаны весьма неразборчиво. Возможно, это учет долгов и завещание. На одной из последних страниц обнаружена стертая пометка владельца рукописи Матиаса Веста, цитата на финском языке из латинского гимна *Da pacem Domine* и несколько не связанных между собой слов.

Языковые особенности отрывка об обряде крещения в кодексе Веста и требнике Агриколы

Хотя кодекс был известен ученым по меньшей мере сто лет, системных исследований рукописи предпринято не было. В основном изучались отдельные языковые нюансы текста и особенности богослужения раннего этапа Реформации в Финляндии. Мало внимания уделено и богатейшей коллекции церковных песнопений, содержащихся в кодексе.

Настоящий анализ также не претендует на полноту, однако он, как видится, позволяет сделать некоторые интересные выводы, призванные подготовить почву для дальнейших исследований, а также взглянуть под новым углом на работы Микаэля Агриколы.

Для того, чтобы выделить орфографические особенности кодекса, нами было проведено сопоставление отрывка из рукописи Веста об обряде крещения с аналогичным по теме отрывком из требника Агриколы. Последний был напечатан в 1549 г., и, хотя в книге нет упоминания об авторе, переводчике или редакторе, эти труды, как считается, вышли из-под пера Агриколы².

Дополнительный интерес исследованию придает тот факт, что, как считается, Агрикола в своем труде не испытывал влияния кодекса Веста; предполагается верным и обратное утверждение [Kiuru 1994 (2)]. Таким образом, сходства в этих двух работах не могут объясняться тем, что тот или иной автор перенимал опыт второго современника. Скорее эти сходства могут свидетельствовать о сложившейся к моменту работы Веста и Агриколы письменной традиции в финском языке, памятники которой не дошли до наших дней.

Проведенный анализ демонстрирует как примечательные сходства, так и различия текстов на всех уровнях языка. Далее мы рассмотрим запись некоторых звуков и их сочетаний, отличающуюся от современной, а также употребление падежей, порядок слов и другие грамматические особенности. Анализ лексики текстов в данном исследовании не предусматривается.

Анализ гласных

Среди гласных обращает на себя внимание написание кратких и долгих *u*, *ä*, *ö*. Больше всего вариативности наблюдается при написании *u*. Так, у Агриколы звук оформляется в первую очередь как *w*, например, *Wlos (ulos)*, *swren (suuren)*, *wskoon (uskoon)*. Как видно из примеров, с помощью *w* Агрикола записывал и краткий, и долгий гласный. Иногда в одном слове встречаются как *u*, так и *w*: *swhun (suuhun)*. Возможно, это попытка передать долготу гласных с помощью разных букв. В свою очередь, у Веста отсутствует *w* для обозначения *u*: *vlghos / vlgos (ulos)*, *suren (suuren)*, *vxi (uksi, уст. фин. «дверь»)*, *suhun (suuhun)*. Как видно, в абсолютном начале слова Вест предпочитал использовать *v*, в то время как в середине и конце слова он писал последовательно *u*.

Звук [æ], обозначаемый в современном финском с помощью *ä*, также оформлялся у Агриколы и Веста по-разному. Агрикола часто записывал этот гласный с помощью *e*, не делая различия между [æ] и [e]: *ise (isä)*, *temen (tämän)*, *henen (hänen)*, *eleme (elämä)*. Подобное написание вызывает у современного читателя некоторое удивление: непонятно, почему человек, хорошо знающий финский язык,

² Текст данного требника доступен по адресу: https://kaino.kotus.fi/korpus/vks/meta/agricola/agri3alku_rdf.xml

не проводит границы между этими двумя звуками³. На наш взгляд, это косвенно подтверждает теорию о том, что некоторые части текстов записывал не сам Агрикола, а, возможно, один из его учеников, плохо владеющий финским, – вероятно, под диктовку. Все же следует отметить, что иногда в его тексте встречается *ä*: *kädhense* (*kätensä*). Помимо этих букв, рассматриваемый гласный обозначался иногда с помощью сочетания *ieu* или *eu*: *wloskeudhe* (*uloskäydä*), *kieudhe* (*käydä*).

Иная картина у Веста. Он достаточно последовательно разграничивает звуки *ä* и *e*, из-за чего текст выглядит несколько современнее: *jsä, tämän, hänen, elämä, kätensä*. С другой стороны, иногда и у него можно встретить *e* вместо *ä*: *meidhen* (*meidän*), иногда *henen* вместо *hänen*, а также *ae*: *kaesikirja* (*käsikirja*), *kaetkekön* (*kätkeköön*) и *a*: *äla* (*älä*). Интересно, что в глаголе *käydä* у Веста иногда присутствует гласный *i* перед *ä*, как и у Агриколы выше: *kiäydhä*.

Кроме того, звук *ö* обозначен у Агриколы и Веста по-разному. Данный звук вообще реже других гласных встречается в финском языке. Считается, что он был заимствован из германских языков на достаточно позднем этапе развития языка – в период III–IV вв. н. э. [Lehtinen 2007]. Буква *ö* Агриколе и Весту была уже знакома – у Агриколы мы встречаем *mös* «тоже», а у Веста – *möss* (ср. совр. фин. *myös*), но зачастую звук обозначался с помощью буквы *e*. Последовательность у авторов отсутствует. В свою очередь, послелог *tykö* «к» записывается по-разному: у Агриколы это *tyges*, а у Веста *tyghos*. При этом представляется важным, что слово *ylesnousemus* «воскрешение» (в современном написании *ylösousemus*) они писали последовательно одинаково. Это заставляет предположить об уже имевшейся на тот момент письменной традиции в языке.

Интерес вызывает также написание удвоенных гласных. В этом отношении Агрикола несколько отставал от своего современника, однако в целом удвоенными гласными при написании они оба пренебрегали. В качестве примера приведем сопоставительную таблицу одних и тех же словоформ, взятых из одного и того же контекста:

Таблица 1.

Обозначение долготы гласных у Агриколы и Веста

Агрикола	Вест	совр. финский
<i>manan</i>	<i>manan</i>	<i>manaan</i> 1 л., ед. ч. индик. през. от <i>manata</i> «заклинать»
<i>sastainen</i>	<i>saastainen</i>	<i>saastainen</i> «грязный»
<i>totuden</i>	<i>tottudhen</i>	<i>totuuden</i> генитив ед. ч. от <i>totuus</i> «истина»
<i>aican</i>	<i>aijkan</i>	<i>aikaan</i> иллатив ед. ч. от <i>aika</i> «время»
<i>swhun</i>	<i>suhun</i>	<i>suuhun</i> иллатив ед. ч. от <i>sui</i> «рот»
<i>lonut</i>	<i>loonut</i>	<i>luonut</i> прич. перф. от <i>luoda</i> «создать»
<i>olcon</i>	<i>olkon</i>	<i>olkoon</i> 3 л., ед. ч. имп. от <i>olla</i> «быть»

Как видно из примеров, особенно «пострадали» гласные во втором и последующем слогах (возможно, вследствие своей безударности). Тем не менее, в отдельных местах встречаются фонетически точно оформленные падежные окончания, например, у Агриколы *wskoon* (иллатив ед. ч. от *usko* «вера») и у Веста то же слово в более архаичном виде *wscohon* – здесь присутствует согласный *h*, позднее выпавший из окончания. Поскольку слово «вера» является одним из ключевых в религиозном лексиконе, можно снова сделать предположение, что его фонетически грамотно оформленное написание связано с уже сложившейся к времени создания текстов письменной традицией.

Написание согласных

Один из первых согласных, обращающих на себя внимание при чтении текстов, – это *v*, явно доставлявший обоим авторам проблемы при работе. И у Агриколы, и у Веста можно встретить сразу несколько вариантов его написания. Для наглядности приведем таблицу:

³ Также в преподавании финского языка на начальном этапе можно наблюдать, как изучающие путают эти два звука. Для носителей финского языка и изучающих его на уровне выше А1, в свою очередь, не делать различия между *ä* и *e* немыслимо.

Написание буквы *v* у Агриколы и Веста

Агрикола	Вест	совр. финский
<i>wisaudhes</i>	<i>visaudhes</i>	<i>viisaudessa</i> инессив ед. ч. от «мудрость»
<i>eleuet</i>	<i>eläuit</i>	<i>elävät</i> през. индик. 3 л. мн. ч. от «жить»
<i>weden</i>	<i>wedhen</i>	<i>veden</i> генитив ед. ч. от «вода»
<i>teruelisen</i>	<i>teruelisexi</i>	<i>terveellisen/terveelliseksi</i> генитив/транслатив ед. ч. от «здоровый»
<i>hyuestisiugnasi</i>	<i>hyuestisiunaisi</i>	<i>hyvästisiunasi</i> имп. индик. 3 л. ед. ч. от «благословить»
<i>waldakunta</i>	<i>waldakunta</i> <i>valdakunta</i>	<i>valtakunta</i> «царство»
<i>wastan</i>	<i>vastan</i>	<i>vastaan</i> «навстречу»

Как видно, согласный обозначался с помощью *w*, *u*, *v*. У Веста несколько чаще, чем у Агриколы, встречался привычный современному читателю *v*. Однако в одной строчке у него мог быть и *v*, и *w*: *sinun on valdakunda, ja woima* «Твое есть царство и сила». Нестабилен в этом отношении и текст Агриколы. По всей вероятности, сложности написания *v* вызваны влиянием шведского и особенно немецкого языков, старая орфография которых в данном отношении далека от полной последовательности. Тем похвальнее выглядят попытки Веста использовать более подходящую букву *v* систематически.

Еще одним проблематичным для написания звуком оказался согласный *k*. По всей видимости, здесь оба автора снова ориентировались на латынь, немецкий и шведский языки. С одной стороны, во многих случаях можно встретить привычную современному читателю букву *k*. С другой стороны, сочетание *ks* последовательно записано как *x* и у Агриколы (например, *mīxi – miksi*), и у Веста (*vxi – uksi*). Буква *q* встречается у обоих авторов только в слове *quin (kuin)*, в других позициях перед *u* используется *k*. Единство в написании *kuin* может снова указывать на сложившуюся к моменту создания текстов традицию.

Также для записи рассматриваемого звука авторы использовали букву *s* и сочетание *sk*. В одном и том же слове может использоваться целый набор разных вариантов: *ruckoilcam (rukoilkaamme)* у Веста, *ijancaikisen (iänkaikkisen)* у Агриколы. Выявить закономерности выбора сложно: в одних и тех же позициях встречаются разные буквы⁴.

Отдельного внимания заслуживает написание трех согласных, ныне исчезнувших из финского языка. Тексты Агриколы позволяют установить, что в XVI в. в юго-западных финских диалектах существовало три согласных, исчезнувших из современного языка: это звонкий зубной фрикативный согласный [ð], глухой зубной фрикативный согласный [θ] и звонкий велярный спирант [ɣ]. Звонкий зубной фрикативный согласный [ð] являлся слабой ступенью в чередовании *t:[ð]*. Агрикола обозначал его на письме с помощью *d* и *dh*. Глухой зубной фрикативный согласный [θ] отражен Агриколой с помощью *z* в таких словах, как *itze*. Звонкий велярный спирант [ɣ] был слабой ступенью в чередовании с *k*. Агрикола обозначал этот согласный как *g* или *gh*: *lugussa, aighat*⁵.

Текст Веста также принадлежит к юго-западным диалектам, но в нем прослеживается и влияние диалекта Раумы, что делает его несколько отличным от диалекта Хяме, на котором писал Агрикола [Raarna 2007]. Впрочем, в вопросе рассматриваемых трех согласных текст Веста сходится с текстом своего современника. Например, звонкий зубной фрикативный согласный [ð] у Веста обозначен как *dh*: *sockeudhet*. Глухой зубной фрикативный согласный [θ] передан, как и у Агриколы, с помощью *z*: *cutzunut, catzo*, равно как и звонкий велярный спирант [ɣ] – с помощью *g*: *jalgoin, tegijt*. Кроме того, для диалекта Веста, судя по всему, было свойственно чередование *rke / rje*, например, *särie (särje)* – у Агриколы *särghie*.

Подобное единство в написании этих специфических согласных снова позволяет предположить о развитой письменной традиции, существовавшей до Веста и Агриколы.

⁴ Более подробно о написании *k* в различных позициях у Агриколы см. [Братчикова 2014].

⁵ Следует отметить, что и в этом чередовании Агрикола был не до конца последователен. В тексте можно встретить чередование *k* с нулевым согласным, например, *teit* «ты сделал» (форма 2 л. ед. ч. индикатива имперфекта).

Другие фонетические особенности

Интересно, что в некоторых случаях в тексте отображены особенности устной речи, которые не принято отображать в финской письменности, а именно – ассимиляция по месту образования согласного *n* в звук *m* в позиции перед согласным *p*. Данная ассимиляция происходит до сих пор в быстрой речи носителей финского языка. У Агриколы и Веста случай такой ассимиляции есть в одном и том же месте – в молитве священника во время крещения ребенка: в обоих случаях употреблена форма *sempäle* (совр. фин. *sen päälle* «на это»). Видимо, данное словосочетание было в какой-то степени адвербиализовано либо широко употреблялось именно в контексте данной молитвы.

У Агриколы других случаев такого написания в анализируемом тексте нет. Вместе с тем отмечается, что в его переводе Нового Завета написание *sempäle* и того же рода *semperäst* (совр. фин. *sen perästä* «из-за этого») было редкостью, в основном использовались формы *senpolest(a)*, *senpäle*, *senperest(a)* и т.д. [Kiuru 1994 (1)].

У Веста наблюдается иная картина. В рассматриваемом отрывке можно встретить один случай данной ассимиляции: *Herram päle* (*Herran päälle*). Далее в тексте кодекса можно увидеть еще три случая такой ассимиляции. Это *sinum paluelias* (*sinun palvelijasi*), *sinum pyhät* (*sinun pyhät*), *sielum pälle* (*sielun päälle*). Как видно из приведенных примеров, случаи ассимиляции, отраженные на письме, затрагивают не только сочетание одного и того же местоимения и послелогов, а разные словосочетания. На наш взгляд, это указывает на владение языком на уровне носителя. При этом в абсолютном большинстве случаев Вест не отображает рассматриваемую ассимиляцию на письме: *Herran päle*, *on puhunut*, *meidhän piti*.

Грамматические и синтаксические особенности текстов

В данном разделе мы затронем лишь несколько грамматических и синтаксических особенностей исследуемого материала. В этом отношении текст Веста видится также несколько более корректным. Сравним пример части одного и того же предложения в текстах Агриколы и Веста.

Агрикола:

...ette henelde caicki pahat himot poiscaitoisit.

«...чтобы у него все порочные страсти прочь пропали».

Вест:

...että hänestä cattosi pahatt ijlodt menott.

«...чтобы у него пропали нечестивые радости, привычки».

В данном примере вместе с глаголом *kadota* «исчезнуть, пропасть, сгинуть» Агрикола использует аблатив (*henelde*), а Вест – элатив (*hänestä*). Вариант Веста выглядит более оправданным, поскольку аблатив с данным глаголом используется, если потеряно нечто материальное, а элатив – если речь идет о чувстве, эмоциональном состоянии.

В примере Агриколы можно также заметить употребление наречия *pois* слитно вместе с глаголом *kadota*, что несвойственно финскому языку. Такое употребление наречий для него характерно и встречается во всех его текстах. Его принято считать проявлением шведского и немецкого влияния. В свою очередь, в этом отношении кодекс Веста значительно свободнее, и излишние наречия отсутствуют.

Порядок слов у Веста также отвечает нормам финского языка в большей степени. Например, текст Агриколы начинается словами *Ensin Pappi kysyken* «сначала пусть священник спросит...», где форма повелительного наклонения 3-го лица от глагола *kysyä* «спрашивать» находится после подлежащего, в то время как по нормам финского языка она должна находиться перед ним, как у Веста: *Ensin kysyken Pappi*.

Еще одним небольшим, но заслуживающим внимания примером является специфическое употребление множественного числа у Веста. Как было сказано выше, в средневековом обряде крещения было принято давать младенцу соль. Это отражено в исследуемых текстах. У Агриколы это *andakon sinulle Wijsaudhen Soolan* «...пусть он даст тебе соль мудрости». Здесь слово *soola* (совр. фин. *suola*) закономерно стоит в аккумулятиве / генитиве единственного числа. В свою очередь, у Веста видим *andakon sinulle wisadhen suolat*. В данном случае слово *suola* находится в номинативе множественного числа, буквально «соли». Такое употребление множественного числа характерно для финского языка, особенно для устной речи, где совершенно нормальными являются формы *oluet*, *mansikat* – множественное число от неисчисляемых существительных *olut* «пиво», *mansikka* «клубника» и прочие. Это еще одна маленькая деталь, указывающая на глубокое владение финским языком автора кодекса Веста.

Молитва «Отче наш» в текстах Агриколы и Веста

Как известно, еще в XV в. в Швеции было решено, что католические молитвы «Отче наш», Символ веры и «Аве Мария» должны произноситься во время мессы на народном языке, и священник был обязан читать их с листа, чтобы они всегда звучали одинаково. Однако даже в настоящее время в финской церковной традиции существуют три варианта «Отче наш»; нетрудно предположить, что во времена Реформации могло встречаться еще больше вариаций. Сопоставление этих вариаций в старинных финских рукописях проводилось финским лингвистом Х. Ууситало [Uusitalo 2016]. Наша статья дополнит его наблюдения.

Несмотря на существование немного различающихся текстов, молитва «Отче наш» сходится в текстах Агриколы и Веста слово в слово, различаясь лишь некоторыми грамматическими формами (например, у Веста слово *taivas* употреблено в единственном числе, а у Агриколы во множественном, что является калькой латинской версии молитвы). Тем интереснее различия в их написании. Как и в предыдущих отрывках, текст Веста точнее отображает фонетику финского языка. Достаточно сравнить две следующие формы: *tenepene* у Агриколы и *tänpäiüänä* у Веста – в современном финском *tänä päivänä* «сегодня, в этот день». При виде форм вроде *tenepene* в тексте, приписываемом Агриколе, читатель может задаться вопросом, владел ли пишущий вообще финским языком? Возможно, он выучился читать, но едва понимал прочитанное? В свете нынешних исторических данных на эти вопросы трудно ответить с уверенностью.

Справедливости ради следует отметить, что в некоторых местах молитвы Агриколы аккуратно отмечена, например, долгота гласных, в том числе и в неударных слогах, как в иллативной форме слова *kiusaus* «искушение»: *ele iocdhata meite Kiusauxeen* «и не введи нас во искушение». У Веста данная форма записана как *kiusauxen*.

В молитве Агриколы имеется также и явная ошибка: в форме *meidhen syndinne* «наши грехи» использован притяжательный суффикс 2-го лица множественного числа вместо суффикса 1-го лица -*mtte* (ср. у Веста *meiden syndime*). Однако эта ошибка, ввиду сходства букв *n* и *m*, могла быть сделана и в типографии, а не по вине писавшего.

Заключение

Несомненно, анализ небольшого отрывка, предпринятый в данной статье, не может предоставить исчерпывающих выводов обо всей работе. Однако некоторые обнаруженные особенности позволяют наметить направление для дальнейших исследований.

Сопоставление кодекса Веста и требника Агриколы показало, что зачастую орфография Веста ближе к современному написанию. Во многих отношениях она является последовательней и легче воспринимается читателем. Существенным достижением Веста является, например, попытка унифицированного написания *ä, v, u*. Что еще более важно, употребление падежей, порядок слов и другие грамматико-синтаксические особенности кодекса Веста тоже во многом отображают более «чистый» и грамотный финский язык, свободный от засилья немецко-шведского влияния. Возможно, Агриколе было труднее противостоять иностранному влиянию в силу своего немецкого образования; как было сказано ранее, Вест не учился в Германии, в отличие от Агриколы. Может быть, поэтому текст капеллана из Раумы был самобытнее.

Увы, труд Веста остался лишь малоизвестной рукописью. Если бы он получил такие же возможности напечатать свои труды, как и Агрикола, развитие финского языка однозначно бы ускорилося.

Анализ текста также позволяет строить предположения о старинной письменной традиции в финском языке, возникшей до работ М. Веста и М. Агриколы. Это также требует дальнейшего исследования, в том числе сопоставления с другими финскими рукописными памятниками, дошедшими до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

- Братчикова Н. С. Становление финского литературного языка в эпоху Реформации // *Acta linguistica petropolitana*. 2014. Т. 10. № 1. С. 463–480.
- Häkkinen K., Tuppurainen E. Kangasalan missalen suomenkielinen messu // *Sananjalka*. 2014. № 56. S. 7–28.
- Häkkinen K. Uppsalan evankeliumikirjan katkelma, vanhin suomenkielinen käsikirjoitus // *Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja*. 2016. Vol. 106. S. 138–165.
- Ikola O. Suomen kielen historia. Suomen kielen käsikirja. Helsinki: Weilin&Göös, 1968, S. 35–59.

- Kiuru S.* Jatkoa Agricolan tutkijoiden huomioihin // *Virittäjä*. 1994. № 1. S. 75–79.
- Kiuru S.* Agricolan ajan konditionaalimuotojen i:ttömät diftongit // *Virittäjä*. 1994. № 4. S. 588–595.
- Lehtinen T.* Kielen vuosituhanet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuuteen. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2007. 305 s.
- Paarma J.* Mathias Johannis Westh // Suomen kansallisbiografia. Helsinki: SKS, 2007. S. 463–464.
- Pihlajamaa L.* Tukholman suomalaisen seurakunnan papisto 1533–1999. Stockholm: Terttu Pihlajamaa Förlag, 2000. 383 s.
- Pihlajamaa L.* Tukholman suomalaisen seurakunnan ensimmäinen saarnaaja: Mathias Westh? // Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja. 2010. Vol. 100. S. 71–92.
- Pirinen K.* Suomenkielisen liturgisen kirjallisuuden synty. Mikael Agricolan kieli. Helsinki: SKS, 1988. 268 s.
- Rajamäki S.* Uppsalan käsikirjan messun piirteitä ja suhde muihin reformaatioajan messuteksteihin. Turun yliopisto, 2015. 80 s. URL: <https://www.utupub.fi/handle/10024/105144> (дата обращения: 17.08.2022)
- Tarvainen O.* Mikael Agricola, kirkon uudistumies. Jumalan viljelysmaa, 1955. S. 33–41.
- Tuppurainen E.* Codex Westh. Westhin koodeksin kirkkolaulut. Kuopio: Offsetpaino L. Tuovinen, 2012. 121 s.
- Uusitalo H.* Reformaatioajan suomenkielisten Isä meidän-rukousten suhteet toisiinsa ja lähdeteksteihin kielellisten erojen valossa // *Sananjalka*. 2016. № 58. S. 159–174.

Поступила в редакцию 19.08.2022

Дементьева Александра Максимовна,

кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
119034, Россия, г. Москва, Остоженка 38, стр. 1
aleksandra.dementieva@gmail.com

A. M. Dementieva

**CODEX WESTH: THE MYSTERIES OF ONE FORGOTTEN FINNISH MANUSCRIPT
OF 16TH CENTURY**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-188-197

This article describes some orthographical, grammatical and syntax features of a 16th-century manuscript called Codex Westh. I have studied a fragment, which describes the baptism ceremony. I have also explored the problem of authorship of this text. According to some researchers, Mathias Westh (d. 1549), a chaplain from Rauma town, was the last keeper of this manuscript only. According to another version, he was a scribe among others. The third theory says that he was the only author of the Codex. Nowadays it is hard to confirm or deny any of these theories, but the research result shows, that the manuscript author was fluent in Finnish at the native speaker level. I have studied language features of the manuscript by comparing them to Finnish missal published in 1549. Although there is no sign of missal translator's or author's name in the book, it is considered to be written by Mikael Agricola, "the father of literary Finnish". The research result shows, that Westh's text is more orthographically correct. For example, the use of letters *ä*, *e*, *v* is more logical. Also the use of cases and word order reflect the spoken Finnish better, than Agricola's text, which has plenty of German and Latin orthography, grammar and syntax calques and direct loans. As a result, Codex Westh is an original work and an important document in the history of the Finnish language. It could have made a valuable contribution to development of the Finnish. Unfortunately, due to historical circumstances, the manuscript remained unknown to society. It was kept in St. Margaret church in Vehmaa for a long time. After that, it was transferred to National Archive of Finland, where it has been digitalized and published on the Archive website.

Keywords: the Finnish language, the history of the Finnish language, the orthography of the Finnish language, Codex Westh, Mathias Westh, Mikael Agricola, the Reformation, the history of Finland.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 188–197. In Russian.

REFERENCES

- Bratchikova N. S.** Stanovlenije finskogo literaturnogo yazika v epokhu Reformatsii [The formation of the Finnish literary language during the epoch of Reformation]. *Acta linguistica petropolitana*. 2014, vol. 10, no 1, pp. 464–480. In Russian.
- Häkkinen K., Tuppurainen E.** Kangasalan missalen suomenkielinen messu. *Sananjalka*, 2014, no. 56, pp. 7–28.
- Häkkinen K.** Uppsalan evankeliumikirjan katkelma, vanhin suomenkielinen käsikirjoitus. *Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja*, vol. 106, 2016, pp. 138–165.
- Ikola O.** Suomen kielen historia. *Suomen kielen käsikirja*, 1968, pp. 35–59.
- Kiuru S.** Jatkoa Agricolan tutkijoiden huomioihin. *Virittäjä*, 1994, no. 1. pp. 75–79.
- Kiuru S.** Agricolan ajan konditionaalimuotojen i:ttömät diftongit. *Virittäjä*, 1994, no. 4. pp. 588–595.
- Lehtinen T.** *Kielen vuosituhanneet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuomeen*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2007. 305 p.
- Paarma J.** Mathias Johannis Westh. *Suomen kansallisbiografia*, 2007, pp. 463–464.
- Pihlajamaa L.** *Tukholman suomalaisen seurakunnan papisto 1533–1999*. Stockholm: Terttu Pihlajamaa Förlag, 2000. 383 p.
- Pihlajamaa L.** Tukholman suomalaisen seurakunnan ensimmäinen saarnaaja: Mathias Westh? *Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja*, vol. 100, 2010, pp. 71–92.
- Pirinen K.** Suomenkielisen liturgisen kirjallisuuden synty. *Mikael Agricolan kieli*. Helsinki: SKS, 1988. 268 p.
- Rajamäki S.** *Uppsalan käsikirjan messun piirteitä ja suhde muihin reformaatioajan messuteksteihin*. Turun yliopisto, 2015. 80 p. URL: <https://www.utupub.fi/handle/10024/105144> (Accessed 17.8.2022)
- Tarvainen O.** Mikael Agricola, kirkon uudistumies. *Jumalan viljelysmaa*, 1955. pp. 33–41.
- Tuppurainen E.** *Codex Westh. Westhin koodeksin kirkkolaulut*. Kuopio: Offsetpaino L. Tuovinen, 2012. 121 p.
- Uusitalo H.** Reformaatioajan suomenkielisten Isä meidän-rukousten suhteet toisiinsa ja lähdeteksteihin kielellisten erojen valossa. *Sananjalka*, 2016, no 58, pp. 159–174.

Received 19.08.2022

Dementieva Alexandra Maksimovna,
 Candidate of Science (Philology), Associate Professor
 Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages at the translation faculty
 of the Moscow State Linguistic University
 38, bld. 1, Ostozhenka st., Moscow, 119034, Russia
aleksandra.dementieva@gmail.com

М. А. Ключева

ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОЛЖСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА (ИГРОВАЯ ЛЕКСИКА)

В статье представлены тюркские заимствования в волжском говоре лугового наречия марийского языка. Тематическая группа, которой посвящена наша статья – игровая лексика: слова и игровые термины, встречающиеся в марийских народных играх (в процессе игры и в рассказах об играх). Исследование строится на материале публикаций, архивных и современных полевых записей. Полевые исследования последних лет показали, что в волжском говоре присутствует специфическая игровая лексика, не известная в других диалектах марийского языка и не зафиксированная в лингвистической и этнографической литературе. Также некоторые лексемы, хотя и встречаются в других диалектах (не всегда в игровых значениях), в волжском говоре фонетически специфичны. Цель данной статьи – представить эту лексику, ввести ее в научный оборот. В статье рассмотрено 10 игровых лексем такого рода: *капаш* ‘хватать’, *потак* ‘догонялки’, *паитенге* ‘догонялки’, *чок* ‘чураание в прятках’, *чонгырла* ‘в звон (обруч)’, *кыпчакла* ‘в куклы’, *пакляк* ‘игра в банку’, *козла-модышла* ‘в игру в бабки’, *чирака* ‘вид городков’, *мака-мака* ‘жмурки’. Как выяснилось, большая часть из них пришли в волжский говор марийского языка из татарского. Таким образом, тюркское влияние на марийскую игровую культуру и игровую лексику особенно активно в контактных зонах, в частности, в южных районах Республики Марий Эл, граничащих с Чувашией и Татарстаном, и волжский – наиболее насыщенный тюркизмами говор лугового наречия. При этом достаточно много соответствий в игровой лексике волжского говора и горного наречия марийского языка. В ходе анализа обнаружилось, что аналогичные лексемы – тюркские заимствования – присутствуют и в других финно-угорских языках: удмуртском, мордовских, коми, венгерском, а также в диалектах русского языка.

Ключевые слова: народные игры, игровая лексика, асемантическая лексика, Волго-Камский языковой союз, традиционная культура Урало-Поволжья, финно-угорские языки, тюркские языки, волжский говор марийского языка, луговое наречие марийского языка, русские диалекты

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-198-211

Известно, что в лексическом фонде марийского языка большое место занимают заимствования из тюркских языков. Чуваши, татары, башкиры являются давними соседями мари, эти народы и их предки оказали значительное влияние на материальную и духовную культуру мари и, конечно, язык. Тюркизмы в марийском языке получили систематическое освещение в фундаментальных словарях и работах, посвященных общей лексике т. н. Волго-Камского языкового союза [Räsänen 1920; Räsänen 1923; Ахметьянов 1981; Федотов 1996; ЭСТЯ; Исанбаев 1994; Ахметьянов 2015] и др. Часть тюркских заимствований можно считать общемарийскими. Вместе с тем в отдельных диалектах марийского языка встречаются тюркизмы, присущие только им. Так в говорах восточного наречия достаточно много специфических заимствований из татарского и башкирского, не известных в других диалектах марийского языка. В горномарийском и волжском диалектах, ареал которых находится в южной части Республики Марий Эл (РМЭ) по берегу Волги и граничит с Чувашией, присутствует немало специфических заимствований из чувашского. Наше исследование посвящено волжскому говору, который вместе с йошкар-олинским и моркинско-сернурским говором образуют луговое наречие марийского языка. Ареал волжского говора – территория современного Волжского, Звениговского и юго-западной части Моркинского р-на РМЭ; он представлен на следующей карте из [Грузов 1969, 47]:

Справочная информация о волжском говоре содержится в диалектологической литературе [Грузов 1965; Иванов 1981; Vereszki 1994] и др., а наиболее полное описание он получил в диссертации Г. И. Лаврентьева [Лаврентьев 1966]. К сожалению, нет отдельного словаря волжского диалекта лугового наречия марийского языка и основными опубликованными источниками по его лексике остаются издания Э. Беке [Beke 1997–2002; Beke 1957], см. также [Moisio, Saarinen 2008]. Небольшой аудиословарь волжского говора (стослов по Сводешу в современных записях 2015 г.) размещен на сайте ЛингвоДок [Норманская, Ключева 2016].

Рис. 1. Карта-схема распространения марийских диалектов

Тематическая группа, которой посвящена наша статья – это игровая лексика: слова и игровые термины, встречающиеся в марийских народных играх (в процессе игры и в рассказах об играх). Народные игры волжских мари относительно слабо представлены в литературе и архивных источниках. Весьма ценными являются записи венгерского лингвиста Э. Беке времен Первой мировой войны, среди информантов которого было три носителя волжского говора (Григорий Николаев из д. Большие Маламасы, Кузьма Кириллов из с. Именцы ныне Звениговского р-на и Игнатий Никитин из д. Кукшнур ныне Моркинского р-на РМЭ). От них Беке записал порядка 18 единиц марийского игрового фольклора (игры, игровые лексемы). На момент записи в 1916–1918 гг. возраст всех информантов Беке был от 21 до 40 лет. В небольшом объеме названия детских игр волжских мари встречаются в работах Ф. И. Гордеева, например, в [Гордеев 1982], единичны фиксации в марийской детской прессе (газете *Ямде лий* ‘Будь готов’) [МНИ, № 1397, 2075]. В Архиве Марийского научно-исследовательского института (МарНИИ, МарНИИЯЛИ) детский фольклор, описания некоторых игр волжских мари содержатся в ряде рукописей «Материалов фольклорных экспедиций» (шифры МФЭ-60 № 6, МФЭ-60 № 7, МФЭ-60 № 9, МФЭ-75 № 82, МФЭ-84 № 137, 138, 142, МФЭ-86 № 148, МФЭ-88 № 160, МФЭ-91 № 173) и в Научном рукописном фонде (НРФ, оп. 3, № 408, т. 2). Эти записи сделали в свое время фольклористы В. А. Акцорин, А. Е. Китиков, А. Ф. Степанов, А. С. Савельев, а также студенты-практиканты под руководством сотрудников МарНИИ. Хотя в 1990-е и 2000-е гг. вышло несколько книг, посвященных детскому фольклору мари, например, [Китиков 1993; Петухова 2004], в них отсутствует паспортизация материалов, и все описания игр даны в литературной обработке. В результате диалектный материал, если он там даже использовался, извлечь из этих изданий невозможно. В словаре В. М. Васильева «Марий Мутер» 1926 г. лексика луговых мари (в том числе игровая) также дана без дифференциации по говорам, хотя по специфической лексике в отдельных случаях волжские игры можно определить. Таковой, например, является игра *Шүжсер ленез* ‘Молочные кадки’ [Васильев 1926, 278; МНИ, № 1113], ср. волж. *шүжсер* ‘молоко’ ~ литер. и морк.-серн. *шөр* ‘то же’.

Таким образом, волжский диалект марийского языка и игровой фольклор волжских мари недостаточно изучен и представлен в публикациях. Для того, чтобы в какой-то мере восполнить этот пробел, мы занимаемся полевыми исследованиями – сбором марийских народных игр (не только волжских, но и других этнографических групп мари). Материалы, записанные до 2014 г., были опубликованы в [Ключева 2014] (первое издание в 2012 году). Записи последующих лет (аудиофайлы и стенограммы-расшифровки рассказов об играх) пока не опубликованы, но включены в двухтомный сборник материалов «Марийские народные игры», который готовится к изданию в МарНИИЯЛИ в рамках серии «Свода марийского фольклора» [МНИ 2016–2021].

Полевые исследования показали, что в волжском говоре присутствует специфическая игровая лексика, не известная в других диалектах марийского языка и не зафиксированная в лингвистической и этнографической литературе. Также некоторые лексемы, хотя и известны в других диалектах (не всегда в игровых значениях), имеют своеобразный фонетический облик, свойственный именно волжскому говору. Наведение этимологических справок показало, что в большинстве своем специфическая игровая лексика в волжском говоре – это тюркские заимствования. Цель данной статьи – представить эту лексику, ввести ее в научный оборот. Дальнейшее изложение в статье представляет собой рассмотрение 10-ти игровых лексем такого рода (в волжском диалекте): *капаш* ‘хватать’, *потак* ‘догонялки’, *паштенге* ‘догонялки’, *чок* ‘чураание в прятках’, *чонгырла* ‘в звон (обруч)’, *кыпчакла* ‘в куклы’, *пакляк* ‘игра в банку’, *козла-модышла* ‘в игру в бабки’, *чирака* ‘вид городков’, *мака-мака* ‘жмурки’.

1. **Капаш** ‘ловить’. Это слово информанты 1958 и 1961 г.р. из с/п Обшияры (д. Полевая ~ мар. *Нурсола*) Волжского р-на использовали, описывая игру в лапту, когда речь шла о ловле мяча:

Ондакше модына ыле. Лапту модат та. [Соб.: Кузе модыт?]. Лапту ден? Тыгай тоя, шогалат, колдет мячикетым. Вара коргожот. Лопшалат мячикым. Вэсыже если кána гын, то. Кána гын, вара тодо можым, порат огыл мо мэнгеи? Лапту. Ту(г)е черет тен шолгат нбога-шамыч. Йкте мячикым ты(г)е шуа. Вэсе уже – кок команде вет. И вара лопшалеш мячикетым. Если тошто капат гын, вара ваиталдылыт. Уке гын, вара коргожот тише [тидыже]. [Соб.: А мо тыгай «капаш»?] Ну, кочаш. Кочаш огыл, а мо, кузе маным. [Долгов Е.: свечки маналдеш. Погена – свечки маным погена рушла]. Вот. Если ок кочеп гын, вара коргожот. Коргожот та мэнгеи толыт, огыл мо? Вот тиге. [Долгов Е.: Кругыш савурнымла]. Вара вэс черетыш ты(г)е. Эркин-эркын.

‘Раньше (мы) играли. В лапту играешь да. [Соб.: Как играют?]. В лапту? Такая палка, встаешь, подаешь (букв. пускаешь) мячик. Потом бегут. Ударяешь мячик [палкой]. Другой, если поймает, то. Если поймает, то потом он это, возвращаются обратно не так ли? [т. е. команда ловивших мяч идет подавать мяч]. Лапта. Так в ряд стоят дети. Один мячик так бросает. Другой уже – две команды ведь. И потом бьет этот мячик. Если там поймают, то меняются. Если нет, потом бегут этот [те, кто били мяч]. [Соб.: Что такое капаш?]. Ну, поймать [мячик]. Не поймать, а, как говорят? [Долгов Е.: «Свечкой» называется. Поймаем – свечку, говорят, ловим, по-русски]. Вот. А если не поймают [ловцы] – то [те, кто били мяч] потом бегут [через все поле к дальней черте]. Бегут и обратно возвращаются, не так ли? Вот так. [Долгов: надо в круг обернуться]. [А ловцы во время перебежки стараются выбить кого-нибудь из бегущих мячом]. Потом в новом коне так же. Мало-помалу’.

(Зап. в июне 2016 г., инф. Алексеев Олег Андреевич, 1961 г.р., Долгов Евгений, 1958 г.р.) [МНИ, № 1327].

Слово *капаш* ‘ловить’ не встречается в имеющихся словарях марийского языка. Судя по формам этого слова в тексте выше (*капа* ‘поймать-NPST.3SG’, *капат* ‘поймать-NPST.3PL’), оно относится ко 2-му спряжению, что характерно для тюркских заимствований в марийском языке. Этимология – очевидно тюркская, от основы *қап-* ‘ловить, хватать’ [ЭСТЯ 1997, вып. 5, 264]. В марийский (волжский диалект) слово, видимо, попало из татарского (в чувашском эта основа имеет вид *хып-*)¹.

2. **Потак** – асемантическое слово-возглас водящего в игре в догонялки, когда он нагоняет и задевает одного из убегающих игроков; *потакла модаш* ‘играть в догонялки’ (с/п Обшияры Волжского р-на):

Потак. Вот тиге логалдышым тыландá – всё, потакым нушым, и мый коргожам, тый вадитлет. Тый мый дечым уже тиге тыгай, вэсым уже поктылат. Потак манына ыле.

‘Вот так вас задел – всё, отдал потак, и я бегу, ты водишь. Ты от меня уже это так, другого ловишь. Мы говорили «потак»’.

(Зап. в 2016 г., инф. Долгов Евгений, 1958 г.р.) [МНИ, № 1014].

Слово *потак* (ударение нестабильное) отсутствует в марийских словарях. Этимология – от чув. *патак* ‘палка’. Наблюдаемый переход *a > o* в первом слоге (чув. *патак* > мар. *потак*) является закономерным при заимствованиях в марийский (луговой) из тюркских языков, ср. чув. *валак* ‘желоб’ > мар. *волак* ‘то же’, чув. *кавус* или тат. диал. *кавыз* ‘кауз (помещение для водяного колеса на мельнице)’ > мар. *ковыз* ‘то же’. В чувашском в свою очередь *патак* ‘палка’ является заимствованием из др.-рус. *батогъ* ‘палка, дубинка’ [Федотов 1996, вып. 1, 390]². Этот возглас (чув. *патак* > мар. *потак*)

¹ Благодарим тюрколога А. В. Савельева за консультацию по поводу этимологии этого слова.

² Ср. аналогичное заимствование в финском – *раати, раатоо* ‘прут, розга, палка’.

мог появиться в игре типа догонялок, если изначально удар водящий наносил палкой, а не рукой. Но вероятнее, он вошел в догонялки из смежной игры типа прятков с палочкой или из игры в чижа. Действительно, в чувашском фольклоре фиксируется игра *патакла* ‘название игры в чижа’ [Ашмарин 1999, Т. 9, 129]. Таким образом, марийская волжская игра типа догонялок на уровне лексики (возглас *потак*) связана с некоторыми чувашскими играми³.

Заметим, что использование в игре слова со значением «палка» совсем не означает обязательного присутствия в игре самой палки как реального предмета. Ср. в игре с мячом *В яйцо* «палкой» называется штрафное очко при ошибке, получаемое вратарем за пропущенный в ворота гол. Играют «до трех палок», после чего проигравший «носит яйца», т. е. мяч между ног (с. Нёнокса Архангельской обл., зап. в 2001 г.) [Ключева 2014, 158]. Типичны также чурания в прятках с упоминанием палки, даже если игра происходит без палки [Ключева 2022а], например, *пали-стукали* в Восточной Украине, Таганроге, Бресте, *пали-я* в Белгороде и др. [Ключева 2014, 81].

3. *Паитэнге* ‘последний’ – возглас водящего в игре в догонялки, когда он заденет кого-нибудь из убегающих игроков, передавая ему свою роль (д. Малые Параты (мар. *Чодраял*) Волжского р-на). Отсюда и название игры – *паитэнгыла* ‘в догонялки (букв. в последнего)’ [Ключева 2014, 99; МНИ, № 1035].

В [СМЯ 2000, Т. 5, 59] *паитенге* ‘последний’ маркируется как диалектное, большинство ссылок в картотеке СМЯ указывает на волжский говор (Волжский и Звениговский р-ны). Однако слово *паитенге* встречается также в произведениях писателей-уроженцев д. Старое Крещено Оршанского р-на РМЭ: М. Шкетана, Ф. Майорова, А. Волкова (йошкар-олинский говор мар. Л) и уроженцев Моркинского р-на: Г. Ефруша, М. Казакова (д. Кутюк-Кинер, Макаркино – ареал морк.-серн. говора мар. Л). В словаре Беке содержится указание только на волжский говор (д. Кукшнур, Большие Маламасы, Исменцы) [Веке 2000, Т. IV₆, 1777].

Что касается этимологии, не следует путать *паитенге* с мар. Л *поитек* ‘следом’ ~ мар. СЗ, мар. Г *паитек*, которые являются производными от исконного мар. *поч* ~ *пач* ‘хвост’ [UEW 1988, 353]. Марийское волжское *паитенге* происходит от тат. диал. *баитангы* ‘предварительный, начальный’ (~ литер. тат. *баитыгы* ‘начальный, первоначальный, первый; исходный’, *баита(н)* ‘сначала, сперва’) [ТРС 2002, 53]. Исходная основа – ОТю *баи* ‘голова’ [ЭСТЯ 1978, вып. 2, 85–88]. Там же в ЭСТЯ отмечена «типологическая константа – слово голова, – которая в разных языках может быть источником полярных значений ‘начинать’ и ‘кончать’». В рамках этой константы развивается и значение марийского слова: в татарском значение «начальный», в марийском – «последний».

Интересно, что у данного названия игры в догонялки (мар. волж. *паитенгыла*) имеются многочисленные соответствия в играх русских, русскоязычных детей на Урале, которые восходят к тюркскому субстрату. Ср. *баи* – возглас чурания в детской игре *В баши* (*башики*) – детская игра в пятнашки, сопровождаемая возгласом «баш». «Я тебе сказал: баш, что не хватаешь? – Да, как же! Сказал баш, а рукой не задел? Баш! Когда отдашь!» (Красноуфимский у. Пермской губ., Пермская губ., фиксации 1856, 1898, 1930 гг.) [СРНГ 1966, вып. 2, 163–163]. Аналогичные приговорки-чурания в современных записях: *баи* (Челябинск), *баши-баши* (Курган), названия игр типа догонялки *башилки*, *баши* (Челябинск), *баши*, *баши*, *башики* (Пермский край, Башкирия, Челябинская обл., Курган) [Ключева 2014, 97]. Отсюда *башиить* – то же что и водить (Челябинская обл.) [Ключева 2014, 78]; *забашиить*, *отбашиить*, *отбашиаться* ‘зачурать (в прятках)’ (Курган, Челябинск) [Ключева 2014, 82]; *башиить*, *забашиить* (Челябинск) – в играх с преследованием задеть, попасть, например, в игре *В банку* – задеть палкой (действие водящего, «галящего»). «Я тебя забашил; теперь ты галишь» [Ключева 2014, 170].

4. Чок

Чурание *чок* ‘чур’ зафиксировано в игре *шилмыла* ‘в прятки’ (д. Малые Параты Волжского р-на, зап. в июне 2001 г., инф. 1927 г. р.) [Ключева 2014, 84; МНИ, № 824]. Известно оно и горным мари (д. Юнга Кушерга Горномарийского р-на Марийской АССР) [Гордеев 1982, 92; МНИ, № 825]. Формула чурания в волжской фиксации – (*Анук*) *чок*, а действие чурания там выражается глаголом *чоклаш*, *чоклен опташ*.

Сопоставимое чурание *чук* (*чук*, *чух?*) встречается в татарских играх с палками: когда водящий устанавливает на место сбиту ю другим игроком деревяшку, он говорит *чук* (по нашим несистемати-

³ Возможна, но не ясна связь волжского *потак* с мар. В *котак* – мар. В кукморское ‘последний, последним’ (д. Старая Кня (мар. *Тошто Кына*) Кукморского р-на Татарстана): *куржмаиште тудо котак тольо* ‘в беге он пришел последним’ [Вершинин 2011, 202].

зированным данным, требующим уточнения). При этом у восточных (мензелинских) мари *чү'к*⁴ — биток, кусок дерева, а *чү'кла* ‘в чук’ — название игры, где игроки, бросая палки, сбивают деревяшку (*чү'к*) со вбитого в землю кола:

Чү'кла мо-дыт, ло-мбо тойа-м кыре-н кода-т, ве-сывлак городки- гай тойа- де-не лүйа-т, кө пе-рвый толе-шат, чү'кым пыжыкта-, чү'к оз'а- лийе-ш, ве-се вёзлётка-.

‘Играют в *чү'к*, забивают черемуховую палочку, другие бьют, кинув, битой как при игре в городки, кто первым придет, тот ставит *чү'к*, становится хозяином *чү'к*'а, другой бежит’ (д. Мари-Буляр Муслумовского р-на Республики Татарстан) [Вершинин 2011, 681; МНИ, № 1403].

Игра в монеты с названием *чук* зафиксирована в д. Нуръял Моркинского р-на (ареал морк.-серн. говора мар. Л): «Игрок собирает все монеты в ладони, сложенные лодочкой, и трясет их, после чего бросает на пол. Все монеты, упавшие орлами, забирает себе. Потом подбирает монеты по одной (как правило, начиная с самых дорогих) и бросает в землю. Если монета перевернется орлом – забирает себе, если решкой – переход хода» (зап. в 2010 г., инф. 1988 г.р.) [Ключева 2014, 188; МНИ, № 1521].

Версии этимологии игровой лексемы *чук* подробно рассмотрены в [Ключева 2022а: 141–143]. Здесь же ограничимся выводом, что наиболее логично считать мар. чурание в играх *чок* и тат. *çük*, к которому восходит марийское слово, сокращенным наименованием молота — тат. *чүкеч* (> мар. В *чөкыс*, литер. *чөгыт*). Молот в игре как эквивалент палки, орудие стука. Тат. *чүкеч* ~ перс. *чекуш* [Исанбаев 1994, 181]. Именно наименования палки, в том числе в сокращенном, искаженном, асемантизированном и пересемантизированном виде, характерны для чураний в прятках, ср. в русском игровом фольклоре чурания *палы-выры*, *пол-выры*, *пара-выра* и т. п. (в Москве и Московской области) < *палочка-выручалочка* [Ключева 2014, 81–82].

5. **Чонгырла** ‘В звон (обод, обруч)’ (д. Малые Параты) – игра с железным колесиком (*чынгырорава*), точнее ободом колесика, которое надевают на железную палку или проволоку (*чынгыркүртньö*). Колесико катится с шумом, за ним бегут (зап. в июне 2001 г., инф. 1948 г.р.) [Ключева 2014, 331; МНИ, № 2275]. Аналогичная игра с названием *Цынгырла* известна горным мари (д. Сарлатово, зап. в январе 2003 г, инф. 1948 г.р.), см. там же; а в д. Новая (Усола) Моркинского р-на МАССР фиксируется название игры *Чыр-чыр орава* ‘Дребезжащее колесо’ [МНИ, № 837].

По словам обоих информантов, *чонгыр* (~ мар. Г *цынгыр*) – это звукоподражательное слово, выражающее дребезжание колеса. Действительно, ср. о звоне монет мар. В *чонгыр* (калтасинское, д. Старый Орьебаш) ~ йошкар-олинское *цонгыр* (д. Туршемучаш) [Веке 2001, Т. IV₉, 3153], мар. Г *цынгыр*, *цынгыри-цонгыри*, *цонгыр* ‘о звоне металлических предметов’ [Саваткова 2008, 317, 319], литер. *чон-чон* ‘подражание звуку кузнечного молота’, *чонгыртаташ* (мар. Г *цонгыртаташ*) ‘звенеть, издавать металлический звук’ [СМЯ 2003, Т. 8, 400, 397]. Вместе с тем, учитывая, что основной предмет игры – железный обод от колеса, не исключено, что данное звукоподражание связано с тат. диал. *чамбар* ‘обруч’ [БДСТЯ 2009, 737] ~ *чамбар*, *цамбар*, *цамбер*, *цимгар* ‘ободок; ободья бочек’, которое в свою очередь в тюркских из персидского *чәнбәр*, *чәмбәр* [Ахметьянов 2015, Т. 2, 422]. Ср. в литер. мар. языке обруч – *шүдыш* ~ мар. Г *шөдыш*, обод – *тогым* < тат. литер. *тугым*. Формант *орава* ‘колесо’ в *чынгырорава* (~ мар. Г *кёртницарава*) также тюркизм, ср. чув. *урапа* ‘телега, колесо’, тат. *арба* ‘телега’ [Федотов 1996, вып. 2, 184]. Формант *күртньö* ‘железо’ в *чынгыркүртньö* – исконное финно-угорское слово, от ФП **kärtz* ‘железо’ [UEW 1988, 653].

6. **Кыпчак** ‘кукла’ [?].

Кыпчак дене модаш ‘играть в куклы’ (д. Малые Параты): «Одевание кукол по канонам народного костюма. Обувь – лапти с онучами. Особенно были популярны кукольные свадьбы с пением свадебных песен» (зап. в июне 2001 г., инф. 1927 г.р.) [Ключева 2014, 331; МНИ, № 2178]. Интересно, что вместо литер. *курчак* ‘кукла’ (~ волж. *корчак* [Веке 1998, Т. IV₄, 1052]) информант использует несловарное *кыпчак*, которое, видимо, восходит к тат. *көпчәк* ‘колесо’ [Ахметьянов 2015, Т. 1, 452] < ОТю *көпчек* ‘ступица колеса’ [ЭСТЯ 1997, вып. 5, 116], ср. чув. *көпчек* ‘ступица’. Вероятно, развитие семантики шло следующим образом: колесо (как игрушка) > игрушка (любая) > кукла. Данная уникальная (единственная) фиксация лексемы и игры нуждается в дополнительной верификации.

7. Пакляк

Игра **Пакляк** (с. Исменцы Звениговского р-на) заключается в следующем: «В землю вбивается доска, а на нее ставится банка. Водящий стоит около банки, а остальные игроки – за чертой на некотором расстоянии от доски. Они по очереди бросают свои палки в банку, стараясь сбить ее с доски. Кто

⁴ Такая орфография в источнике (*чү'к*) отражает звук, промежуточный между у и ү.

попадет, бегут к своим палкам, а тем временем водящий кидает в перебежчиков мячом (как в лапте). Если попадет, задетый мячом сменяет водящего. Водящий не имеет права бросать мяч в игрока, уже стоящего на своей палке» (зап. в 2002 г., инф. около 1991 г.р.) [Ключева 2014, 178; МНИ, № 1414].

Пакляк в словаре переводится как ‘бабка, надкопытный сустав ноги у животных’ [СМЯ 2000, Т. 5, 19], то же *пакал* ‘щетка (у лошади)’ [Васильев 1926, 152], диал. *пакал* ‘щиколотка, лодыжка, путовая кость (у лошади)’ [СМЯ 2000, Т. 5, 18], мар. В *паклака, пакляка* ‘сустав (лодыжка, кость запястья)’ (в Бирском у. Уфимской губ.) [Веке 2000, Т. IV₆, 1754], *пакла́ка = панга*⁵ (д. Большая Тавра Красноуфимского округа Свердловской обл.) [Картотека СМЯ]. В зафиксированной игре словом *пакляк* называют не кость, а сбиваемую банку. Следовательно, прежде сбивали кость, которую в дальнейшем сменила деревянная чурочка, а затем и жестяная (или пластиковая) банка. Ср. у восточных мари (д. Мещерево Шаранского р-на Республики Башкортостан) зафиксировано *пакал* в игровом значении (как название игры в кости) [МНИ, № 1497].

В мари́йском языке *пакляк* ~ *пакал* соответствует тат. *бәкәл*, чув. *пакълчак* ‘щиколотка, лодыжка’ ~ ОТю *bäkäl* ‘козон, надкопытная косточка’ и др. смежные значения, булг. **bakaj* [ЭСТЯ 1978, вып. 2, 43–45]. Источником волжского *пакляк*, по-видимому, является чувашская форма. Имеются соответствия и в других финно-угорских языках: морд. М *пакарь* ‘кость’, коми *баку* ‘лодыжка у (коровы), ‘путовая кость у коровы или быка, служащая игрушкой для детей’, ‘детская игрушка из птичьей кости’ [Лыткин, Гуляев 1999, 36], коми *бака* ‘игра в кости’ [Рассыхаев 2002, 98], удм. *бакал* ‘щиколотка, лодыжка, путовая кость (лошади)’, удм. *бака* ‘то же’, ‘стрелка под копытами у лошади’ [РУС], венг. *baka* [ЭСТЯ 1978, вып. 2, 45]⁶.

Некоторое пояснение следует привести в связи со значением коми лексемы *баку* ‘детская игрушка из птичьей кости’ (вместо лодыжки). По-видимому, это связано со спецификой определенной традиционной костяной игрушки: лошадь и повозка делаются из скелета птицы (курицы), а в «санях» усаживаются «человечки»-лодыжки. См. рис 1. – аналогичная русская вятская игрушка⁷.

Рис. 2. Вятские игрушки

Название одной кости (лодыжки) могло перейти на смежный предмет – кость птицы (?).

8. *Козла-модышла*

⁵ Мар. *панга* ‘комочек, палочка, костяшка, шар, рюха и др.’ [СМЯ 1992, Т. 5, 32–33].

⁶ В русских диалектах интересно одно из названий игры типа пыжа – *Пекарь* [Ключева 2014, 165], предельно близкое к мордовскому *пакарь* ‘кость’. Лексема *пекарь* как название игры не зафиксировано в этнографических источниках XIX века, отсутствует в СРНГ. По современным данным, территория распространения названия игры *Пекарь* достаточна широкая: Коми, Вологда, Нижний Новгород, Киев, Луганская область, Днепропетровск, Донецк, Краснодар, Минск, Смоленск, Орел, Владивосток, Лесозаводск Приморского края, Подмоскowie, Санкт-Петербург.

⁷ Данное изображение было найдено в интернете в социальной сети LiveJournal в записи, посвященной выставке глиняной игрушки «Интурмаркет-2013» (Москва) – <http://mikhailjonokk.livejournal.com/313612.html?view=1396748#t1396748> (дата публикации 9.03.2013). Однако в настоящее время изображение по данной ссылке недоступно.

Козла-модышла ‘в игру козла́ (бабки, козны)’ (д. Малые Параты Волжского р-на): «Игра с костями (бараньими или козьими лодыжками), которые и называются *козла́*. Два игрока расставляют их на столе в два ряда напротив друг друга. Затем по очереди, щелчком по своим косточкам стараются выбить ими кости из ряда противника. Выбитая чужая кость ставилась в свой ряд» (зап. в 2012 г., инф. 1948 г.р.) [Ключева 2014, 185; МНИ, № 1496].

Лексему *козла* следует рассматривать в ряду со следующими марийскими названиями играль-ных костей (лодыжек) и игр с ними: *козна-лу* ‘кости-бабки’ (о свиных лодыжках) [Васильев 1926, 70], *козна́* ‘бабки (игра)’, *кознала модаш* ‘играть в бабки’ *козналу́* анат. бабка; надкопытный сустав ноги у животных, употребляется для игры [СМЯ 1992, Т. 2, 373] (формант *лу* – мар. ‘кость’), мар. В *козна* ‘козны, козон, козлок, альчик, бабка’ [Вершинин 2011, 184], *козна* ‘игра в кости’ (Морки, Упша, Яранск) [Moisio, Saarinen 2008, 270].

Аналогичные игровые лексемы бытуют во всех финно-угорских и тюркских языках Поволжья, например: удм. *казна, козан* [Долганова, Морозов 2002, 108, 113], морд. Э *кознасo* ‘в козны’ [Брыжинский 2009, 52], чув. *кусна* ‘бабка, козон’, *кусналла* ‘в козны’ [Ашмарин 1999, Т. 7, 21]), тат. *кузна*, тат. диал. *гузника* ‘игра в альчики; козонки’ [Ахметьянов 2015, Т. 1, 462]. Подобная лексика (названия играль-ных костей) широко распространена в русских диалектах, см. *козонки, козны, казанки, казны, ко́зни, ко́зон, козанок, козонок, ко́зен, козён, козень, козёнка, козенок, козён, казаночки, козеньё, козёнья, козёй, козёйка* и т. п. [СРНГ 1977, вып. 12, 320–321; СРНГ 1978, вып. 14, 57–73].

По Н. И. Исанбаеву, марийское *козна* происходит от тат. *кузна* [Исанбаев 1994, 77], то же в [Moisio, Saarinen 2008, 270]. При этом татарское *кузна*, по мнению Р. Г. Ахметьянова, является заимствованием из русского; в русском языке в свою очередь *козон* восходит к тюрк. *қозу, қозугана* ‘ягненок’ (~ тат. *кузый* ‘то же’) [Ахметьянов 2015, Т. 1, 462–463]. Но в [ЭСТЯ 1997, вып. 5, 107–108] в словарной статье *кузы* ‘ягненок’ подобные сведения отсутствуют, этимология ОТю *кузы* также не установлена. Из личной беседы и переписки с А. В. Дыбо нам известна ее гипотеза об источнике тат. *кузна* ~ рус. диал. *козон, козны*: от перс. *kūzīnah* ‘a large hammer or mallet, a bleacher’s beetle’ [Fazl-i-Ali 1885, 456] (= *kūzīnah*) ~ кл. перс. *kudīna* ‘молот валяльщика сукна’, от праиран. корня **kaud-* ‘бить, колотить; толочь’ [ЭСИЯ 2011, Т. 4, 359–360]. По указанию А. В. Дыбо, «персидское слово с *z* объясняется, если это культурное пехлевийское заимствование». Значение молот, колотушка вполне соответствует наименованию кости-биты в игре, а в дальнейшем это наименование, по-видимому, переходит и на сбиваемые костяшки.

В волжском наименовании этой игры обращаем внимание на фонетический переход *л < н*: *козла-модышла* (< *козна*)⁸. Аналогичный переход имеет место и в русских диалектах, где при этом очевидна контаминация с рус. зоонимом *козел*: *козлы́* – игра в бабки (Вятская губ., 1845), *козлók* (Владимирская, Вологодская губ., 1820), *козёл* – игральная кость (Владимирская губ., 1820), *козёл* – бабка-свинчатка (Архангельская губ., 1885) [СРНГ 1978, вып. 14, 58], *козелók* – игральная кость, бабка (Псковская губ., Урал, Средний Урал) [СРНГ 1978, вып. 14, 61], *козлы* – по-видимому, деревянные бабки: «Делали козлы и сокали» <бросали биты для определения того, кто начнет игру в бабки> (Карельская АССР) [СРНГ 2005, вып. 39, 237]. Подобные формы с *-л-* есть в эрзянском – *козласo* ‘в козны’ [Брыжинский 2009, 52], в удмуртском – *козлокен* и *козлокъёс* ‘в козны’ [Долганова, Морозов 2002, 19, 209], в тат. диал. (в говоре заказанских крышен, т. е. проживающих севернее Казани) – *кузла* ‘игра в козны; большая кость (бабка, альчик)’ [БДСТЯ 2009, 334]. В волжском диалекте марийского языка форма *козла*, видимо, восходит именно к тат. диал. *кузла*.

9. Чирака (д. Инерымбал, Отымбал Волжского р-на) – вид городков [Гордеев, 1982, 92; МНИ, № 1386]. Ср. *чõрака* – название своеобразной игры, напоминающей чижа (д. Шорсола или Ружбеляк Куженерского р-на РМЭ):

Тиде модышлан она гыч пел метыр кужытан, лу сантиметр лопкытан кольмо кўлеи. Шудо куидымо верыште пел метр квадратым корыман. Модыш-в. [влак] кок тўшкаш шелалтыт. Шерева почеш иктыже кўтўчõ лиеи, весыже – кўтў. Кўтўчõ-в. кольмо дене пашкарым перат, нуно кўтўшкõ логалыт. Логалше ег пленныйыш савырна. Тыге мучаиш мартен модыт.

‘Для этой игры нужна лопатка из доски длиной полметра, шириной десять сантиметров. На месте, где не растет трава, надо начертить полуметровый квадрат. Играющие делятся на две команды. По жребию одни становятся пастухами, другие – стадом. Пастухи бьют палочку лопаткой, они попадают в стадо. Попавшийся человек превращается в пленного. Так играют до конца’. (Зап. Китиков А.

⁸ В мар. литер. языке слово *козла́* означает «козлы» (передняя часть тарантаса) [СМЯ 1992, Т. 2, 373].

Е. в 1994 г.) [МФЭ-94 № 183, л. 27, № 9]. Вероятно, *чорака* здесь – палочка, по которой бьют битой, как в чиже.

Далее уместны сопоставления с татарской лексикой игр с деревяшками: тат. диал. пермское *чүрәкә* ‘деревянный шар’ [БДСТЯ 2009, 767], тат. заказанское, дубьязское *чүрәкэй* ‘название игры (чижик); деревянный шар или заостренная палочка, по которой ударяют палкой-битой в этой игре’ [БДСТЯ 2009, 767; ТРС 2002, 398], тат. мамадышское *чүрки* и *шүрәкә* ‘чурка; катушка, шпулька’ [БДСТЯ 2009, 767, 791], башк. *сүрәкә* ‘чижик’, диал. *сөрәкә* ‘то же’ [Исанбаев 1994, 182]. К тат. *чүрәкә* восходит мар. В (калтасинское) *чурика* ‘чижик (детская игра)’ [Исанбаев 1994, 182] и мокшанское *чярка* ‘городки’ [Бутылов 1998, 184]. Вероятно, и мар. Л волжское *чирака* является заимствованием из татарского (< тат. *чүрәкә*). О дальнейшей этимологии татарского слова в связи с русским не исконным *чурка* ‘короткий обрубок дерева’ и чувашским *сурка* ‘осколок, часть (разбитого топором)’ подробнее см. в [Ключева 2021, 208–209; Ключева 2022а, 133–134]. Исходным для целого пласта игровой лексики в языках Урало-Поволжья является, по-видимому, чув. *сурка* (*суркам*, *соркам*) ‘осколок, часть (разбитого топором)’, *сурккам* ‘часть баклуша, разбитого топором’, ‘осколок, полено’ [ЧРС] < чув. *сур* ‘разорвать надвое, разорвать; распороть, разбивать (голову); колоть, раскалывать; рубить; пилить; рвать вдоль и др.’; *сур* (*сураш*) ‘половина’ < ОТю *йа:ры* ‘половина’ (*йа:рты*, *йа:рты*, *йа:рым*), *йа:р-* ‘рассекать’ < ДТю *jarim* ‘половина’, *йар* ‘расщепить, раздвинуть, разбить’, *йарык* ‘щель’, *йарыл* ‘треснуть, расколоться, расщепиться’ [Федотов 1996, вып. 2, 139–140; ЭСТЯ 1989, вып. 4, 146].

10. Мака-мака – наименование водящего в игре в жмурки (д. Мари-Отары Звениговского р-на Марийской АССР): «*Сокры енгым*» *ыштат. Тидлан шотлыммо годым логалшылан шинчажым шовыч дене пидыт. Тудо вес енгым кучаш тōча. Тыршымыже годым весе-в. [-влак] «сокры енгым» тўкалтен кертыт. Кō тудым перна, тудын кō улмыжым пала (тидлан чыгылта, ала вургемже гыч пала), тудо мака-мака лиеш.*

Примечание: *Шымакшан-в. тиде модышым «сокры тага» маныт.*

‘Делают «слепого». Для этого попавшемуся по считалке завязывают глаза платком. Он старается поймать других людей. Во время его попыток другие могут стучать «слепца». Кто его ударит – он узнает, кто это (для этого щечочет или по одежде узнает), тот становится «мака-мака» [новым водящим].

Примечание: Те, что носят *шымакш*⁹, называют эту игру «Слепой баран»’.

(Зап. Китиков А. Е. в 1984 г., инф. Кушакова Анна Ивановна) [МФЭ-84 № 142, л. 37–38, № 16.1; МНИ, № 929].

В первую очередь наименование водящего *мака-мака* сопоставимо с марийским словом *мака* ‘глупый (о маленьких)’ [Васильев 1926, 116], *мака́* ‘немой’ [Веке 2000, Т. IV₅, 1400; СМЯ 1998, Т. 4, 11], ‘тупица, неумеха, не способный ни к чему; немой, косноязычный’ (мар. В балтачевское, калтасинское) < тат. *макау* ‘человек с плохой дикцией, глуповатый человек’ [Исанбаев 1994, 99] < *махау* ‘проказа, больной проказой’ [Ахметьянов 2015, Т. 2, 12, 23]. Тюркские соответствия см. также в [ЭСТЯ 2003, вып. 7, 47–49]. В волжском диалекте марийского языка слово *мака́* (Кукушнур) ~ *мōка* (Исменцы, Большие Маламасы) имеет также второе значение «бука», так называют фантастическое страшилище, которым пугают детей: *мака́ толéш* (*ия*) ‘придет бука (черт)’. Таким образом, наименование водящего может быть его обзыванием, что типично для игр преследования типа прятки, жмурки, догонялок, ср. в подобных марийских играх наименования игрока *накас* ‘неповоротливый’, *оркы́* ‘лентяй’, *мōчōр* ‘ряженный; увалень’ и т. п. [Ключева 2022а, 140, 141; Ключева 2022б, 438]. Гетерогенное *мака* в уржумском и йошкар-олинском диалекте означает медведя [Веке 2000, Т. IV₅, 1400] и скорее всего является детским искажением от мар. литер. *маска* ‘медведь’. Там же см. малмыжское *мага* ‘маска (ряженный)’.

С другой стороны, учитывая, что игра в жмурки в большинстве говоров лугового и восточного наречия называется *Сокры тага* ‘Слепой баран’¹⁰, волжское *мака-мака* может быть связано с подра-

⁹ *Шымакшан марий* – этнографическая группа мари, у которых женщины носят головной убор *шымакш*. Это северо-восточные луговые мари (носители морк.-серн. говора) и восточные мари (мар. В). Южные луговые мари (носители волж. говора, часть носителей морк.-серн. говора) и горные мари в этой классификации этнографических групп называются *шарпанан-нашмакан марий* (т. е. те, у которых женский головной убор – комплект из *нашмак* и *шарпан*, аналогичный чувашскому). Третья этнографическая группа мари – *сорокан марий* (те, что носят сороку) – йошкар-олинские мари (носители йошкар-олинского говора мар. Л) и северо-западные (мар. СЗ).

жанием бляению овцы – чув. *ма-ка-ка* [Ашмарин 1999, Т. 8, 151], являясь своего рода заменым словом вместо зоонима *тага* ‘баран’. Т. е., предположительно **мака* ‘«бьяша», барашек»¹¹. И такое слово есть в марийских диалектах, причем именно в игре в жмурки: мар. В малмыжское *сокыр мака дене модына* ‘играем в жмурки’ [Веке 2000, Т. IV₃, 1400; МНИ, № 930]. А в [Васильев 1926, 84; МНИ, № 928] зафиксировано еще одно интересное название игры в жмурки у луговых мари: *Кумага-нака: сокыр-тагала шинчам этырэн кучэн модмаиш* ‘игра в ловлю с закрытыми глазами, как в слепого барана’. Учитывая вышеизложенное, *Кумага-нака* можно перевести как «печной бьяша (барашек)», «печной бука (черт)» или «печной немой». Так именуется водящий в этой игре.

Диалектное мар. *кумага* ‘печь, печной’ (< чув. *камака* ~ мар. литер. *конга*) указывает на волжский говор [Веке 1998, Т. IV₃, 869]¹², а также на семантику игры в жмурки, связанную с огнем, печью. Ср. у коми игра в жмурки называется *горань* ‘стряпуха’ < *гор* ‘каменка (печь), *ань* ‘женщина’ [Лыткин, Гуляев 1970, 78]. В описании марийской игры *Сокыр тага* в [Китиков 1993, 57] также указывается на то, что эта игра происходит в доме около печки и в ней используется печная сажа (тот, кто при жеребьевке вытянет палец, измазанный сажой, становится водящим).

Итак, мы рассмотрели ряд тюркских заимствований в марийской игровой лексике. Как выяснилось, большая часть из них пришли в волжский говор марийского языка из татарского (*капаш, паиштенге, чок, кыпчак, козла-модышла, чирака*; вероятно, и *чонгыр*), часть из чувашского (*потак, пакляк*), под вопросом (тат. или звукоподражательное чув.) – слово *мака* (*мака-мака*). В ходе анализа обнаружилось, что аналогичные лексемы – тюркские заимствования – присутствуют и в других финно-угорских языках: удмуртском, мордовских, коми, венгерском, а также в русских диалектах.

Таким образом, тюркское влияние на марийскую игровую культуру и игровую лексику особенно активно в контактных зонах, в частности, в южных районах РМЭ, граничащих с Чувашией и Татарстаном, и волжский – наиболее насыщенный тюркизмами говор лугового наречия. При этом, как видно по представленному в статье материалу, достаточно много соответствий в игровой лексике волжского говора и горного наречия марийского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки

- булг. – болгарский
- венг. – венгерский
- волж. – волжский говор мар. Л
- ДТю – древнетюркский
- кл. перс. – классический персидский
- мар. – марийский язык
- мар. В – восточное наречие марийского языка
- мар. Г – горное наречие марийского языка
- мар. Л – луговое наречие марийского языка
- мар. СЗ – северо-западное наречие марийского языка
- морд. М – мокшанский (мокша-мордовский)
- морд. Э – эрзянский (эрзя-мордовский)
- морк.-серн. – моркинско-сернурский говор мар. Л
- ОТю – общетюркский
- перс. – персидский
- праиран. – праиранский
- рус. – русский язык
- тат. – татарский язык

¹⁰ Аналогичны названия игры в чувашском (*суккыр така*), татарском (*сукыр такэ*), башкирском (*хукыр такэ*) и удмуртском языке (*сукыр така*).

¹¹ Ср. в современной речи мари Волжского р-на (по нашим фиксациям в д. Малые Параты) в разговоре с маленькими детьми и на русском, и на марийском языке корову называют *мука* (т. е. тот, кто мычит, говорит «му-у»). Слово *мука* ‘корова’ известно и в русских диалектах (Воронежская обл., Пермский край, Урал) [СРНГ 1982, вып. 18, 338].

¹² То же в йошкар-олинском говоре, однако поскольку в описании игры *кумага-нака* аффриката *ч*, а не *ц*, йошкар-олинский диалект здесь исключается.

тюрк. – тюркские
удм. – удмуртский язык
ФП – прафинно-пермский
чув. – чувашский язык

Прочие сокращения

3SG – 3 лицо, единственное число
3PL – 3 лицо, множественное число
NPST – непрошедшее время
анат. – анатомическое
АССР – Автономная советская социалистическая республика
г. – год
г. р. – год рождения
губ. – губерния
д. – деревня
диал. – диалектное
зап. – записал
инф. – информант, носитель фольклора
литер. – литературный
обл. – область
праиран. – праиранский
р-н – район
рис. – рисунок
с. – село
с/п – сельское поселение
см. – смотрите
соб. – собиратель
ср. – сравните
у. – уезд

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. Москва: Наука, 1981. 144 с.
- Ахметьянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка: В 2 т. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. Т. 1. 543 с.; Т. 2. 576 с.
- Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994–2000 (репринт 1928–1950 г.). Т. 7–8. 1999. 696 с.; Т. 9–10. 1999. 616 с.; Т. 11–12. 2000. 672 с.
- БДСТЯ – Большой диалектологический словарь татарского языка = Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Сост. Ф. С. Баязитова и др. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 839 с.
- Брыжгинский В. С.* Мордовские народные игры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. 272 с.
- Бутылов Н. В.* Тюркские заимствования в мордовских языках: дис... канд. филол. наук. Саранск, 1998. 190 с.
- Васильев В. М. (Ўпымарий)* Марий мутэр = Марийский словарь. Моско: СССР калык-влак рӯдõ савыктыш, 1926 [на обложке – 1928]. 346 с.
- Вершинин В. И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 794 с.
- Гордеев Ф. И.* Слова детской речи как предмет историко-этимологических разысканий // Вопросы марийского языка. Труды МарНИИ Вып. 53. Йошкар-Ола, 1982. С. 81–96.
- Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 243 с.
- Грузов Л. П.* Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 210 с.
- Долганова Л. С., Морозов И. А.* Традиционные игры и развлечения удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. 382 с.
- Иванов И. Г.* Марий диалектологий. Университетсе студент-влаклан тунемме книга = Марийская диалектология. Учебник для студентов университета. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1981. 97 с.

- Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть вторая. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. 208 с.
- Китиков А. Е. Модыш – уш погыш: марий калык модыш-влак = Марийские народные игры. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. 72 с.
- Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Издание II, исправленное и дополненное. Москва: Форум; Неолит, 2014. 400 с.
- Ключева М. А. Специфическая лексика в марийских играх // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе. Материалы VII научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш». Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 205–211.
- Ключева М. А. Чураня (формулы-восклицания) в марийских прятках // Acta Linguistica Petropolitana. 2022a. Vol. 18.2. С. 155–199.
- Ключева М. А. Мифологическая и религиозная лексика в марийских народных играх // Вестник угроведения. 2022b. №. 3 (50). С. 436–333.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва: Наука, 1970. 386 с.
- Лаврентьев Г. И. Волжский говор марийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1966. 369 с.
- МНИ – Марийские народные игры = Марий калык модыш / Автор-сост. М. А. Ключева. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2021. (Серия «Свод марийского фольклора»). Рукопись // Научный рукописный фонд МарНИИЯЛИ. Оп. 3. Д. 449.
- Норманская Ю. В., Ключева М. А. Словарь волжского диалекта марийского языка // Платформа ЛингвоДок (ИСП РАН), 2016. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/#/> (Дата обращения: 28.12.2022)
- Петухова А. Н. Детский фольклор народа мари. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. 287 с.
- Рассыхаев А. Н. Игры с шегами (в бабки) в традиционной культуре коми // Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Вып. 63. Фольклористика коми. Сыктывкар, 2002. С. 91–104.
- РУС – Русско-удмуртский словарь. Электронный ресурс <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/> (Дата обращения: 28.12.2022)
- Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. 404 с.
- СМЯ – Словарь марийского языка = Марий мутер: В 10 т. / Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005. Т. 2. 1992. 464 с.; Т. 4. 1998. 384 с.; Т. 5. 2000. 508 с.; Т. 8. 2003. 511 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. / Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1965. Вып. 2. 1966. 314 с.; Вып. 12. 1977. 368 с.; Вып. 14. 1978. 376 с.; Вып. 18. 1982. 367 с.; Вып. 39. 2005. 342 с.
- ТРС – Татарско-русский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. Казань: Татарское кн. изд-во, 2002. 488 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.
- ЭСИЯ – Этимологический словарь иранских языков / Институт языкознания РАН. М.: Восточная литература РАН, 2000. Т. 4 / Д. И. Эдельман. 2011. 415 с.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: общетюрк. и межтюрк. лекс. основы на буквы... / АН СССР. Институт языкознания. М.: Наука, 1974. Вып. 2. / Э. В. Севортян. М.: Наука, 1978. 349 с.; Вып. 4. / Э. В. Севортян. М.: Наука, 1989. 291 с.; Вып. 5 / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 363 с.; Вып. 7. / Отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература РАН, 2003. 476 с.
- Beke Ö. Mari Nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus IV₁₋₉. Savaria, 1997–2000. 3332 s. T. IV₃. 1998. S. 603–968; T. IV₄. 1998. S. 969–1396; T. IV₅. 2000. S. 1397–1746; T. IV₆. 2000. S. 1747–2276; T. IV₉. 2001. S. 3005–3332.
- Beke Ö. Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. I. Budapest: Académiai Kiadó, 1957. 692 s.
- Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Szeged, 1994. (= Studia Uralo-Altaica, 35.).
- Fazl-i-Ali. A dictionary of the Persian and English languages. Byculla: Education Society's Press, 1885. 668 p.
- Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Suomalais-ugrilainen seura. Lexica Sodontatis Fenno-Ugricae XXXII. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu 151. Helsinki, 2008. 925 s.
- Räsänen M. Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen / Suomalais-ugrilainen Seura. Band XLVIII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1920. XVI + 276 s.
- Räsänen M. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen von Marti Räsänen / Suomalais-ugrilainen Seura. Band L. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923. 98 s.
- UEW – Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Budapest: Académiai Kiadó, 1988. 905 s.

Поступила в редакцию 28.12.2022

Ключева Мария Аркадьевна,
кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В. М. Васильева
424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН
109004, Россия, г. Москва, ул. А. Солженицына, 25
E-mail: keymachine@yandex.ru

M. A. Klyucheva

**TURKIC BORROWINGS IN THE VOLGA SUBDIALECT OF THE MARI LANGUAGE
(GAME VOCABULARY)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-198-211

The paper discusses Turkic borrowings in the Volga subdialect of the Mari language (Meadow dialect). The thematic group to which our paper is devoted is game vocabulary: words and game terms in Mari folk games (spoken during the game and in narratives about games). The research is based on the material of publications, archival and modern field records. Field studies in recent years have shown that the Volga subdialect contains a specific game vocabulary that is not known in other dialects of the Mari language and missing in the linguistic and ethnographic literature. Also, some lexemes, although they are known in other dialects (not always in game meanings), have a peculiar phonetic characteristics of the Volga subdialect. The purpose of this paper is to present this vocabulary, to introduce it into scientific circulation. The article discusses 10 game lexemes of this kind (in the Volga subdialect): *kapash* ‘to grab’, *potak* ‘game of catch-up’, *pashtenge* ‘game of catch-up’, *chok* ‘exclamation in the game of hide and seek’, *chongyrla* ‘hoop game’, *kypchakla* ‘doll game’, *pakl’ak* ‘game like skittles’, *kozla-modyshla* ‘game of astragalus’, *chiraka* ‘game like skittles’, *maka-maka* ‘blind man’s buff’. Most of them came to the Volga subdialect of the Mari language from Tatar. Thus, the Turkic influence on the Mari game culture and game vocabulary is especially active in the contact zones, in particular, in the southern regions of Mari El Republic bordering Chuvashia and Tatarstan, and the Volga subdialect is the most saturated with Turkisms subdialect of the Meadow Mari. At the same time, there are quite a lot of correspondences in the game vocabulary of the Volga subdialect and the Hill Mari. The analysis revealed that similar lexemes (Turkic borrowings) are also present in other Finno-Ugric languages: Udmurt, Mordovian languages, Komi, Hungarian, as well as in Russian dialects.

Keywords: folk games, game vocabulary, asemantic vocabulary, Mari language, Volga-Kama language union, traditional culture of the Ural-Volga region, borrowings, Finno-Ugric languages, Turkic languages, Volga subdialect of the Mari language, Meadow dialect of the Mari language, Russian dialects

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 198–211. In Russian.

REFERENCES

- Ahmet’yanov R. G.** *Obshchaya leksika duhovnoj kul’tury narodov Srednego Povolzh’ya* [General lexis of the spiritual culture of the peoples of the Middle Volga]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 144 p. In Russian.
- Ahmet’yanov R. G.** *Tatar telenej etimologik syzlege = Etimologicheskij slovar’ tatarskogo yazyka: V 2 t.* [Etymological Dictionary of the Tatar Language: in 2 vol.]. Kazan: Magarif – Vakyt Publ., 2015. Vol. 1. 543 p.; Vol. 2. 576 p. In Tatar.
- Ashmarin N. I.** *Slovar’ chuvashskogo yazyka: V 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language: in 17 vol.]. Cheboksary: Russika Publ., 1994–2000. Vol. 7–8. 1999. 696 p.; Vol. 9–10. 1999. 616 p.; Vol. 11–12. 2000. 672 p. In Russian and Chuvash.
- BDSTYA – *Bol’shoj dialektologicheskij slovar’ tatarskogo yazyka = Tatar telenej zur dialektologik syzlege* [Great dialectological dictionary of the Tatar language] / Comp. F. S. Bayazitova and others. Kazan’: Tatar. kn. izd-vo Publ., 2009. 839 p. In Tatar.
- Bryzhinskij V. S.** *Mordovskie narodnye igry* [Mordovian folk games]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2009. 272 p. In Erzyan and Russian.
- Butylov N. V.** *Tyurkskie zaimstvovaniya v mordovskih yazykah: dis... kand. filol. nauk* [Turkic borrowings in Mordovian languages. Cand. filol. sci. diss.]. Saransk, 1998. 190 p. In Russian.
- Vasil’ev V. M.** (Üpymarij) *Marij muter = Marijskij slovar’* [Mari Dictionary]. Moscow: SSSR kalyk-vlak rydü savyktysh Publ., 1926 [1928]. 346 p. In Mari and Russian.
- Vershinin V. I.** *Slovar’ marijskikh govorov Tatarstana i Udmurtii* [Dictionary of Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia]. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI Publ., 2011. In Russian.

Gordeev F. I. Slova detskoj rechi kak predmet istoriko-etimologicheskikh razyskanij [The words of children's speech as a subject of historical and etymological research]. *Voprosy marijskogo yazyka. Trudy MarNII. Vyp. 53* [Topics in the study of the Mari language. (Transactions of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Iss. 53)]. Yoshkar-Ola, 1982, pp. 81–96. In Russian.

Gruzov L. P. *Fonetika dialektov marijskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii* [Phonetics of dialects of the Mari language in historical education]. Yoshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo Publ., 1965. 243 p. In Russian.

Gruzov L. P. *Istoricheskaya grammatika marijskogo yazyka: Vvedenie i fonetika* [Historical grammar of the Mari language: Introduction and phonetics.]. Yoshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo Publ., 1969. 210 p. In Russian.

Dolganova L. S., Morozov I. A. *Tradicionnye igry i razvlecheniya udmurtov* [Traditional games and entertainment of Udmurts]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2002. 382 p. In Russian and Udmurt.

Ivanov I. G. *Marij dialektologij. Universitetyse student-vlaklan tunemme kniga* (Marijskaya dialektologiya. Uchebnik dlya studentov universiteta) [Mari dialectology. Textbook for university students]. Yoshkar-Ola: Marijskij gos. un-t Publ., 1981. 97 p. In Mari.

Isanbaev N. I. *Marijsko-tyurkskie yazykovye kontakty. Chast' vtoraya. Slovar' tatarskih i bashkirskih zaimstvovaniy* [Mari-Turkic language contacts. Part II. Dictionary of Tatar and Bashkir loanwords]. Yoshkar-Ola: MarNIIYALI Publ., 1994. 208 p. In Russian.

Kitikov A. E. *Modysh – ush pogysh: marij kalyk modysh-vlak = Marijskie narodnye igry* [Mariyskie folk games]. Yoshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo Publ., 1993. 72 p. In Mari.

Klyucheva M. A. *Narodnye podvizhnye detskie igry: sovremennyy fol'klornyj sbornik* [Folk active children's games: Collection of contemporary folklore]. Moscow: Forum; Neolit Publ., 2014. 400 p. In Russian.

Klyucheva M. A. *Specificheskaya leksika v marijskikh igrah* [Specific vocabulary in Mari games]. *Etnokul'turnye cennosti v sovremennom informacionnom obshchestve. Materialy VII nauchno-prakticheskoy konferencii "Jyvan Kyrla ludmash"* [Ethnocultural values in the modern information society. Materials of the VII scientific-practical conference "Yivan Kyrla Ludmash"]. Yoshkar-Ola: MarNIIYALI Publ., 2021, pp. 205–211. In Russian.

Klyucheva M. A. *Churaniya (formuly-vosklicaniya) v marijskikh pryatkah* [Exclamation formulas in children's games of hide-and-peek in Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2022. Vol. 18.2. P. 155–199. In Russian.

Klyucheva M. A. *Mifologicheskaya i religioznaya leksika v marijskikh narodnyh igrah* [Vocabulary of mythology and religion in Mari folk games]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no 3 (50), pp. 436–333. In Russian.

Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkij etimologicheskij slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. In Russian.

Lavrent'ev G. I. *Volzhskij govor marijskogo yazyka*. Diss. ... kand. filol. Nauk [Volga dialect of the Mari language. Cand. filol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 1966. 369 p. In Russian.

MNI – *Marijskie narodnye igry = Marij kalyk modysh* [Mari folk games]. Comp. and ed. by M. A. Klyucheva. Yoshkar-Ola, MarNIIYALI, 2016–2021. (Seriya «Svod marijskogo fol'klora»). Rukopis' // Nauchnyj rukopisnyj fond MarNIIYALI, op. 3, d. 449. In Mari and Russian.

Normanskaya Yu. V., Klyucheva M. A. *Slovar' volzhskogo dialekta marijskogo yazyka* [Dictionary of the Volga dialect of the Mari language]. Platforma LingvoDoc (ISP RAS), 2016. In Russian. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>

Petuhova A. N. *Detskij fol'klor naroda mari* [Children's folklore of the Mari people]. Yoshkar-Ola: MarNII Publ., 2004. 287 p. In Russian and Mari.

Rassyhaev A. N. *Igry s shegami (v babki) v tradicijnoj kul'ture komi* [Games with sheg (babki) in traditional Komi culture]. *Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya RAN. Vyp. 63. Fol'kloristika komi* [Studies of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Iss. 63. Folklore Komi]. Syktyvkar, 2002, pp. 91–104. In Russian.

RUS – *Russko-udmurtskij slovar': elektronnyj resurs* [Russian-Udmurt dictionary. Electronic resource]. In Russian. URL: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/>

Savatkova A. A. *Slovar' gornomarijskogo yazyka* [Dictionary of the Hill Mari language]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 2008. 404 p. In Russian.

SMYa – *Slovar' marijskogo yazyka: V 10 t = Marij muter* [Dictionary of the Mari language: in 10 t.] / Ed. by I. S. Galkin. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1990–2005. T. 2. 1992. 464 p.; T. 4. 1998. 384 p.; T. 5. 2000. 508 p.; T. 8. 2003. 511 p. In Russian.

SRNG – *Slovar' russkih narodnyh govorov*. / Ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov. Leningrad: Nauka Publ., 1965–. Vol. 2. 1966. 314 p.; Vol. 12. 1977. 368 p.; Vol. 14. 1978. 376 p.; Vol. 18. 1982. 367 p.; Vol. 39. 2005. 342 p. In Russian.

TRS – *Tatarsko-russkij slovar'* / Ed. by F. A. Ganieva. Kazan: Tatarskoe kn. izd-vo Publ., 2002. 488 p. In Russian.

Fedotov M. R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka: V 2 t.* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language: In 2 vol.]. Cheboksary: Chuvash. gos. in-t gumanitar. Nauk Publ., 1996. T. 1. 470 p.; T. 2. 509 p. In Russian.

ESIYA – *Etimologicheskij slovar' iranskih yazykov*. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2000–. T. 4. / D. I. Edel'man. 2011. 415 p. In Russian.

ESTYA – *Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974–. Vol. 2. / E. V. Sevortyan. Moscow: Nauka Publ., 1978. 349 p.; Vol. 4. / E. V. Sevortyan. Moscow: Nauka Publ., 1989. 291 p.; Vol. 5 / Ed. by G. F. Blagova. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. 363 p.; Vol. 7. / Ed. by A. V. Dybo. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 2003. 476 p. In Russian.

Beke Ö. *Mari Nyelvjárás szótár* (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus IV₁₋₉. Savaria, 1997–2000. 3332 s. T. IV₃. 1998. S. 603–968; T. IV₄. 1998. S. 969–1396; T. IV₅. 2000. S. 1397–1746; T. IV₆. 2000. S. 1747–2276; T. IV₉. 2001. S. 3005–3332. In Mari, Hungarian and German.

Beke Ö. *Mari szövegek* (Tscheremissische texte). K. I. Budapest: Académiai Kiadó, 1957. 692 s. In Mari, Hungarian and German.

Bereczki G. *Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I.* Szeged, 1994. (= Studia Uralo-Altaica, 35.). In German

Fazl-i-Ali. A dictionary of the Persian and English languages. Byculla: Education Society's Press, 1885. 668 p.

Moisio A., Saarinen S. *Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen.* Suomalais-ugrilainen seura. Lexica Sodetatis Fenno-Ugricae XXXII. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 151. Helsinki 2008. 925 s. In Mari and German.

Räsänen M. *Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen / Suomalais-ugrilainen Seura.* Band XLVIII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1920. XVI + 276 s. In Mari and German.

Räsänen M. *Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen von Marti Räsänen / Suomalais-ugrilainen Seura.* Band L. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923. 98 s. In Mari and German.

UEW – **Redei K.** *Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I.* Budapest: Académiai Kiadó, 1988. 905 s. In German.

Received 28.12.2022

Klyucheva Maria Arkadyevna,

Candidate of Art History, Senior Researcher,

Mari Research Institute of Language, Literature and History

named after V.M. Vasilyev,

44, Krasnoarmeiskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russia

E-mail: keymachine@yandex.ru

Н. В. Патроева, Т. В. Пашкова

**ДИАЛЕКТИЗМЫ «HIIMOSTI» И «ХИМИ(О)СТИТЬ»
В КАРЕЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В представленной научной статье затрагивается вопрос происхождения и образования именованных *hiimosti* и *хими(о)стить* в диалектах карельского и русского языков. Исследование проводится в сравнительно-типологическом аспекте с финским языком, поскольку именно в его диалектах зафиксированы фонетические вариации рассматриваемой лексемы, а также с русским языком, так как по мнению финляндских этимологов в карельских диалектизмах *hiimosti* является русскоязычным заимствованием. Ранее исследователи не обращались к данной проблеме на материале карельского языка в сопоставлении с близкородственными и русским языками, что указывает на научную новизну изыскания. В период активной ревитализации миноритарных языков коренных народов исследование лексического строя карельского языка носит актуальный характер. В процессе работы применялись, в дополнение к общенаучным эмпирическим (наблюдение, сравнение, описание) и теоретическим методам исследования (ознакомление с материалом, выдвижение гипотезы, оценка основательности предположения, проверка гипотезы), общелогические методы и конкретизирующие их приёмы (индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, аналогия, системный и структурный подходы). Исследование выполнено с применением метода функционально-семантического описания, а также этимологического и сопоставительно-типологического методов. Источниками языкового материала служат диалектные словари карельского, русского и финского языков, образцы карельской речи и этимологические словари. Согласно гипотезе авторов статьи, в диалектах собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка лексема *hiimosti* появилась под влиянием финского диалектного *hiima* в значении ‘бес, черт’, от которого на собственно карельской почве с помощью диминутивного суффикса *-oi* было образовано именное производное. Языковые контакты с карельским населением привели к появлению в некоторых русских диалектах глагола *хими(о)стить*.

Ключевые слова: диалектизмы; карельский язык; русский язык; семантика; словообразование; этимология; номинация; сравнительный анализ.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-212-220

Введение

В карельском языке выявлено более 400 народных названий болезней (см., например, [Пашкова 2015; Пашкова 2017; Пашкова 2019]), относящихся к разным хронологическим пластам и свидетельствующим о длительной традиции бытования лексем данной тематической группы, в процессе которого контаминировались, переплетались как исконные («свои»), так и воспринятые от соседей («чужие») религиозно-мифологические представления о природе и характере течения недугов.

Многовековое русское соседство отразилось в восприятии целого ряда традиционных русских народных представлений о мире болезней. Так, группу древнерусских и севернорусских заимствований составляют, например, названия *bol'est'i* ‘болезнь’, *läsimini* ‘болезнь, хворь’ (кар. *läsie* ‘болеть’ от древнерусского ‘лежать’) и др. Перечисленные термины отражают народный взгляд на болезнь, основными составляющими которой являются боль, беда, страдание, «неисправность» организма, лежание в постели.

Для выявления древнейших религиозно-мифологических представлений о причинах появления болезни представляется необходимым привлечь и сопоставить лексический фонд, общий для всех прибалтийско-финских народов, а потому наиболее архаический.

Во-первых, это целая группа названий недугов, выраженных композитами, в которых главный элемент – это *viha* с примарной семантикой ‘зло’, а другая составная часть выражена словом, указывающим на субъект вредоносного действия (например, *vienviha* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от воды’ букв. ‘зло воды’, *tuunviha* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от земли’ букв. ‘зло земли’, *puunviha* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от дерева’ букв. ‘зло дерева’) (см. подробнее об этом [Пашкова 2019]), или, точнее, на его причину (тот / то, кто / что это

зло причиняет оказывается, согласно древним верованиям, одновременно и причиной недуга, так как на мифологической стадии развития нет еще четкого противопоставления логических категорий субъекта, объекта, каузальности и пр.). Вторую группу составляют наименования, выстроенные по такому же принципу, как и с элементом *viha*, но с определяющим элементом *nenä* имеющим примарное значение ‘нос’ (например, *tečännenu* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от леса’ букв. ‘нос леса’, *viennenu* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от воды’ букв. ‘нос воды’, *tuulennenu* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от ветра’ букв. ‘нос ветра’) (см. подробнее об этом [Astedt 1960]). Третья группа – названия с основным элементом *muahine* (букв. ‘земляной, от земли’) – в названиях кожных поражений – всевозможных сыпей, экзем, чесотки (например, *kylymoahine* ‘экзема (сыпь), по поверьям, приставшая от бани’ букв. ‘банная сыпь’, *tanhutmoahine* ‘болезнь, приставшая от хлева или скотного двора’ букв. ‘хлевная экзема / некая болезнь кожи’) (см. подробнее об этом [Пашкова 2015]). Наконец, четвертую группу составляют названия с основным элементом *hiimosti*, анализ которой представлен в этой статье. Ранее исследователи обращались спорадически к этой проблеме на материале карельского языка. Лингвисты Я. Калима [Kalima 1913; Kalima 1950] и И. Вахрос [Vahros 1963] в своих трудах затрагивают так или иначе происхождение некоторых карельских диалектных форм *hiimosti*. В статье Т. В. Пашковой фрагментарно поднимался вопрос об этимологии именовании *hiimosti* [Пашкова 2017]. В этимологических словарях финского языка представлено происхождение финноязычного наименования *hiimosti*, а также наряду с ним предлагаются вариации других финно-угорских языков [Suomen kielen etymologinen...1978, 73; Suomen sanojen alkuperä 1992, 162].

Лексема *hiimosti* в языковых источниках

В Финляндии лексический материал карельского языка собирался и систематизировался более ста лет. В результате этого труда появился шеститомный словарь карельского языка. Уникальность и значимость этого словаря состоит в содержании огромного количества разноплановой лексики. Этот словарь включает материалы собственно карельского и ливвиковского наречий, собранные и записанные финскими собирателями на территории Карелии еще во второй половине XIX – первой половине XX в. Словарь существует в печатном и электронном формате. Особая ценность электронной версии в том, что в ней есть доступ к отсканированным записям полевых материалов с комментариями собирателей и респондентов [Karjalan kielen sanakirja https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi]. В упомянутом словаре именование *hiimosti* представлено достаточно широко как отдельная лексическая единица, так и в качестве компонента в составе сложных имен существительных. Рассмотрим эти наименования. Лексема *hiimosti* идентифицируется в двух значениях: 1. разное заболевание (верование) (Вокनावолок, Калевала, Ругозеро); *hiimosti ilmenee jonkinlaisena tautina, joka muistuttaa hermosairautta* ‘эта болезнь проявляется как какое-то заболевание, напоминающее заболевание нервной системы’ (Кестеньги); *hiimošti tauti tai vika, joka on tarttunut joko kalmasta, vedestä, metsästä tai tuulesta ihmiseen. Arvalla määrättiin, mikä «hiimosti» oli tarttunut, ja mentiin pyytämään anteeksi metsältä jne.* ‘это болезнь, которая пристаёт или от могилы, воды, леса или ветра к человеку. Гаданием определяли, что за заболевание пристало, и шли просить прощения у леса и т. д.’ (Суйстамо); 2. сильное желание; в контексте далее приведенного примера ‘сильное (хорошее) колдовство (сильные чары)’ *hänel on hiimošti hyvä, sidä miestä pideä varata* ‘он умеет ворожить, колдовать (букв. у него сильное (хорошее) колдовство (сильные чары)), этого мужика надо (стоит) опасаться’ (Суоярви) [Karjalan kielen sanakirja <https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/karjala.cgi?a=hiimosti&b=1&ha=hiimosti>].

Целый ряд значений рассматриваемой лексемы в карельском языке указан в словаре Т. Вуорела *Kansanperinteen sanakirja* ‘Словарь народной культуры’: 1) заболевание, напоминающее болезнь нервной системы, которое приставало к человеку от могилы, воды, леса или ветра; 2) продолжительный страх; 3) страх, боязнь, возникший, особенно в том случае, если, посмотрев на труп, сильно испугался; 4) естественная плохая склонность к чему-либо; 5) изъясн крови (другими словами, плохая кровь); 6) сильное желание¹; 7) симптом; 8) привычка [Vuorela 1979, 74]. Для нашего исследования недостаток этого словаря в том, что в нем не обозначена диалектная принадлежность.

¹ Интересно, что, по теории ностратической реконструкции В. М. Иллича-Свитыча, в предполагаемом праязыке, общем для многих евразийских семей, существовало слово **hawa* со значением ‘страстно желать’ [Иллич-

В словаре финских народных верований (*Suomalaisen kansanuskon sanakirja*) трактовка наименования *hiimosti* дается следующим образом: «...on karjalainen nimitys sairaudelle, joka tuli useimmiten pelästymisen takia joko «kalmasta» (kuolemaan liittyivistä asioista, esimerkiksi ruumiin läheisyydestä), vedestä, metsästä tai tuulesta. Sitä luonnehti voimattomuus ja heikkohermoisuus» ‘...карельское название болезни, которая чаще всего происходила от страха перед «болезнью, которая, согласно поверьям, могла пристать от могилы, покойника и др.» (т. е. от того, что имело отношение к смерти, например, от нахождения вблизи умершего человека), или от воды, леса или ветра. Ее симптомами считались слабость (бессилие) и расстройство нервной системы» [Pulkkinen 2016, 58].

Составные наименования, компонентом которых является слово *hiimosti*, обозначают различные заболевания, причиной появления которых, с точки зрения мифологических верований, оказывается некая природная стихия, демоническая, сверхъестественная сила, наносящая вред организму при соприкосновении, контакте с ней: *kalman / hiimosti* (букв. ‘смерти+болезнь’), *vein / hiimosti* (букв. ‘воды+болезнь’), *mečän / hiimosti* (букв. ‘леса+болезнь’), *tuulen / hiimosti* (букв. ‘ветра+болезнь’), *ruumiksen / hiimosti* (букв. ‘трупа / покойника+болезнь’): «jos ihminen pelästyy metsässä esimerkiksi varvun risausta tai karhua, tarttuu *mečänhiimošti*, jos ruumista pelästyy, tarttuu *ruumiksenhiimošti* jne» ‘если человек испугается чего-то в лесу, например, хроста ветки или медведя, то к нему пристанет *болезнь от леса*, если покойника испугается, то пристанет *болезнь от трупа / покойника*’ и т.д.’ (Суйстамо) [Karjalan kielen sanakirja 1968, 261; Vuorela 1975, 74].

В «Словаре собственно карельских говоров Карелии» максимально полно охватывается основная лексика и ее говорные варианты собственно карельского наречия (около 22 тыс. лексем), зафиксированные на территории Калевальского, Лоухского, Беломорского, Кемского, Медвежьегогорского, Муезерского и Суоярвского р-нов Республики Карелия [Федотова 2009]. Словарь составлен на материалах расшифрованных магнитофонных записей, сделанных сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН во второй половине XX в. Издание содержит большое количество фольклорного материала, мифологической лексики, релевантных с точки зрения анализа древних верований. Лексема *hiimosti* упоминается в этом словаре в значении ‘заразная болезнь’ с ареалом бытования: Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга [Федотова 2009, 100].

Лексические особенности салминского говора ливвиковского наречия карельского языка нашли отражение в словаре Пекки Похъянвало. На протяжении нескольких лет автор сам собирал материал от носителей карельского языка, издав в 1947 г. карельско-финский словарь [Pohjanvalo 1947]. Помимо словарных статей, в издании содержатся иллюстрации, помогающие понять назначение некоторых предметов, именованные которых упомянуты в словаре. В этом словаре представлено и слово *hiimost’i* в двух лексико-семантических вариантах: 1) ощущение страха; симптом болезни. Jo minä duumaičîn što midätahto rahua minul roiteh, ku moine *hiimost’i* tuli ‘Уже я подумал, что что-то плохое у меня случится, если такой *симптом* появился’; 2) желание, страсть. Minä duumaičîn mikse minul nyugöi moine *hiimost’i* rod’ih kalah ‘Я подумал, почему у меня теперь такая страсть появилась к рыбе’ [Pohjanvalo 1947, 31].

Поскольку диалектные словари карельского языка не содержат лексический материал в полном объеме, нами для представления всех значений слова *hiimosti* были привлечены образцы карельской речи, материалы для которых собирались в ходе полевых экспедиций от носителей карельского языка. Одним из таких источников стали образцы речи беломорских карелов *Vienan kyliä kiertämässä* ‘По деревням Беломорской Карелии’, собранные П. Виртаранта [Virtaranta 1978]. С 1950 г. финский исследователь П. Виртаранта ездил в северную Карелию с целью сбора лексического, фольклорного и этнографического материалов. В одном из интервью жительница д. Костомукша упомянула *hiimošt’i* в значении ‘сверхъестественная (волшебная) сила’: A unissa näyttäyty jotta «sie hyvän virren näytit». On se totta, totta se on hos mi *hiimošt’i*! Mie en tiijä onko vain ei...» ‘А во сне привиделось, что (водяной ей говорит) «ты хорошую свадебную песню исполнила». Это правда, правда это какая-то *сила волшебная / сверхъестественное!* Я не знаю так ли это или нет...’ [Virtaranta 1978, 222].

По данным этимологических словарей финского языка, где широко представлены материалы и других прибалтийско-финских и – шире – финно-угорских языков, карельское наименование *hiimosti* является, однако, русским заимствованием [Suomen kielen etymologinen...1978, 73; Suomen sanojen

Свитыч 1971, 241]. В реконструкциях В. М. Иллич-Свитыча для уральской языковой семьи, к сожалению, нет сколько-нибудь похожего на *hiimosti* (даже с учетом возможных фонетических переходов, чередований) по форме и значению слова [Иллич-Свитыч 1976, 141-143].

alkuperä 1992, 162]. При этом в издании *Suomen kielen etymologinen sanakirja* комментарий о заимствовании из русского языка дан под вопросом [Suomen kielen etymologinen...1978, 73]. Так, в коми языке находим, по данным словаря [Безносикова 2000, 269] целое гнездо слов, предположительно заимствованных из русского языка: *кимѳститны* 'колдовать, ворожить'; *кимѳститчан* 'волшебный, магический'; *кимѳститчѳм* 'колдовство, ворожба'; *кимѳститчыны* 'колдовать, заниматься ворожбой'; *кимѳститчысь* (с пометой «устаравшее») 'колдун, волшебник, ворожея, гадалка'. Морфологическая разветвленность и наличие переносных, развившихся на основе приведенных здесь прямых, смыслов свидетельствует о давности процесса заимствования, если он имел место.

В этимологическом словаре *Suomen sanojen alkuperä* предлагается сравнительная связка ливви-ковского именованья *hiimoi* 'бес, дьявол, черт' (Олонец) и собственно карельского глагола *hiimostie* 'пытаться с помощью колдовства / волшебства повлиять на кого-нибудь или что-нибудь' (Кестеньги) с русскими диалектными наименованиями *химость 'душевная болезнь' и *химостить 'колдовать, заклинать, заговаривать, ворожить' [Suomen sanojen alkuperä 1992, 162]. Примечательно, что в «Словаре областного олонеккого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского диалектизм химостить трактуется так же, как и в собственно карельском наречии карельского языка: 'колдовать, портить кого-либо путем чародейства' [Куликовский 1898, 128].

Ранее известный славист Я. Калима трижды рассматривал происхождение лексемы *hiimosti* в финском языке. Впервые он обратился к этому вопросу в статье *Suomen hiimosti*, опубликованной в журнале *Virittäjä* [Kalima 1913]. В ней Я. Калима утверждает, что используемая в финском говоре Кухмонниеми лексема *hiimosti* 'заразная болезнь; чувство страха, страсть, желание; плохое желание' является карельским заимствованием. Он сопоставил финноязычное *hiimosti* с карелоязычным, бытующем в говоре Ювалакши и имеющим значения '1) нагноение [в глазах]; *šilmäššä on riettua* 'в глазах нагноение'; 2) корочка на болячке [Федотова 2009, 509]; 3) плохая заразная болезнь (от воды, леса и др.). Далее Я. Калима [Kalima 1913, 94-95], ссылаясь на словарь В. И. Даля, утверждает, что в карельский язык именование было заимствовано из русского языка, в котором диалектный глагол *химиш(о)стить* в северо-восточных говорах имеет значения 'похищать, красть, воровать; в псковских – ворожить'; в тверских говорах – 'врать, городить чепуху' [Даль 1980, 548]. В 1924 г. Я. Калима вновь возвращается к этимологии ранее рассматриваемого диалектизма. На этот раз в качестве примера исследователь приводит лексему *himošt'i*, употребляемую в ругозерском диалекте в значении 'колдовство, чародейство'. Стоит обратить внимание на то, что в ругозерском диалекте *himošt'i* в первом слоге имеет одну гласную *i*², так что не только семантически, но и по звуковому своему оформлению является гораздо близким толкованиям, указанным в словаре В. Даля для слова *химиш(о)стить*. В дальнейших рассуждениях Я. Калима также упоминается слово *hiimat* 'злые силы, чары, оказавшиеся властными над больным', не являющееся, по его мнению, славянским заимствованием, а значит, и корневая морфема в русском глаголе 'химостить' заимствована из прибалтийско-финских языков. В 1950 г. Я. Калима опубликует научную статью, в которой подвергнет сомнению свои предыдущие изыскания относительно происхождения *hiimosti*. Он обратил внимание на то, что в русском языке суффикс -ость проявляется, как правило, в словах образованных от прилагательных с абстрактным значением³. Поэтому теория о *hiima-* (*hiimat*) является ошибочной. В заключении Калима предположил, что *hiimosti* является самобытным словом, которое заимствовалось в русский язык в качестве бессуффиксного, т.е. непроемного, слова и далее было переосмыслено и оформлено в качестве глагольной лексемы [Kalima 1950, 262-263].

И. Вахрос опроверг теорию Я. Калима. По его мнению, этимологические истоки *hiimosti* видны в салминском диалектном словаре П. Похъянвало в лексеме *hiimoi* 'черт, бес' [Pohjanvalo 1947, 31], которая образована от финского диалектного слова *hiima* посредством диминутивного суффикса -oi. Эквивалент олонеккому *hiimoi* обнаружен в финском говоре Кийхтелюсваары, где *hiimo* также обозначает 'черт, бес'. Если взять во внимание, что северно-русские говоры содержат большое количество заимствованных из соседних прибалтийско-финских языков наименований различных демонов (например, *lèmboj*, *mardùj*, *vérgoj*), то не исключено, что олонеккое *hiimoi* уже было давно известно среди русских Олонеккого района [Vahros 1963, 65].

² Относительно данной фонетической вариации И. Вахрос предполагает, что она указывает на относительную «молодость» этого заимствования [Vahros 1963, 64].

³ Действительно, по наблюдениям историков русского языка, для «имен существительных на -ость значение отвлеченного действия не было характерно» [Феликсов 2022, 128].

Однако, авторы (Э. Итконен, А. Йоки, Р. Пелтола и др.) этимологического словаря *Suomen sanojen alkuperä* предполагают, что из карельского языка наименование было заимствовано в диалекты финского языка [Suomen sanojen alkuperä 1992, 162]. Согласно полученным сведениям из словаря финских говоров *Suomen murteiden sanakirja* лексема *hiimosti*, а также ее фонетические вариации *hiimos* и *hiimusti* распространены в северной и южной части Карелии (области Финляндии), в Туусниеми, Каави, Нильсии и Пуоланке и др. со следующими значениями: 1) страх или боязнь чего-либо; постоянное состояние болезненности или страха, которое, согласно верованиям, вызывается испугом или прикосновением к запретному; 2) желание, страсть к чему-либо [Suomen murteiden sanakirja <http://kaino.kotus.fi/sms/>].

Лексема *хими(о)стить* в языковых источниках

Данные четырехтомного «Этимологического словаря русского языка» свидетельствуют о том, что Макс Фасмер склонялся к поздней, а не первоначальной версии Я. Калима о финском происхождении глагола *хими(о)стить* в северо-восточных и восточных диалектах русского языка: Вероятно, из фин. *hiimat* мн. ‘чары’; см. Калима <...> Можно предположить эволюцию знач. ‘ворожить’ > ‘обманывать’ > ‘воровать’. Ср. также укр. *хіморода* ‘причуда, колдовство’, *хіморобити* ‘колдовать, капризничать, чудить’» [Фасмер 1973, 237].

В «Этимологическом словаре славянских языков» находим реконструированный праславянский корень **хума?* / **хумь?*, но с далеким от интересующей на семантики значением ‘шея’ [Этимологический словарь славянских...1981, 157]⁴, с указанием на бытование в этом лексико-семантическом варианте диалектизма *хима* в курских и брянских говорах; в воронежских и тамбовских говорах фиксируется значение ‘простоватый, глупый’; далее приводится также обнаруженная составителями словаря в картотеках «Псковского областного словаря» и «Словаря русских говоров Карелии» лексема *хімы*, обозначающая ‘лохмы волос’ (признак колдуна или колдуньи) [Левкиевская 1999, 529].

Этимолог Т. В. Горячева [Горячева 2007, 45] прибавляет к этому списку также диалектные белорусские слова *хімора*, *хіморода*, *хімороды* ‘шутки, проделки, выдумки, фокусы’ и фразеологизм *хімороды строіць* ‘не слушаться, капризничать’ и зафиксированный в «Словаре русских народных говоров» как встречающийся в енисейских и забайкальских местностях глагол *похимаститься* ‘почудиться, показаться’. Заметим, что В. И. Даль приводит также *ухимистить* (тверское), *схими(о)стить* (новгородское, псковское, тверское) [Даль 1980, 548]. Эти данные указывают на достаточно широкую географию распространения корня *химиост-* и наличие деривационных нетранспозиционных словообразовательных типов, а следовательно, на достаточно протяженный и во времени процесс освоения слова.

Небезынтересным кажется также анафорическое созвучие (которое, разумеется, не является надежным доказательством этимологического родства), слова *hiimat* с русскими лексемами *хилый* ‘слабый, вялый, болезненный’, *хинь* ‘чепуха, вздор’ и старославянским глаголом *хынити* ‘обманывать, притворяться, прикидываться’ (восходящими к праславянским соответствиям **хуль*, **хунити*, согласно «Этимологическому словарю славянских языков» [Даль 1980, 156-157]), в семантике которых есть ассоциативно-смысловые пересечения с многозначным собственно карельским *hiimosti*.

Обращение к данным «Национального корпуса русского языка» дает только одну репрезентацию – использование глагола в форме прошедшего времени (в реплике персонажа драмы А. Ф. Писемского «Просвещенное время, написанной в 1875 г.: «...он как-нибудь узнает или догадается, что я тут маненько *химостил*, и живой от него не уйдешь!») (<https://ruscorpora.ru/results?search=Cr8BEqUBCqIBEp8BChsKA2xleBIUChLRhdC40LzQvtGB0YLQuNGC0YwKCgoEZm9ybRiCCgAKRQoFZ3JhbW0SPAo6KGluZGljIHwgaW1wZXIgfCBpbmYpICYgKHByYWVzIHwgZnV0IHwgHJhZXQpICYgKHBMlHwgaXBmKQoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgolc2VtfHNlbXgKcwoFZmxhZ3MSAgoAKg4KCAgAEAAoYMiAKIABABTICCAE6AQEwAQ==>) (ср. [Куликовский 1898, 128]).

Заключение

Проведенный с опорой на данные толковых, диалектных и этимологических словарей анализ позволяет прийти к ряду заключений:

1) нормы словообразовательной системы, типология деривационных типов русского языка не позволяют признать лексему *хими(о)стить* производным на русской почве словом; отсутствие на

⁴ Прим.авторов: В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» лексема *хими(о)стить* не обнаружена.

русской почве корня *хим-* в значениях, связанных с концептами «болезнь» либо «колдовство», а также субстантива **хими/ость*, от которого потенциально мог бы быть образован глагол (по аналогии, например с моделью *пакость > пакостить*), вполне уверенно указывает на заимствованный характер глагола в русском языке;

2) формальная и семантическая близость карельского существительного *hiimosti* и глагола *хими(о)стить* не вызывает сомнений; отсутствие меж- и скудость внутривидовых словообразовательных связей диалектного глагола (нет протяженной цепочки дериватов или парадигмы кодериватов, за исключением конфиксального образования *похимоститься* и приставочных *с-/ухимостить*) позволяют предположить недостаточную «освоенность» слова и его проникновение в русскую диалектную систему не ранее XVIII в., когда распространение слова *химостить* могло быть поддержано расширением в русском узусе таких заимствований XVIII в., как *химия*, *химера* (ср. также семантику *химистить* со значением разговорно-просторечного глагола *химичить*); освоению глагола *хими(о)стить* русским языком могло мешать неблагозвучие при потенциальном образовании формы 1 л. ед. ч., если не прибегать к чередованию со [щ] (ср.: *пакостить – пакощу*);

3) очевидно, истоки *hiimosti* следует искать в финском диалектном слове *hiima*, от которого на собственно карельской почве с помощью диминутивного суффикса *-oi* было образовано именное производное; языковые контакты с карельским населением привели к появлению в северо-восточных русских диалектах глагола *хими(о)стить* (возможно, повлиявшего в свою очередь на возникновение словообразовательного гнезда в коми-зырянском языке).

ЛИТЕРАТУРА

- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор (Коми-русский словарь) / Отв. ред. Л. М. Безносикова; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.
- Горячева Т. В. Восточнославянские этимологии (рус. бим; блр. галялэць; рус. закрумный; блр. вогары; праслав. *хума/*хуть; рус. посѣтиться) // Этимология 2003–2005. М., 2007. С. 37–48.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Русский язык, 1980. Т. 4. 648 с.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) / Под ред. и с вступ. ст. В. А. Дыбо. М.: Наука, Т. 1. М.: Наука, 1971. 372 с.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). / Под ред. В. А. Дыбо. Т. 2. М.: Наука, 1976. 156 с.
- Левкиевская Е. Е. Колдун // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528–534.
- Пашкова Т. В. Этимология и способы лечения болезни tuahine в понимании карел // Финно-угорский мир. 2015. № 1. С. 47–50.
- Пашкова Т. В. Названия некоторых мифологических заболеваний по данным карельского языка // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 47–54.
- Пашкова Т. В. Компонент *viha* в карельских народных названиях болезней // Linguistica Uralica. 2019. Vol. 55. № 1. С. 22–25.
- Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Герман Куликовский. Санкт-Петербург: издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898. 159 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва: Прогресс, 1973. 856 с.
- Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 751 с.
- Феликсов С. В. Имена существительные религиозной семантики на –ств(о), –ость и –ние в русском языке XVIII века (на материале лексикографических произведений гражданской печати) // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. науч. трудов / отв. ред. И. А. Малышева, О. А. Старовойтова. Вып. 5. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2022. С. 124–149.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. Москва: Наука, 1981. 257 с.
- Astedt K. Mytologisista nenä-yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. 1960. № 40. S. 307–322.
- Kalima J. Pari vähän tunnettua sanaa // Virittäjä. 1950. Vol. 54. S. 262–264.
- Kalima J. Suomen hiimosti // Virittäjä. 1913. Vol. 17. S. 94–96.

- Karjalan kielen sanakirja / Toim. M. Torikka. URL: https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi
Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki: SKST, 1947. 426 s.
Pulkkinen R., Lindfors S. Suomalaisen kansanuskon sanakirja. Tallina: Gaudeamus, 2016. 432 s.
Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SUS, 1978. I. 2293 s.
Suomen murteiden sanakirja. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/>
Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, 1992. I. 486 s.
Vahros I. Kaksi mytologian piiriin kuuluvaa sanaa // *Virittäjä*. 1963. Vol. 67. № 1. S. 62–68.
Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.
Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 543 s.

Поступила в редакцию 23.01.2023

Патроева Наталья Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: nvpatr@list.ru

Пашкова Татьяна Владимировна

доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: tvpashkova05@mail.ru

N. V. Patrojeva, T. V. Pashkova

**DIALECTISMS "HIIMOSTI" AND "HIMI(O)STIT'" IN THE KARELIAN AND RUSSIAN LANGUAGES:
A COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL ASPECT**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-212-220

The presented scientific article addresses the issue of the origin and formation of the names *hiimosti* and *himi(o)stit'* in the dialects of the Karelian and Russian languages. The study is carried out in a comparative typological aspect with the Finnish language, since it is in its dialects that the phonetic variations of the lexeme under consideration are recorded, as well as with the Russian language, since, according to Finnish etymologists, in Karelian dialectisms *hiimosti* is a Russian-language borrowing. Previously, researchers have not addressed this problem on the material of the Karelian language in comparison with closely related and Russian languages, which indicates the scientific novelty of the research. During the period of active revitalization of minority languages of indigenous peoples, the study of the lexical structure of the Karelian language is of current interest. In the process of work, in addition to general scientific empirical (observation, comparison, description) and theoretical research methods (familiarization with the material, hypotheses, assessment of the validity of the assumption, hypothesis testing), general logical methods and methods concretizing them (induction and deduction, analysis and synthesis, generalization, analogy, systemic and structural approaches) were applied. The study was carried out using the method of functional-semantic description, as well as etymological and comparative-typological methods. The sources of language material are dialect dictionaries of the Karelian, Russian and Finnish languages, samples of Karelian speech and etymological dictionaries. According to the hypothesis of the authors of the article, the lexeme *hiimosti* appeared in the dialects of the Karelian proper and Livvik dialects of the Karelian language under the influence of the Finnish dialectal *hiima* meaning 'demon, devil', from which a nominal derivative was formed on Karelian soil proper with the help of the diminutive suffix *-oi*. Linguistic contacts with the Karelian population led to the appearance in some Russian dialects of the verb *himi(o)stit'*.

Keywords: dialectisms; Karelian; Russian language; semantics; word formation; etymology; nomination; comparative analysis.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 212–220. In Russian.

REFERENCES

Beznosikova L. M., Aybabina Ye. A., Kosnyreva R. I. Komi-roch kыvchukör (Komi-russkiy slovar') [Komi-roch kыvchukur (Komi-Russian Dictionary)] / Ed. ed. L.M. Beznosikova; ILLH Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Syktyvkar: Komi book. publishing house, 2000. 816 p. In Komi, In Russian.

Goryacheva T. V. Vostochnoslavjanskiye etimologii (rus. bim; blr. galyal'ts; rus. zakrumnyy; blr. vogyari; proslav. *хума/*хум"; rus. posustit'sya) [Eastern Slavic etymologies (Russian bim; blr. galyaléts; rus. zakrumnyi; blr. vogyari; Proslav. *хума/*хумь; rus. posústitsya)]. *Etimologiya 2003–2005* [Etymology 2003–2005]. Moscow, 2007, pp. 37–48. In Russian.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes.]. Moscow: Russian language, 1980. T. IV. 648 p.

Illich-Svitych V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitokhamitskiy, kartvel'skiy, indoyevropeyskiy, ural'skiy, dravidiyskiy, altayskiy)* [Comparison of Nostratic languages (Semitic-Hamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altai)] / Ed. and with entry. Art. V. A. DYBO. M.: Nauka, T. I. M.: Nauka, 1971. 372 p.

Illich-Svitych V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitokhamitskiy, kartvel'skiy, indoyevropeyskiy, ural'skiy, dravidiyskiy, altayskiy)* [Comparison of Nostratic languages (Semitic-Hamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altai)] / Ed. V. A. DYBO. M.: Nauka, T. II. M.: Nauka, 1976. 156 p.

Levkiyevskaya Ye. Ye. *Koldun [Sorcerer] // Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary* / Ed. N. I. Tolstoy. M.: International relations, 1999. T. 2. pp. 528–534.

Pashkova T. V. *Komponent viha v karel'skikh narodnykh nazvaniyakh bolezney* [The viha component in the Karelian folk names of diseases]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2019, V.55, №.1, pp. 22–25. In Russian.

Pashkova T. V. *Nazvaniya nekotorykh mifologicheskikh zabozevaniy po dannym karel'skogo yazyka* [Names of some mythological diseases according to the Karelian language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world], 2017, № 3, pp. 47–54. In Russian.

Pashkova T. V. *Etiologiya i sposoby lecheniya bolezni muahine v ponimanii karel* [Etiology and methods of treatment of muahine disease in the understanding of Karelians]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world], 2015, № 1, pp. 47–50. In Russian.

Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes] // trans. with him. and additional O. N. Trubacheva. Moscow: Progress, 1973. 856 p.

Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii [Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application] / Coll. in place and comp. German Kulikovskiy. St. Petersburg: publication of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1898, 159 p. In Russian.

Fedotova V. P., Boyko T. P. *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of proper Karelian dialects of Karelia]. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2009. 751 p. In Russian, In Karelian.

Feliksov S. V. *Imena sushchestvuyushchikh mirovykh semanticheskikh na –stv(o), –ost' i –niye na russkom yazyke XVIII veka (na materiale leksikograficheskikh istochnikov gosudarstvennoy pechati)* [Nouns of religious semantics with –st(o), –ost and –nie in the Russian language of the 18th century (on the material of lexicographic works of the civil press)] // *Slavic historical lexicology and lexicography: coll. scientific works* / otv. ed. I. A. Malysheva, O. A. Starovoitova. Issue. 5. St. Petersburg: OR RAN, 2022, pp. 124–149.

Etimologicheskyy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund] / ed. O. N. Trubacheva. Issue. 8. Moscow: Nauka, 1981. 257 p.

Astedt K. *Mytologisista nenä-yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. Vol. 40. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1960, S. 307–322.* In Finnish.

Kalima J. *Pari vähän tunnettua sanaa // Virittäjä. 1950. Vol. 54. S. 262–264.* In Finnish.

Kalima J. *Suomen hiimosti // Virittäjä. 1913. Vol. 17. S. 94–96.* In Finnish.

Karjalan kielen sanakirja / Toim. M. Torikka. URL: https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi In Finnish, In Karelian.

Pohjanvalo P. *Salmin murteen sanakirja.* Helsinki: SKST, 1947. 426 s. In Finnish, In Karelian.

Pulkkinen R., Lindfors S. *Suomalaisen kansanuskon sanakirja.* Tallina: Gaudeamus, 2016. 432 s. In Finnish.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SUS, 1978. I. 2293 s. In Finnish.

Suomen murteiden sanakirja. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/> In Finnish.

Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, 1992. I. 486 s. In Finnish.

Vahros I. *Kaksi mytologian piiriin kuuluvaa sanaa // Virittäjä. 1963. Vol. 67. № 1. S. 62–68.* In Finnish.

Virtaranta P. *Vienan kyliä kiertämässä.* Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s. In Finnish, In Karelian.

Vuorela T. *Kansanperinteen sanakirja.* Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 543 s. In Finnish.

Received 23.01.2023

Patrojeva Natalja Viktorovna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of Department of Russian language
Petrozavodsk State University
33, Lenin ave., Petrozavodsk, 185910, Russia,
E-mail: nvpatr@list.ru

Pashkova Tatjana Vladimirovna,
Doctor of History, Associate Professor,
Head of Department of Baltic-Finnic Philology
Petrozavodsk State University
33, Lenin ave., Petrozavodsk, 185910, Russia,
E-mail: tvpashkova05@mail.ru

Фольклористика

УДК: 398(=511.131)(092)(045)

А. В. Камитова

РОЛЬ М. А. КУРОЧКИНА В СОХРАНЕНИИ УДМУРТСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ

В работе представлены малоизвестные факты из жизни и деятельности Михаила Алексеевича Курочкина – одного из представителей удмуртского просветительства начала XX в., внесшего большой вклад в сохранение и популяризацию фольклорного наследия удмуртского народа, развитие музыкальной культуры Удмуртии. Введены в научный оборот новые фактологические сюжеты из жизни просветителя и педагога, выявленные в ходе работы с газетными материалами и архивными документами. Описаны некоторые особенности песенного сборника с нотами М. А. Курочкина «Кубыз, 1925», составленного на основе фольклорных полевых материалов. Даная книга рассматривается в контексте эпохи, в которой жил М. А. Курочкин. Его педагогическая деятельность способствовала формированию музыкального направления в удмуртской науке, воспитанию национальных кадров. Изучение жизни и творческой биографии М. А. Курочкина позволило определить его вклад в культурную жизнь удмуртского народа.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, просветительская деятельность, музыкальная культура удмуртов, песенный сборник, Можгинский педагогический техникум.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-221-228

Среди деятелей, причастных к становлению профессиональной удмуртской культуры и искусства обнаруживаются малоизвестные либо совсем забытые имена, часто с очень скудными биографическими сведениями. В круг лиц, принимавших активное участие в культурно-просветительской работе в начале XX в., входит Михаил Алексеевич Курочкин – один из представителей провинциальной русской интеллигенции, разносторонне одаренный человек. Развитие его творческого и профессионального пути пришлось на время, когда в удмуртской фольклористике начиналась активная собирательская деятельность. Запись и изучение удмуртской песни стало одним из востребованных направлений. Только за период с 1925 по 1927 г., по наблюдениям И. М. Нуриевой, «вышло шесть сборников удмуртских народных песен с нотами и многочисленные издания текстовых песенников» [Нуриева 2014, 32]. Удмуртская песня в это время также находилась в сфере научных интересов зарубежных исследователей [Krohn 1901–1902; Pelissier 1925; Pannoff 1929]. М. А. Курочкин входит в число первых авторов, записывавших собранные тексты песен нотами. Ему принадлежит книга удмуртских песен с нотами «Кубыз. Удмурт крезьёс (гур'ёс)», изданная в 1925 г. в Ижевске тиражом 1000 экземпляров и ставшая уже библиографической редкостью. Этот труд, наряду с другими опубликованными в начале XX в. фольклорными сборниками, входит в фонд уникальных образцов удмуртского песенного материала. В научном дискурсе до сих пор остаются открытыми вопросы, связанные с реконструкцией музыкального инструмента, изображенного на обложке книги М. А. Курочкина, а также с воссозданием ключевых моментов биографии самого автора.

Материалы о жизни М. А. Курочкина скудны и в целом основываются на небольшом очерке Н. П. Павлова [Павлов 1969] и воспоминаниях его бывшего студента И. Г. Гаврилова [Гаврилов 1978]. Опираясь на этот исследовательский ресурс, а также на документы фондов архива Можгинского педагогического колледжа им. Т. К. Борисова, Управления по делам архивов Администрации г. Сарапула¹ и материалы газет, более подробно осветим особенности творческой деятельности М. А. Курочкина, обратим внимание на некоторые факты его биографии.

¹ Благодарим за оказанную помощь в поиске материалов начальнику Управления по делам архивов Администрации г. Сарапула Н. В. Тошевиковой и лаборанту архива Можгинского педагогического колледжа им. Т. К. Борисова Ю. А. Зинатовой.

В фондах Управления по делам архивов Администрации г. Сарапула хранятся несколько документов личного дела М. А. Курочкина за период с 1921 по 1923 гг.: это прошение, рапорт и удостоверение. В Можгинском педагогическом колледже им. Т. К. Борисова материалов по личному делу М. А. Курочкина также немного. Остались лишь некоторые документы, подписанные директором учебного заведения Королевым: приказ об отпуске преподавателя на летний период 1936–1937 учебного года [Опись № 4, л. 1], приказ о премировании «за высокие качественные показатели по преподаваемым предметам и участие в общественной работе 50% стоимости месячной путевки в санаторий» [Опись № 4, л. 58], приказ о премировании «за непосредственное руководство и участие в художественном оформлении техникума к 17 годовщине октября» [Опись № 2, л. 34]. Дополнительные документы могли храниться в Можгинском городском архиве, но из-за случившегося пожара архивные дела с 1925 по 1935 гг. были утрачены.

Опубликованные на сегодняшний день материалы о М. А. Курочкине представляют собой небольшие биографические справки. Обнаруженные нами документы, хранящиеся разрозненно в различных архивах Удмуртии, вкупе с известными фактами позволят глубже осмыслить биографию М. А. Курочкина, а также его творческую, собирательскую и просветительскую составляющие.

Михаил Алексеевич Курочкин родился 15 ноября 1886 г. в г. Елабуге. Умер от туберкулеза (*чакмон*) 14 декабря 1938 года. [Павлов 1965, 47]. Его отец был псаломщиком. Вероятно, поэтому выбор места учебы молодого Михаила пал на Вятскую духовную семинарию. Во время Первой русской революции амбициозный семинарист вошел в число участников забастовок. В результате – часть революционно настроенных семинаристов была отчислена. Эта участь ждала и М. А. Курочкина. Возможно, его судьба сложилась бы иначе, но благодаря ходатайству преподавателей перед администрацией, Михаилу Алексеевичу было разрешено продолжить учебу в семинарии. Его активная натура нашла себя в качестве организатора семинарских праздников и творческих вечеров.

После окончания Вятской духовной семинарии М. А. Курочкин некоторое время проработал учителем пения и рисования в Сарапульском духовном училище, а также, как он сам пишет, был «надзирателем над учениками» [Ф-64 Оп. 2. Д. 255. Л. 3].

Здесь у него возникло желание связать жизнь с изобразительным искусством. Для осуществления мечты он установил связь с великим русским художником И. Е. Репиным, которому направлял свои работы. Илья Ефимович, обратив внимание на художественный талант Михаила, приглашал его продолжить обучение в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Но планам М. А. Курочкина не суждено было осуществиться из-за позиции местных священников. В 1918 г., Сарапульское духовное училище было закрыто и М. А. Курочкин находился в поисках работы. С этого момента начинаются новые повороты судьбы. Согласно архивным документам, с 20 июля 1921 г. он служил в Николаевской церкви в с. Поршур «в качестве чтеца и певца при совершении богослужений и церковных треб» [Ф-64. Оп. 2. Д. 255. Л. 5]. В сентябре 1921 г. он обращался с прошением к Преосвященнейшему Александрию епископу Сарапульскому и Елабужскому о том, чтобы его могли «допустить на исполнение

обязанностей псаломщика» при Николаевской церкви в с. Поршур Можгинского уезда Вотской автономной области [Ф-64. Оп. 2. Д. 255. Л. 3]. Его прошение было удовлетворено. Уже 2 октября 1923 г. его направляют на псаломническую вакансию в Вознесенский кафедральный собор г. Сарапула [Ф-64. Оп. 2. Д. 255. Л. 4]. Но из-за неявки к месту службы 14 декабря 1923 г. М. А. Курочкина освобождают от должности псаломщика [Ф-64. Оп. 2. Д. 255. Л. 6]. Вероятно, тогда же М. А. Курочкин принял решение переехать в Можгу. Начиная с 1923 г. и до конца жизни, он работал в Можгинском педагогическом техникуме.

Это учебное заведение имеет необычную историю. Основано оно было в 1918 г. как Елабужская удмуртская учительская семинария, в 1922 г. переименовано в Можгинский вотский педагогический техникум, с 1940 г. получает статус училища. Современное название – Можгинский педагогический колледж. В разные годы руководителями учебного заведения были талантливые представители удмуртского народа: первым директором-организатором техникума был Т. К. Борисов, а с 1922 по 1926 гг. директором техникума работал Я. И. Ильин.

В ходе перемещения учебного заведения из здания Елабужского епархиального училища, трудами Т. К. Борисова, Я. И. Ильина, его братьев и нескольких помощников. в с. Можгу на обозах были перевезены парты, стулья, классная доска, рояль, две фисгармонии, струнные музыкальные инструменты, разные приборы, книги и учебные пособия. Можгинский педтехникум заботился об улучшении качества учебного процесса, а для поддержки обучения музыке – о пополнении музыкальными инструментами. В одном из номеров журнала «Кенеш» за 1928 г. сообщается, что педтехникум имеет в своем распоряжении двое гуслей (*быдзым крезь*) и в планах – покупка еще одного инструмента [Пбортэм иворъёс 1928, 44].

На первых порах из-за нехватки учащихся сами директора Можгинского педтехникума выезжали в села и деревни, чтобы отобрать для учебы способных ребят. Среди выпускников первых лет были известные в будущем писатели Д. Майоров, А. Векшина (Ашальчи Оки), М. Тимашев, М. Кильдияров, И. Курбатов, Г. Медведев, М. Коновалов, И. Гаврилов, Т. Архипов, Ф. Кедров и др. Помощь в становлении будущих удмуртских литераторов оказали литературный и драматический кружки педтехникума.

В годы работы в Можгинском педагогическом техникуме раскрылся педагогический талант М. А. Курочкина. Он преподавал пение, рисование и труд. В свободное время лепил из глины, увлекался резьбой по дереву, вязал и вышивал, хорошо знал столярную работу. Вместе с учащимися М. А. Курочкин заботился о благоустройстве территории: разбивал цветники и оформлял клумбы. Благодаря ему в техникуме был создан четырехголосный хор из сопрано, альты, тенора и баса. По воспоминаниям И. Г. Гаврилова, репетиции хорового кружка проходили в главном корпусе Можгинского педучилища. Из всех кружков хоровой был самым большим. Студенты выступали со своим репертуаром в клубе завода «Свет» и гастролировали по соседним деревням. Под руководством М. А. Курочкина они исполняли отрывки из опер М. И. Глинки «Руслан и Людмила», Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка», Ж. Бизе «Кармен», а также песни разных народов. Из воспоминаний И. Г. Гаврилова известно, что в репертуар входили удмуртские, русские, украинские песни и современные советские песни [Гаврилов 1978, 13]. Так, представленная студентами инсценировка по мотивам поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» была восторженно принята зрителями с. Можги [Павлов 1965, 45]. Для постановки М. А. Курочкиным был изготовлен бюст А. С. Пушкина [Вичужанин 1993, 20]. К каждой песне сам М. А. Курочкин писал нотные партии. На репетициях никто из студентов не осмеливался петь без нот. Когда не хватало из певческих голосов баса, Михаил Алексеевич приглашал своего брата. Родительские собрания и праздники, организованные в педучилище, всегда проходили с участием хора. Благодаря хору студенты знакомились не только с русской и мировой культурой, но и постигали азы нотной грамоты и сами могли перелаживать тексты на ноты.

Более наглядно воссоздать живой биографический портрет М. А. Курочкина позволяют воспоминания И. Г. Гаврилова – одного из студентов Можгинского педтехникума: «Проступающие по худому лицу морщины придавали представление о нем, как человеке жестоком. С рыжеватыми волосами, с желтоватыми усами под носом. Смеющимся его увидишь редко. Несмотря на то, что на занятиях он был требовательным, все ученики его любили. М. А. Курочкин мог рассмешить, поднять настроение другим» [Гаврилов 1978, 13]. М. А. Курочкин был человеком разносторонне одаренным и с охотой принимался за любое дело. Он был художником и хормейстером, хорошим столяром и сапожником. Одевался он всегда просто и аккуратно. Его ботинки блестели, словно были покрыты черным лаком. Сшитую им обувь он раздавал детям-сиротам.

В методику своей преподавательской деятельности М. А. Курочкин также включал сбор фольклорного материала, который возлагался на учеников Можгинского педтехникума. Затем песни, записанные от ребят, приехавших из разных уголков Вотской области, перелажались им на ноты. Некоторые тексты руководитель хора включал в репертуар своих выступлений. Интерес М. А. Курочкина к удмуртскому фольклору не ограничивался рамками педагогической работы. Собранный фактический материал он реализовал в виде издания в 1925 г. песенного сборника «Кубыз». В 1965 г. Н. Павлов писал про книгу «Кубыз», что она редкая и «только специалисты-музыковеды, вероятно, знают о ней» [Павлов 1965, 46]. Предыстория создания этой книги такова: М. А. Курочкин вместе со студентами с 1923 по 1924 гг. выезжал с экспедицией в населенные пункты Можгинского, Малмыжского и Казанского уездов. В эти годы преподаватель был уже очень болен. По словам Н. Павлова, во время экспедиции в д. Большие Сибь М. А. Курочкин встретился с народным певцом из крестьян А. Шишкиным [Павлов 1965, 46]. По просьбе Михаила Алексеевича этим информантом для гостя был изготовлен музыкальный инструмент – *кубыз*. Иллюстрация к обложке книги, на которой изображены *кубыз* и портрет А. Шишкина, сделана самим М. А. Курочкиным. По словам И. Г. Гаврилова, Александр Шишкин (*Олексан агай*) работал конюхом в конюшне при педтехникуме [Гаврилов 1978, 14]. Возможно, он начал работать в педучилище по приглашению М. А. Курочкина. Преподаватели Можгинского педтехникума выезжали с просветительскими беседами и пропагандами к сельским жителям. А возил их туда на тарантасе А. Шишкин.

А. Шишкин знал много удмуртских напевов и в свободное от работы время пел их играя на *кубызе*. Также он пел и выступал со своим музыкальным инструментом на концертах, организованных студентами Можгинского педтехникума. И. Г. Гаврилов делился впечатлениями от его игры на *кубызе*: «*Уд-а паймы: крезез но крезьлы уг кельшы. Паськыт чагез куасалтэмын, со борды одйг гинэ балалайка си юнматэмын. Тазьы учкыса пукычлы кельше. Сиез чиньыеныд выретйид ке, майсы сямен, ялан одйг выллем бызгетоз. Дышымтэ мурт таچه крезен огшоры гурез но шудыны уз быгаты. Нош Олексан агайлэн ки улаз инструмент кырза но, бёрдэ но. Одйг пумзэ пиньёсыз борды пыкыса, ымдурьёсыныз пачкатэ, нош бур кызылэн азь чиньыеныз сиез жугыны кутске. Ымдурьёссэ выретэмяз кубызэз я уллань каре, я вылланьгес жутэ. Пелез вешась чебер но нёж гурез нёръяны кутске кубыз*» [Гаврилов 1978, 38–39] ‘Удивительно: крезь на крезь не похож. Широкая щепка изогнута, к ней прикреплен струна балалайки. Похожа на стрелу. Если дотронешься до струны, словно шмель, будет звенеть монотонно. Необученный человек на таком крезе не сможет сыграть даже простую мелодию. А в руках дяди Олександина инструмент и поет, и плачет. Один конец подперев к зубам, зажимает губами, а указательным пальцем правой руки начинает набивать по струнам. По тому, как сжимал губы, *кубыз* он направлял либо вниз, либо поднимал повыше. *Кубыз* начинает издавать приятную для уха красивую и тихую мелодию’.

В описании И. Г. Гаврилова и на самой обложке книги М. А. Курочкина «*Кубыз*» зафиксирован одна из архаичных разновидностей струнно-смычковых инструментов – *пукыч* – музыкальный лук. По всей видимости, этот инструмент в некоторых локальных традициях удмуртов именовался «*кубыз*». Здесь, скорее всего, мы имеем дело с таким явлением, которое описала М. В. Есипова: «Термин “*кобуз*” по мере распространения стал “прикрепляться” к самым разным струнным инструментам» [Есипова 2013, 27]. В современном традиционном понимании под словом *кубыз* имеется ввиду двух- и трехструнный хордофон (скрипка) [Пчеловодова 2015: 47, Пчеловодова 2010, 97]. Именно в таком смысле в дореволюционной литературе встречаются упоминания о данном музыкальном инструменте. К примеру, этнограф М. Бух писал об увиденной во время экспедиции «обычной скрипке» [Buch 1882, 100]. Кузубай Герд в одной из своих работ писал: «*Карлыган палась удмурт ‘ёс кубыз (скрипка), яке кырезь (гусли) шудыса кизэс чапкыса, такмак (припев) кыл вераса экто. <...> Кубызэн пиёс гинэ шудо*» [Герд 1927, 93] ‘Калыганские удмурты играя на *кубызе* (скрипке) или на крезе (гуслях), танцуют прихлопывая в ладони и припевая такмаки (припевы)’. По данным И. В. Пчеловодовой, *пукыч* в качестве музыкального инструмента впервые зафиксирован музыковедом В. М. Беляевым, в описании которого он представлен как музыкальный лук «с одной, двумя или даже тремя тетивами-струнами из конских волос, приводимыми в вибрацию лукообразным смычком также из конских волос, натираемых еловой смолой» (цит. В. М. Беляева по: [Пчеловодова 2015, 47]).

В 1926 г. отмечалось, что для исполнения песен удмуртов использовали музыкальные инструменты, среди которых – *кубыз*: «*Кырзан ‘ёссэс кырзаны кырезьёссы вань (кубыз, кыскон, нёжмыт сям ‘ёссы чалмытэсь, мёзмылэсэсь*» [П. Ф. 1926, 58] ‘[У удмуртов. – А. К.] для исполнения песен есть креси (*кубыз*, тянущие, протяжные манеры спокойные, тоскливые’. Но постепенно этот музыкальный

инструмент уходил в прошлое. В 1928 г. М. Тимашев писал: «*Вашкала удмурт'ёс быдзым крезен, кубызэн туж мусо, туж усто бордымон жож гур'ёс, эктымон капчи гур'ёс шудозы вылэм. Табере нош быдзым крезь шудйсьёсыз туж шер шедьтод...*» [Тимашев 1928, 22] «Древние удмурты на Великий гусях, на кубызе очень мило, очень умело, до слез печальные мелодии, легкие плясовые мелодии играли, бывало. Но теперь играющих на Великих гусях встретишь редко...»

В ходе полевых работ студентами Можгинского педтехникума под руководством М. А. Курочкина были собраны удмуртские песни, из которых в сборник «Кубыз» вошли 20 текстов. Также в сборник включено 7 переводных революционных песен. Студенты техникума выступали не только в качестве собирателей, но и в роли переводчиков, поскольку сам Михаил Алексеевич не владел удмуртским языком. Предисловие (*кыл чолтон*), написанное М. А. Курочкиным на русском языке, на удмуртский язык переведено А. Устюжаниной, А. Медведевой, Ф. Спасской. М. А. Курочкин обогащает удмуртский музыкально-фольклорный тезаурус словами: *удмурт кырзан кылъёс* 'слова удмуртской песни', *удмурт кырзан гуръёс* 'удмуртские напевы', *крезь* 'ноты/мелодия', *кырзан нимъёс* 'названия песен'. В предисловии к книге отмечено, что в подготовке сборника, а именно в переводе песенных текстов в ноты, работали от Можгинского удтехникума Илья Яшон (Яков Ильин), Анна Медведева, Екатерина Коновалова, Екатерина Ермолаева и Анна Спаская. Песенный сборник с нотами стал большим подспорьем для самостоятельных коллективов и самих студентов педтехникума [Курочкин 1925, 2]. Создавая книгу, М. А. Курочкин преследовал свои цели, но опосредованно он способствовал сохранению до наших дней удмуртских песен, бытовавших в начале XX века.

В предисловии М. А. Курочкин популяризирует сборники песен Кузебая Герда «Малмыж удмурт'ёслэн кырзан'ёссы» 'Песни малмыжских удмуртов', И. Яковлева «Удмурт кырзанъёс» 'Удмуртские песни'. В последующем и Кузебай Герд в сборнике песен «Удмурт кырзанъёс, 1927» напишет о книге М. А. Курочкина. Уже в эти годы М. А. Курочкин обозначает проблему сохранения песенной традиции: «*Удмурт кырзан кыл'ёс арисен аре воштиськыса кошко, со удмурт кырзан гур'ёсыз но кыл'ёсыз вунэтонтэм понна, мон гожтисько. Кыкетиез нош, удмурт калык ваньмыз пазяськыса улэмись, озгылэсь озгы кырзан гур'ёссэс но, кыл'ёссэс но тросэз уг тодо*» [Курочкин 1925, 1] «Слова удмуртских песен из года в год меняются, чтобы не забыть эти удмуртские мелодии и слова, я пишу. Во-вторых, ввиду того, что удмуртский народ живет рассеявшись, песенные мелодии и слова многие из них не знают».

Книга «Кубыз» состоит из двух разделов, которые предваряются текстом песни «Интернационал (Быдэс дуннейсь ужась калыклэн кырзанэз)» с нотами. В свою очередь первый раздел еще разделен на три части. Часть «I. Малмыж удмурт'ёслэн кырзан'ёссы» ('Песни малмыжских удмуртов') состоит из 11 песен с нотами; часть «II. Можга егитъёслэн кырзанъёссы» ('Песни можгинской молодежи') – из 5 песен, с указанием того, что текст песни 'На грудь да повешено' («Гадям но быртэм») является 'песней крещеных татар' («кряшен крезь»), текст 'Ой, среди черных лесов' («Ой, съод нюлэс шор'ёсын») является 'песней можгинских девушек' «Можга кышноёслэн кырзанзы»; часть «III. Казан пал удмурт'ёслэн кырзанзы» ('Песни казанских удмуртов') состоит из 4 песен со следующими примечаниями: «Сактоз но медам» (пересь кышноёслэн кырзанзы) 'Рассветет ли (песня пожилых)', «Гурезь выжыяд» (пинал ныл'ёслэн но кышноёслэн кырзанзы) 'У пригорки (песня молодых девушек и женщин)', «Борозда лёгам, ай пыдъёсмы» (солдат'ёслэн кырзанзы) 'Борозду протоптавшие, ай ноги (песни солдат)', «Урамтй ортчись» (сюан крезь) 'По улице проходящий (свадебная песня)'.

Во втором разделе представлены «Песни революции» («Революци сярись кырзан'ёс»), переложенные на ноты для вотского хора М. А. Курочкиным. В их числе: снова повторяется «Интернационал», затем идут похоронный марш («Ватон марш»), «Смело товарищи в ногу» («Пыддэс юлтошьёс»), «Последнее прости» («Берпум зеч лу»), «Песня ссыльных» («Ой, марлы-о?»), «Солнце всходит и заходит» («Шунды жужа, шунды пуксе»), «Проводы» («Келяськон»), в котором указано, что слова принадлежат Д. Бедному. Это «классический» репертуар революционных песен, включаемых в фольклорные песенные и поэтические сборники. К примеру, в сборниках Т. К. Борисова «Удмурт кылбур'ёс» (1919) и «Удмурт стихотворенияс» (1919) широко представлены песни интернационального рабочего движения: коммунистический «Интернационал», опубликованный без указания автора и переводчика, варианты удмуртской «Марсельезы», траурный марш (автор Я. Ильин). Наличие революционно-песенного контента объяснимо осознанием сути общественной борьбы того времени, стремлением приобщиться к происходящим в стране социально-политическим преобразованиям и собственно самой существовавшей традицией/литературной модой, определявшей иерархию жанров в гуманитарной практике. Варианты переложений агитационных песенных текстов в начале XX в.

распространялись устным путем и письменными способами: публиковались как в книгах стихов, так и в сборниках народных песен.

Подводя итоги, можно констатировать, что М. А. Курочкин наряду с другими собирателями внес свой вклад в дело сохранения и популяризации удмуртского фольклора, в историю становления удмуртского музыкально-педагогического просвещения. В педагогической практике он широко использовал наряду с классической музыкой удмуртские песни как средство эстетического воспитания. Благодаря приобщению к собиранию удмуртского фольклора учащихся техникума, он прививал интерес к родной культуре. Создание им музыкального хора при Можгинском педагогическом техникуме способствовало развитию музыкальных способностей студентов. Все формы фольклорной, музыкально-просветительской, педагогической деятельности М. А. Курочкина представляли особую ценность в культурной жизни удмуртского народа. Опубликовав книгу «Кубыз», он оказал незаметную поддержку самодеятельным коллективам, содействовал сохранению локальной специфики песенных текстов, а также популяризовал искусство нотной грамоты. Самим названием сборника и изображением кубызы на нем, он сохранил для современного исследователя представление о музыкальном инструменте, еще бытовавшем среди удмуртов в 1920-е годы.

ЛИТЕРАТУРА

- Вичужанин А. Г.* Нашей юности обитель. Ижевск: Удмуртия, 2008. 240 с.
- Вичужанин А. Г.* Стало домом родным. Ижевск: Удмуртия, 1993. 256 с.
- Гаврилов И.* Тодам ваисько. Ижевск: Удмуртия, 1978. 172 с.
- Герд К.* Удмурт кырзэн'ёс. 1-тй книга. 3-тй шуккетэз. Ижевск: Удкнига, 1927. 113 с.
- Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. 282 с.
- Документы по личному составу преподавателей, сотрудников и учащихся Можгинского педагогического училища (1933–1986 гг.) // Архив Можгинского педагогического колледжа им. Т. К. Борисова. Оп. 2. Лл. 34–35.
- Документы по личному составу преподавателей, сотрудников и учащихся Можгинского педагогического училища (1933–1986 гг.) // Архив Можгинского педагогического колледжа им. Т. К. Борисова. Опись № 4. Лл. 1, 58.
- Есипова М. В.* История и география распространения древнетюркского термина «кобуз» («музыкальный инструмент») // Научный Татарстан. 2013. № 3. С. 26–35.
- Нуриева И. М.* Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис. ... докт. искусств. Ижевск, 2014. 415 с.
- Пчеловодова И. В.* Аэрофоны в системе традиционной инструментальной культуры удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 1. С. 95–108.
- Пчеловодова И. В.* Конструкция удмуртского традиционного струнного инструмента кубыз в терминологическом аспекте // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 46–51.
- П. Ф. Туж бадзым ужмы палэнэ кыле // Кенеш. 1926. № 5–6. С. 58–59.
- Павлов Н.* Дышетйсьлэн вунонтэм ужез // Молот. 1965. № 2. С. 45–47.
- Павлов Н. П.* М. А. Курочкин // Путь к удмуртской опере / Сост. А. Н. Голубкова. Ижевск: Удмуртия, 1969. С. 29–32.
- Пёртэм иворъёс // Кенеш. 1928. № 10–11. С. 44–46.
- Тимашев М.* Удмуртлэсь чеберлыксэ кыре поттоно // Кенеш. 1928. № 10–11. С. 22.
- Личное дело М. А. Курочкина за 1921–1923 гг. // Управление по делам архивов Администрации г. Сарапула. Ф-64 Оп. 2. Д. 255. Л. 3.
- Buch M.* Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie. 2. Ausg. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. 190 s.
- Krohn I.* Melodien der Berg-Tscheremissen und Wotjaken // Sammelbande der Internationalen Musik-Gesellschaft. Dritter Jahrgang 1901–1902. S. 430–438.
- Panoff P.* Phonographierte wotiakische, permiakische und tatarische Lieder // Zeitschrift für Musikwissenschaft, 1929. № 11. S. 609–626.
- Pelissier R.* Mordwinische Erzählungen und Lieder, Märchen und Zaubersprüche. In: Doegen, Wilhelm (Hrsg.). Inter fremden Völkern. Eine neue Völkerunde. Berlin: Stollberg, 1925. S. 233–249.

Поступила в редакцию 18.08.2022

Камитова Алевтина Васильевна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.
E-mail: akamitova@mail.ru

A. V. Kamitova

THE ROLE OF M. A. KUROCHKIN IN MAINTAINING OF THE UDMURT FOLKLORE HERITAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-221-228

The paper presents little-known and new facts from the life and work of Mikhail Alekseevich Kurochkin – one of the representatives of the Udmurt enlightenment of the early XX century. He made a valuable contribution to the development of the musical culture of the Udmurt people. The information about his multifaceted work is given. Special attention is paid to the biographical information of M. A. Kurochkin. Little-accessible and interesting factual data about the educator and teacher, revealed during the work with the documents of the funds of the archive Department of Archives of the Administration of Sarapul, Mozhginsky Pedagogical College named after T. K. Borisov as well as newspaper materials, have been introduced into scientific circulation. Some features of the songbook with notes by M. A. Kurochkin “Kubyz, 1925” are described. The book was compiled by him on the basis of collected field materials. This publication is considered in the context of the era in which the Udmurt teacher worked. His pedagogical and cultural training activities contributed to the formation of a musical direction in Udmurt science, the education of new national cadres. The study of the life and creative biography of M. A. Kurochkin, his musical and educational activities made it possible to determine his significant contribution to the cultural life of the Udmurt people of the early XX century.

Keywords: musical culture of the Udmurts, educational activities, songbook, Udmurt folklore, Mozhginsky Pedagogical College.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 221–228. In Russian.

REFERENCES

- Vichuzhanin A. G.** *Nashei yunosti obitel'* [Our youth abode]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2008. 240 p. In Russian.
- Vichuzhanin A. G.** *Stalo domom rodnym* [It became a native home]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1993. 256 p. In Russian.
- Gavrilov I.** *Todam vais'ko* [Memories]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1978. 172 p. In Udmurt.
- Gerd K.** *Udmurt kyrdzan'es* [Udmurt songs]. Izhevsk: Udkniga Publ., 1927. 113 p. In Udmurt.
- Goryaev N. V.** *Sravnitel'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Comparative etymological dictionary of the Russian language]. Tiflis: Tipografiya kants. glavnonach. gr. ch. na Kavkaze Publ., 1896. 282 p. In Russian.
- Dokumenty po lichnomu sostavu prepodavatelei, sotrudnikov i uchashchikhsya Mozhginskogo pedagogicheskogo uchilishcha (1933–1986 gg.) [Documents on the personnel of teachers, staff and students of the Mozhginsky Pedagogical College] // Arkhiv Mozhginskogo pedagogicheskogo kolledzha im. T. K. Borisova [Archive of Mozhginsky Pedagogical College named after T. K. Borisov]. Op. 2. Ll. 34–35.
- Dokumenty po lichnomu sostavu prepodavatelei, sotrudnikov i uchashchikhsya Mozhginskogo pedagogicheskogo uchilishcha (1933–1986 gg.) [Documents on the personnel of teachers, staff and students of the Mozhginsky Pedagogical College] // Arkhiv Mozhginskogo pedagogicheskogo kolledzha im. T. K. Borisova [Archive of Mozhginsky Pedagogical College named after T. K. Borisov]. Op. 4. Ll. 1, 58.
- Esipova M. V.** *Istoriya i geografiya rasprostraneniya drevnetyurkskogo termina «kobuz» («muzykal'nyi instrument»)* [The history and geography of the distribution of the ancient Turkic term «kobuz» («musical instrument»)]. *Nauchnyi Tatarstan* [Scientific Tatarstan], 2013, no. 3, pp. 26–35. In Russian.
- Nurieva I. M.** *Udmurtskaya muzykal'no-pesennaya traditsiya: spetsifika zhanroobrazovaniya i funktsionirovaniya: dis. ... dokt. iskusstv* [Udmurt music and song tradition: specifics of genre formation and functioning]. Izhevsk, 2014. 415 p. In Russian.
- Pchelovodova I. V.** *Konstruktsiya udmurtskogo traditsionnogo strunnogo instrumenta kubyz v terminologicheskoy aspekte* [The design of the Udmurt traditional stringed instrument kubyz in the terminological aspect]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 1 (20), pp. 46–51. In Russian.

Pchelovodova I. V. *Aerofony v sisteme traditsionnoi instrumental'noi kul'tury udmurtov* [Aerophones in the system of traditional instrumental culture of the Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2010, no. 1, pp. 95–108. In Russian.

P. F. *Tuzh badzym uzhmy palene kyle* [The great work remains on the sidelines]. *Kenesh* [Kenesh], 1926, no. 5–6, pp. 58–59. In Udmurt.

Pavlov N. *Dyshetis'len vunontem uzhez* [An unforgettable teacher's work]. *Molot* [Molot], 1965, no. 2, pp. 45–47. In Udmurt.

Pavlov N. P. M. A. Kurochkin [M. A. Kurochkin]. *Put' k udmurtskoi opere* [The path to the Udmurt Opera]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1969, pp. 29–32. In Russian.

Pertem ivor'es [Various news]. *Kenesh* [Kenesh], 1928, no. 10–11, s. 44–46. In Udmurt.

Timashev M. *Udmurtles' cheberlykse kyre pottono* [It is necessary to show the beauty of Udmurt]. *Kenesh* [Kenesh], 1928, no. 10–11, p. 22. In Udmurt.

Lichnoe delo M. A. Kurochkina za 1921–1923 gg. [Personal file of M. A. Kurochkin for 1921–1923] // *Upravlenie po delam arkhivov Administratsii g. Sarapula* [Department for Archives of the Administration of Sarapul]. F-64 Op. 2. D. 255. L. 3.

Buch M. *Die Wotjäken: Eine ethnologische Studie* 2. Ausg. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. 190 p.

Krohn I. *Melodien der Berg-Tscheremissen und Wotjaken* // *Sammelbande der Internationalen Musik-Gesellschaft. Dritter Jahrgang 1901–1902*. Pp. 430–438.

Panoff P. *Phonographierte wotiakische, permiakische und tatarische Lieder* // *Zeitschrift für Musikwissenschaft*, 1929, no. 11, p. 609–626.

Pelissier R. *Mordwinische Erzählungen und Lieder, Märchen und Zaubersprüche*. In: Doegen, Wilhelm (Hrsg.). *Inter fremden Völkern. Eine neue Völkerunde*. Berlin: Stollberg, 1925. Pp. 233–249.

Received 18.08.2022

Kamitova Alevtina Vasilevna,
Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher,
UdmFRC UB RAS,
4, ul. Lomonosova st., Izhevsk, 426067, Russia.
E-mail: akamitova@mail.ru

*П. С. Шахов, И. В. Зубов, Н. В. Леонова***ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР МОРДВЫ-ЭРЗИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РАЗНОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ (КАЛЕНДАРНЫЕ И КРУГОВЫЕ ПЕСНИ, СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ И ПРИЧИТАНИЯ)¹**

В статье на основе разновременных аудиоматериалов, записанных в населенных пунктах Кемеровской области в 1983, 2007, 2008 и 2011 гг., проводится исследование эрзя-мордовского песенного фольклора: календарных и круговых песен, свадебных песен и причитаний, включая необрядовый приуроченный пласт. Музыкально-поэтические тексты, записанные от сибирских переселенцев, анализируются в контексте автохтонных фольклорных традиций. При описании и сопоставлении разновременных кемеровских записей с европейскими вариантами авторы обращают внимание на некоторые поэтические, композиционные, слогоритмические и ладо-мелодические особенности песен.

Ключевые слова: песенный фольклор, разновременные записи, автохтонные и переселенческие фольклорные традиции, мордва-эрзя, фольклор народов Поволжья, Кемеровская область, сибирские переселенцы

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-229-244

Актуальность темы работы обусловлена необходимостью введения в научный оборот разновременных архивных, полевых аудиоматериалов и низкой степенью изученности фольклорных традиций сибирских переселенцев, в том числе Кемеровской области. В Таблице № 1 представлены сведения о разновременных аудиоколлекциях, записанных в ходе полевых исследований в Кемеровском регионе и хранящихся в Научном архиве НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (далее – НА НИИГН) и Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (далее – АТМ НГК).

Таблица № 1

Аудиоисточники по Кемеровской области²

Муниципальный / городской округ Кемеровской области	Населенные пункты	Коллекции НИИГН	Коллекции НГК
Прокопьевский м/о	с. Новорождественское	1983	2007, 2008
	с. Индустрия	–	2007, 2008
Ленинск-Кузнецкий м/о	с. Павловка	1983	2011
	пос. Родниковый	1983	2011
	с. Чусовитино	1983	2011
Гурьевский м/о и Беловский г/о	с. Кочкуровка	1983	2011
	с. Заречное (Улус)	1983	–
Чебулинский м/о	с. Николаевка	1983	2007

Материалы этих коллекций лишь частично исследованы в работах, посвященных общей характеристике песенного репертуара мордовского населения Сибири [Русайкин 1986], особенностям мелодики и многоголосия (с публикацией пяти кемеровских образцов из коллекции 1983 г.) [Лобанов 2008], краткой характеристике экспедиции 2007 года [Шахов 2008].

В настоящей статье осуществляется обзор разновременных фольклорных материалов эрзя-мордовского песенного фольклора Кемеровской области в контексте автохтонных фольклорных тра-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (№ 19-78-10113).

² В таблице приведены современные названия административных единиц и населенных пунктов.

диций по нескольким жанровым сферам: календарные и круговые песни, свадебные песни и причитания, приуроченный пласт необрядовых песен³.

Анализ архивных материалов 1983 г., а также автобиографических нарративов, записанных в экспедициях 2000-х гг., позволил обобщить сведения о местах и времени выхода сибирских переселенцев. Мордва-эрзя обследованных населенных пунктов Кемеровской области является потомками выходцев из сел ныне Кочкуровского и Чамзинского района Республики Мордовия. Наиболее ранние эрзянские переселенцы из с. Мокшалай (ныне Чамзинский район Республики Мордовия) переехали в сибирское с. Николаевка в 1871 году. Этим же периодом датирован переезд мордвы-эрзя из с. Подлесная Тавла (ныне Кочкуровский район Республики Мордовия) в с. Новорождественское, расположенное на берегу р. Киня. Позднее (с 1929 по 1959 гг.) в Новорождественское прибывали переселенцы из Чамзинского района Мордовии (с. Большие Ремезьнки и Малые Ремезьнки).

Эрзянские переселенцы из с. Подлесная Тавла так же переселялись на территорию Кемеровской области в 1920–1930-е годы (д. Афонин ключ и пос. Индустрия). В этот период наиболее интенсивное переселение осуществлялось из районного центра Кочкуровского района Мордовской АССР (Кочкурово), жители которого основали в Сибири одноименный населенный пункт, в названии которого позже появился суффикс -ка (Кочкуровка). Мордва-эрзя из Кочкурово также обосновывалась в сибирских селах Павловка (с 1918 по 1930 гг.) и Заречное/Улус (1920 г.). В Павловку также приезжали жители мордовских сел Новая Пырма (1924–1925 гг.) и Семилей (1937 г.). В кемеровском с. Чусовитино проживают мордва-эрзя из расположенной в 7 км. д. Ясная Поляна (исчезла в 1980-е гг.). По косвенным данным известно, что в Ясной Поляне проживали выходцы из с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия⁴. Новопырмавцы в 1955 г. так же приезжали в с. Заречное (Улус), где с 1920 г. проживали переселенцы из мордовского с. Кочкурово.

Представителей разных локальных традиций Поволжья (кочкуровской и чамзинской) при участии мордовских переселенцев с Алтайского края⁵ сформировали в пределах современных границ Кемеровской области ареалы эрзя-мордовской традиционной культуры.

В целом исследуемые жанры эрзянских фольклорных традиций Кемеровской области по различным источникам 1983–2011 гг. представлены 42-я образцами, включая варианты песен. Фольклорная коллекция 1983 г. является более объемной, а современные материалы не только характеризуют нынешнее состояние переселенческой традиции, но и степень ее сохранности.

Календарные и круговые песни

Народный календарь мордвы-эрзя Кемеровской области в обеих коллекциях представлен колыбельными песнями, записанными в 1983 (2 вар. Чусовитино, 1 вар. Павловка) и 2007 (Новорождественское) годах. При этом на ранних записях исполнители только проговаривают песенные тексты, а современный вариант зафиксирован в певческой форме. Все кемеровские варианты колыбельных песен начинаются с дважды повторенного возгласа «каляда, каляда», который в пропеваемом варианте становится рефреном и следует в начале каждого стиха. В основе колыбельки лежат восьмивременные ритмические периоды, соответствующие семисложному стиху с некоторыми вариантами слогоритма (3-4+3): см. пример № 1.

Пример № 1

Колыбельная песня (Новорождественское)

Каляда, каляда! Тупором-тапаром.	Тупором-тапаром.
Каляда, каляда! Уряж, давай сукором.	Сноха, дай лепёшку.
Каляда, каляда! Если а максак сукором.	Если не дашь лепёшку.
Каляда, каляда! Тазов пря чёра чачс(т).	Роди сына с чесоточной головой.

³ Подобная задача ставилась нами при описании песенных традиций мордвы-мокши Красноярского края [Шахов 2022].

⁴ В. Б. Русяйкин в комментарии к записанной в Павловке песне «Вай, маштыть, авкай, трямун-ванумун» указал, что ее «привезли из Ясной Поляны Кемеровской области во время свадьбы. В свою очередь песня привезена в Сибирь из д. Новая Пырма Кочкуровского района Морд. АССР» (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 140).

⁵ Переселенцы из мордовского с. Подлесная Тавла в начале 1930-х гг. сначала приезжали в с. Еланда Тогульского ныне Целинного района Алтайского края, а после обосновывались в кемеровской Индустрии. В пос. Родниковом (3-я ферма) проживают мордва-эрзя из исчезнувшего ныне с. Покровка Сорокинского района Алтайского края, переезжавшие на Кузбасс с 1937 по 1942 гг.

<p>Каляда, каляда! Лавце ланга чийнезэ. Каляда, каляда! Поза парць ваязо. Каляда, каляда! Если максак суюкором. Мазый пря цёра чачс(т) – <i>Преве улизо, вадря улизо, умнай улизо</i>⁶.</p> <p>Зап. Леоновой Н. В. в 2007 г. в с. Новорождественском от Е. Л. Сарайкиной 1930 г.р. (АТМ НГК, колл. А0234)</p>	<p>Чтоб по лавкам бегал. В квасной кадке утонул. Если дашь мне лепёшку. Красивого парня роди – Чтоб умный был, хороший был, умный был.</p>
--	--

Первая строка состоит из непереводаемого фразеологизма «тупором-тапором», который встречается в текстах, бытующих в Сибири и на европейской территории: «тупурум-тапурум»⁷, «тупырам-тапарам»⁸, «тупором-тапором»⁹, «тувором-тавором»¹⁰. Колядка с последним вариантом возгласа кричалась только в том случае, если хозяйка дома выходила к колядующим без вознаграждения (см. комментарий к тексту № 1а [Памятники... 1988, 307]). Сопоставительный анализ текстов сибирских и поволжских вариантов колядных песен показал, что непереводаемый возглас всякий раз предшествует поэтическому мотиву требования подарка (*суюкором* в пер. с эрз. ‘лепешка’), сопряженному с мотивами отрицательного пожелания / благопожелания.

Сравнительный ладомелодический анализ сибирского и «материнских» вариантов колядных песен с дважды повторенным рефреном позволил выявить общие и характерные особенности их напевов. Как кемеровская колядка, так и европейские варианты [Памятники... 1988, 61–63, 65, 68] интонируются в большетерцовом ладу с нижним опорным тоном. Отличия заключаются в особенностях мелодического рельефа дважды повторяемого возгласа «каляда, каляда». Во всех европейских напевах каждый возглас оформлен мелодическим движением от верхней опоры к нижней, поэтому рефрен представляет собой две одинаковые нисходящие мелодические линии. В сибирском образце мелодический контур дважды повторенного возгласа составляет одну нисходящую линию (в примере № 2 фрагменты транспонированы к общему опорному тону).

Пример № 2

Мелодические контуры рефренов-возгласов колядных песен

Европейские варианты	Кемеровский вариант

Таким образом, при наличии общей ладозвукорядной основы, сибирские и европейские варианты колядных песен отличаются мелодическими контурами. Так же следует отметить, что колядные песни с дважды повторенными возгласами имеют особый статус, о чем свидетельствуют данные заволжских переселенцев. С одной стороны, повтор возгласа обусловлен возможной ситуацией совмещения песни с пляской (при повторе возгласа, под колядку «хорошо плясать», что отражалось в самоназвании жанра ‘киштемань каляда’ (плясовая колядка) [Памятники... 1988, 307]), поэтому повтор носил факультативный характер¹¹. С другой стороны, форма колядки с дважды повторенным возгласом характерна для особых исполнительских групп – детей [Там же, 65, 68] и пастухов [Там же, 62–63].

⁶ Последняя строка проговаривается. Вариант этой строки, записанный П. С. Шаховым в 2008 г. от той же исполнительницы: «Аванзо вечкезы, тятянькстынь робутазо» (Чтобы мать любил, отцу помогал).

⁷ Борисово Залесовского р-на Алтайского края (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 16–17).

⁸ Сабаево Кочкуровского р-на Республики Мордовия (НА НИИГН, фонд 1978/110).

⁹ Новая Пырма Кочкуровского р-на Республики Мордовия (личный архив Л. Н. Шамовой); с. Найман Большеберезниковского р-на Республики Мордовия [Устно-поэтическое... 1981, 53–54].

¹⁰ Мордовский Бугуруслан Оренбургской обл. [Памятники... 1988, 55].

¹¹ В комментарии к колядной песне № 5, зап. в 1984 г. в с. Красные Ключи Похвистненского р-на Куйбышевской области, приведен вариант напева, исполненного без повтора, при этом его мелодический контур соответствует напеву с дважды повторенным возгласом [Памятники... 1988, 307].

Только ранними записями представлен весенний период календарного цикла кемеровской мордвы-эрзи, связанный с песнями проводов весны. Однако в экспедициях 2000-х гг. записаны интересные сведения этнографического характера, описывающие мордовский праздник, приуроченный к последнему воскресенью троицкой недели, который назывался «Весна» (Чусовитино), «Веснань чи» (Павловка) или «Йгрища» (Новорождественское). В настоящее время в этот праздник мордва-эрзя поют русские лирические песни.

Песни проводов весны, записанные в 1983 г., исполняются во время шествия за «конем» («А, слобода, слобода», Кочкуровка) и при выносе «коня» из деревни для сожжения («Веснась ютась» (Весна прошла), Чусовитино). «Конь» представлял собой ряженое чучело, которое пронесли по деревне (Павловка), после чего сжигали. У мордвы-эрзи Алтайского края (с. Борисово) сжиганию предавался другой троицкий атрибут – «кукла» из соломы и тряпок, которую надевали на палку, девочки ходили с ней по домам с песнями, собирая яйца, из которых позже в одном доме «варили яичницу». Соломенную куклу потом сжигали и бросали в реку. Мордва-эрзя Кемеровской области называли «куклами» двух ряженных девушек, которые в воскресенье после Троицы плясали перед каждым домом, а остальные пели под гармошку, хозяева выносили вареные яйца, которые молодежь съедала в лесу (Чусовитино, Павловка). Возможно, информация, записанная с промежутком около 30 лет – о сжигании «коня» (1983 г.) и ряжении девушек «кукол» (2011 г.) – дополняет друг друга, создавая целостную картину окончания праздника Троицы [Шахов 2020, 95–96].

Собиратель В. Б. Русяйкин предположил, что песня «А, слобода, слобода» (Кочкуровка), исполняемая девушками во время шествия за «конем», из «семейно-бытовой перешла в разряд хоро-водной» (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 130). Подтверждением этому служит круговая песня «Верьга юты Машура» (Поверху идет Машенька), три варианта которой записаны им же в селах Кемеровской области (Павловка, Кочкуровка, Новорождественское). В календарной и круговой сибирских песнях встречается общий сюжетный мотив – у вдовы три сына, старший нелюбимый сын (см. Пример № 3).

Пример № 3

Соотношение календарной и круговой песен кемеровской мордвы-эрзи

Фрагмент календарной песни «А, слобода, слобода» (Кочкуровка) (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837, л. 129–130)	Фрагмент круговой песни «Верьга юты Машура» (Павловка) (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 111–112)
<p>Довань колма цёранза. Колмо саинь урьванза. Покш цёранзэ да а вечксэ. Чопода кардсо кирцэ. Суткань, суткань а янцэ. Кавтынь, кавтынь а симце.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочкуровка Кемеровской области от Савелькаевой Е. Я. 1919 г.р., Литяевой М. Ф. 1918 г.р., Макарейкиной А.А. 1910 г.р., Кудашкиной М.Г. 1915 г.р., Занкиной А.А. 1907 г.р.</p> <p>У вдовы три сына. Три взятые снохи. Старшего сына, да, не любит. В темном сарае держит. Сутками его не кормит. По двое (суток) его не поит. Перевод В. Б. Русяйкина</p>	<p>Дованть колмо цёранзо, Колмо саень урьванзо, Колмо вейксэть нуцьканзо. Покш цёранзо а вечксы, Чопода кардсо кирьди, Суткань, суткань а андсы, Кавтонь, кавтонь морясы, Куштань кшиниде андсы, Мореной ведте симдсы.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Павловка Кемеровской области от Тятюшкиной М.Ф. 1899 г.р.</p> <p>У вдовы три сына, Три [взятые] снохи, Трижды по девять внуков. Старшего сына (вдова) не любит, В темной конюшне держит, Сутками не кормит, По двое суток голодом морит, Заплесневелым хлебом кормит, Мореной водой поит. Перевод В. Б. Русяйкина</p>

Поэтический мотив о нелюбви вдовы к старшему сыну имеет место в ряде круговых эрзянских песен, записанных в европейской части России¹². Композиция европейских вариантов песни «Вирьга юты Машура» состоит из четырехстрочных строф, следующих друг за другом по типу цепной формы: ab / ab / b / cd – см. Пример № 4.

Пример № 4

Структура строфы европейских образцов песни «Вирьга юты Машура»

«Вирьга юты Машура» с. Мордовская Кармалка Лениногорского р-на Татарской АССР [Мордовские народные песни 1969, 308]		«Вирьга моли Машура» с. Большой Толкай Похвистневского р-на Куйбышевской обл. [Памятники... 1988, 289]	
13. Дованть колмо цёранзо, Дованть колмо цёранзо, Цёранзо, Колмо саень урьванзо.	ab ab b cd	11. Дованть колмо цёранзо, Дованть колмо цёранзо. Цёранзо! Колмо саень урьванзо.	ab ab b cd

В композиционном и слогоритмическом отношении сибирская календарная песня «А, слобода, слобода» идентична другому европейскому варианту круговой песни «Вирьга юты Машура» (По лесу идет Машенька), записанному в с. Новая Кармала Кошкинского района Куйбышевской области [Памятники... 1988, 303–304]. В обоих случаях структура поэтической строфы – трехстрочная с цепной строфикой (ААВ / ВВС) и повтором второй и третьей мелострок (АВВ₁) – см. пример № 5.

Пример № 5

Структура строфы и слогоритмическая реализация европейского и сибирского песенных вариантов

«Вирьга юты Машура» с. Новая Кармала Куйбышевской области		«А, слобода, слобода» с. Кочкуровка Кемеровской области	
4. Тосо эри довине, Тосо эри довине (да), Дованть колмо цёранзо. Там живет вдовушка, Там живет вдовушка (да), У вдовы три сына.	А А В	5. Довань колма цёранза, Довань колма цёранза, Колма саинь урьванза. У вдовы три сына, У вдовы три сына, Три взятые снохи.	А А В

Кроме этого, кемеровский и куйбышевский варианты можно отнести к образцам фольклорного двуязычия – их объединяет наличие трех строф, исполненных на русском языке (в сибирском варианте в начале песни, в европейском – в конце) – см. пример № 6.

¹² В Оренбургской области – «Вай, телине» (Вай, зимушка) [Памятники... 1988, 250]; в Куйбышевской области – «Вирьга моли Машура» (По лесу идет Машенька) [там же, 289], «Вирев моли Машура» (В лес идет Машенька) [там же, 295]; в Татарской АССР – «Вирьга юты Машура» [Мордовские народные песни 1969, 308]. Поэтический мотив о нелюбви вдовы к старшему сыну чаще всего следует во второй половине песни, в отличие от сибирского варианта «А, слобода, слобода», который с него начинается.

Строфы на русском языке в эрзянских песнях

Куйбышевский вариант (с. Новая Кармала) «Верьга юты Машура»	Кемеровский вариант (с. Кочкуровка) «А, слобода, слобода»
5. Слободушка, слобода, Слободушка, слобода (да), Невеличка, не мала.	1. А слобода, слобода, да, Не велика, не мала.
6. Невеличка, не мала. Невеличка, не мала (да), Только сорок три двора.	2. Не велика, не мала Не велика, не мала, да, Ровно сорок три двора.
7. Только сорок три двора, Только сорок три двора (да), На краю там третий дом.	3. Ровно сорок три двора, Ровно сорок три двора, да, На краюшке третий двор.

Следует также отметить, что календарная песня «А, слобода, слобода» (Кочкуровка) по композиционным и слогоритмическим параметрам идентична сибирским вариантам круговой песни «Верьга юты Машура» (Новорождественское, Кочкуровка), которая в свою очередь составляет стилевое единство с другой круговой песней «Кува якан, гуляен», записанной в целом ряде кемеровских сел (Новорождественское, Кочкуровка, Павловка, Чусовитино) – см. Пример № 7.

Фрагмент текста песни «Кува якан, гуляен» и слогоритмическая композиция строфы (Новорождественское)

Кува якан, гуляен, Кува якан, гуляен, Монць аванень а ёвтан.	Где хожу, гуляю, Где хожу, гуляю, Сама матери не скажу.
Монць аванень а ёвтан, Монць аванень а ёвтан, Ёвтань довань Просайнень.	Сама матери не скажу, Сама матери не скажу, Скажу вдове Просковье.
Зап. В. Б. Русайкиным в 1983 г. в с. Новорождественское Кемеровской обл. от Е. В. Ермушовой 1898 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-836, л. 34)	Перевод И. В. Зубова

В с. Чусовитино песню «Кува якан гуляен» исполнили более протяжно, однако с сохранением трехстрочной композиции строфы, характерной для данной жанровой подгруппы круговых песен.

Все рассмотренные выше песни («А, слобода, слобода», «Верьга юты Машура», «Кува якан, гуляен»), бытующие у кемеровской мордвы-эрзи, составляют единый комплекс, объединенный в первую очередь музыкально-стилевыми и частично сюжетно-тематическими параметрами. Одна из этих песен («А, слобода, слобода») приурочена к весенне-летнему периоду календарного обрядового комплекса¹³.

¹³ По всей видимости высокая степень приуроченности необрядовых песен в целом характерна для массовых календарных праздников. Так, исследователи автохтонных мордовских традиций отмечают, что карнавал-шествие, завершающий проводы весны (эрз. «тундонь ильтямо», мокш. «тундань прважама»), сопровождался исполнением круговых песен, инструментальных наигрышей под пляску, а также протяжных песен, приуро-

Статистически степень сохранности круговых песен в настоящее время остается на высоком уровне (в ранней и современной коллекциях содержится по 11 образцов). Тем не менее, если в 1983 г. было зафиксировано семь вариантов песен, составляющих единую группу по музыкально-стилевым и сюжетно-тематическим параметрам (1 вар. «А, слобода, слобода», 3 вар. «Верьга юты Машура», 4 вар. «Кува якан гулеян»¹⁴), то в 2011 г. удалось записать только один фрагмент песни «Кува якан гулеян», исполненной на частушечный напев: «Это тоже песня, частушка, наверное» (А. В. Адмайкина, Павловка: АТМ НГК, колл. А0251), что свидетельствует об исчезновении из фольклорного репертуара данной подгруппы круговых песен.

Зато в настоящее время у мордвы-эрзи Кемеровской области, как и в других сибирских селах, хорошо сохранились круговые песни гибридного стиливого вида¹⁵, к которым относится чрезвычайно популярная песня «Самсон леляй ков якить?» (Брат Самсон куда ходил?) / «Исяк якинь Найману» (Вчера ходил в Найманы), записанная в восьми вариантах (3 вар. в 1983 г., 5 вар. в 2000-е гг.), «Кавто цёрат тикше ледить» (Два парня сено косили) (Чусовитино, 1983 г.; Новорождественское, Индустрия, 2007–2008 гг.), а также единичные записи песен «Луганясо келунясь» (На лугу береза) (Николаевка, 2007) и «Кода лёнась видеме?» (Как лён сеять?) (Новорождественское, 2008).

Круговые песни гибридного стиливого вида составляют группу песен с ритмическим контрастом во второй половине четырехстрочной строфы, который часто сопровождается различными элементами танцевальной пластики (прихлопы, притопы), чему способствует акцентный тип ритмики и появление рефренных вставок. Круговая песня «Луганясо келунясь» относится исследователями к одной из форм, заимствованных мордвой хороводных песен, а именно, к типу «На горюшке, на горе» [Булычева 2003, 86–89]. Продолжая логику определения заимствованных напевов, предложенную Н. Е. Булычевой, круговую песню «Самсон леляй ков якить?» можно отнести к типу «На горе-то калина» в связи с близостью формы слогового ритма и мелострофы к известной русско-украинской песне (см. Пример № 8). Напев и некоторые сюжетно-тематическими линии песни «Кавто церат тикше ледить» связаны с русской песней про вора Игнашку «Пошли девки на работу», которая так же записана от кемеровской мордвы-эрзя с. Индустрия в 2008 году.

Пример № 8

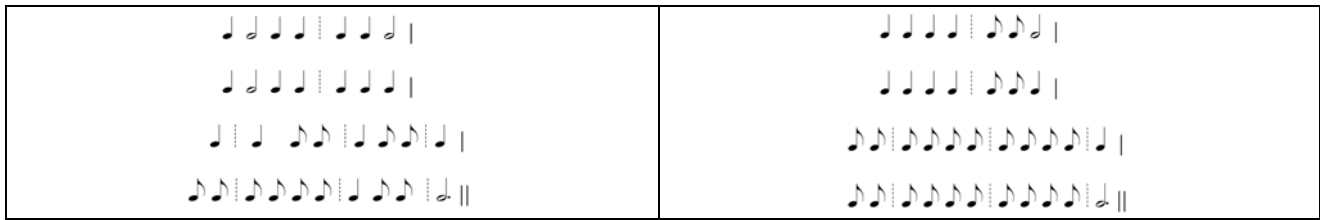
Структура строфы круговых песен и их слогоритмическая реализация

Тип «На горюшке, на горе»		Тип «На горе-то калина»	
Луганясо куленясь,	ab	Исяк якинь Найману,	ab
Луганясо куленясь.	ab	Исяк якинь Найману.	ab
Точь-мочь, кумандерь, келунясь,	Rb	Исяк якинь, харошенькай, Найману,	arb
Вечка кума, кумандерь, келунясь.	Rb	Исяк якинь, серенинькай, Найману.	arb
Зап. Шаховым П. С. и Леоновой Н. В. в 2007 г. в с. Николаевка Кемеровской обл. от фольклорного ансамбля «Ялгам» (АТМ НГК. Колл. А0235)			

ченных к проводам весны [Бояркина 2011, 334–336]. Л.Б. Бояркина приводит нотную транскрипцию долгой песни «Илязо пува варма вирь ланга» (эрз. «Пусть не дует ветер над лесом»), которая по всей видимости приурочена к последнему этапу мордовского праздника проводов весны. Именно эта песня, относящаяся к лирическим, записана в селах Кемеровской области (Кочкуровка, Павловка, Чусовитино) в шести вариантах (3 вар. 1983 г., 3 вар. 2011 г.), но их исполнение не связано с обрядовым комплексом проводов весны. Тем не менее, сравнение сибирских записей с материнским вариантом позволило выявить как общие элементы, связанные с слогоритмической структурой напевов, так и различия, относящиеся прежде всего к ладомелодическим характеристикам [Шахов 2020, 127–130].

¹⁴ В своем отчете В. Б. Русяйкин отмечал, что песня «Кува якан гулеян» чрезвычайно распространена во всех сибирских сёлах (НА НИИГН при Правительстве РМ. Ед. Хр. Л-836. Л. 8).

¹⁵ Гибридный стиливой вид круговых песен определяется наличием: 1) заимствованного напева русских, украинских хороводных песен; 2) двухчастной структурой строфы с ритмическим контрастом (AA₁/BB), включающим разные типы ритмики (А – цезурированную; В – сегментированную) [Шахов 2020, 157, 162].

Широкое бытование эрзянских круговых песен гибридного стиливого вида в репертуаре мордовских фольклорных ансамблей с Николаевка («Ялгам», рук. В. М. Сергеева) и с Индустрия («Эрзянки», рук. А. Я. Шотт) привлекло внимание областных деятелей культуры, которые на материале песенно-танцевального фольклора мордвы-эрзи Кузбасса подготовили учебное пособие для руководителей творческих коллективов [Палилей 2012].

Отдельно следует сказать про песню «Ой, верьга, верьга» (Ой, высоко, высоко), записанную в 2007 г. в с. Николаевка¹⁶. Двустрочная строфа (АВ) состоит из 10-сложных стихов, координированных с напевом, в основе ритмической организации которого лежат квантитативные музыкальные стопы – см. пример № 9.

Пример № 9

**Типовой вариант слогоритмической организации мелострофы песни
«Ой, верьга, верьга» (Николаевка)**

Ой, ко-зонь, ко-зонь вал-гат яр-ца-му? / Пи-жи лу-га лангс вал-ганы яр-ца-му.

Свадебные песни и причитания

Как показывают одновременные источники, свадебный фольклор мордвы-эрзи со временем претерпел значительные изменения. Если в 1983 г. были записаны полноценные музыкально-фольклорные образцы свадебных песен и причитаний двух локальных традиций Кемеровской области (Кочкуровка¹⁷, Чусовитино¹⁸), то в 2000-е гг. при опросе информантов удалось зафиксировать некоторые этнографические подробности свадебного обряда и фрагмент корильной песни (Новорожденское¹⁹).

Благодаря материалам 1980-х гг. стало возможным в некоторой степени реконструировать последовательность обрядовых действий, которые сопровождалась эрзянскими песнями и причитаниями. Так, причитания 'аварькшнимат' исполнялись невестой в родительском доме во время благословения матери (Кочкуровка), во дворе дома жениха (причет-ответ корильщикам, обращение к лошади, обращение к чужой родне при снятии шубы, причитание при сходе с свадебной кибитки 'он-авы', при входе в дом жениха – Кочкуровка), а также внутри дома жениха (причитание у печного окна после смены девичьей одежды / украшения лентами / снятия фаты – Чусовитино, Кочкуровка). Развитый комплекс причитаний невесты в доме жениха характерен для автохтонной эрзя-мордовской традиции Кочкуровского района Республики Мордовия, о чем свидетельствуют описания свадебного

¹⁶ Близкий вариант поэтического текста песни «Ой, верьга, верьга», записанный в 1921 г. в с. Мачкасы ныне Пензенской области, помещен в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (т. 7, ч. 3) в раздел «Троицкие песни» среди песен проводов весны [Устно-поэтическое... 1981, 158].

¹⁷ Причитания невесты 'аварькшнимат', исполняемые в родительском доме (благословение матери), во дворе и в доме жениха; песни свахи, исполняемые в доме невесты и жениха; корильная песня 'парявтнемат', исполняемая в доме жениха при ожидании невесты; величание невесты при украшении лентами в доме жениха; песня благодарения родителей жениха, исполняемая родней невесты.

¹⁸ Причитания невесты в доме жениха; корильная песня 'парявтнемат' невесте, исполняемая родственницами жениха до и после венчания; величальная песня невесте, исполняемая в доме жениха после смены венчального платья; песня благодарения родителей жениха, исполняемая родней невесты.

¹⁹ Корильная песня на встрече жениха 'парявтнема'.

обряда с. Старые Турдаки, расположенного в нескольких километрах от сел Семилей и Кочкурово, откуда приехали кемеровские переселенцы [Устно-поэтическое... 1972, 218–224]²⁰.

Музыкально-стилевой анализ причитаний невесты, зафиксированных в с. Кочкуровка, позволил выявить, что слоговая музыкально-ритмическая форма напевов опирается на цезурированные ритмические периоды со стабильным (5+3, 4+5) и нестабильным (2-6+3, 4-5+3-5) количеством слогов (Пример № 10).

Пример № 10

Фрагменты текстов и слогоритмическая форма свадебных причитаний 'аварькшнимат' (Кочкуровка)

Напев со стабильным количеством слогов (5+3)	Напев с нестабильным количеством слогов (4-5+3-5)
<p>Баславамак, авакай, Авуль кулумга, а ёмамга – Кувака пингинь эрямга.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочкуровка от М. Ф. Литяевой 1918 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 45).</p> <p>Благослови, матушка, Не на смерть, не на пропажу – На долгую жизнь.</p> <p style="text-align: right;">Перевод И. В. Зубова</p>	<p>Эзинь радува ятынь чубазынк, Эзинь радува пырнавтызыт-сэрнявтызыт. Кельми гуинь ёжоза.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочкуровка от М. Ф. Литяевой 1918 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 41–42).</p> <p>Не обрадовалась вашей вражьей шубе, Не обрадовалась вашему подарку²¹. Она (шуба) как холодная змея.</p> <p style="text-align: right;">Перевод И. В. Зубова</p>
	

Отличительными особенностями обладает напев причитания невесты, записанный в с. Чусовитино, ритмическая организация которого опирается на квантитативные стопы, каждая из которых соответствует слову, при этом мелострока состоит из трех ритмических стоп (см. Пример № 11).

Напев причитания невесты с. Чусовитино и рассмотренный выше образец круговой песни «Ой, верьга, верьга» (Николаевка) типологически схожи и относятся к квантитативно-стопному музыкально-ритмическому типу, который, как известно, является одним из основных в ритмической организации родственного мордве песенного фольклора удмуртов [Гиппиус 1941, 79], а также имеет прямое отношение к ритмике чувашской народной песни [Кондратьев 1990, 34].

²⁰ Свадебные причитания невесты, исполнявшиеся в обоих локусах (в родительском доме и в доме жениха), отличают кемеровскую от другой переселенческой традиции мордвы-эрзи Алтайского края, где невеста причитывает только в родительском доме.

²¹ Пырнавтызыт-сэрнявтызыт – дословно «собранное-приготовленное».

В селах Кемеровской области так же записаны корильные песни ‘парявтнемат’, адресованные невесте, которые исполняются родней жениха во время ожидания. Форма напевов корильных песен строфическая двустрочная, включающая дважды повторенный семи-, восьмисложный ритмический период (Кочкуровка, Чусовитино): см. Пример № 13.

Пример № 13

**Поэтическая строфа и слогоритмическая форма
политекстового напева ‘парявтнемат’ (Чусовитино, Кочкуровка)**

Чинь чопотеманть учизе, Суньдергадыманть учизе. Зап. В. Б. Русяйкиным в с. Кочкуровка Кемеровской обл. от М. Ф. Литяевой 1918 г.р., Е. Я. Савелькаевой 1919 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 46–47).	Захода солнца (она) дождалась, Сумерек (она) дождалась. Перевод И. В. Зубова.

Корильная песня, записанная в 2008 г. в с. Новорождественское (АТМ НГК, колл. А0240), адресована жениху и исполняется в доме невесты. Однострочная композиция напева включает в основном шести-, семисложные ритмические периоды (4+2-3): см. пример № 14.

Пример № 14

Слогоритмическая форма напева корильной песни (Новорождественское)

Особенности кемеровских вариантов свадебных корильных песен (семи- и восьмисложный стих, восходящий мелодический контур окончания напева, а также обилие эротической лексики) свидетельствуют о сохранности в переселенческой традиции базового стиливого комплекса, характерного для эрзянской свадьбы автохтонного бытования.

Приуроченные к свадьбе необрядовые песни

В коллекции 1983 г. также имеются образцы приуроченных к свадьбе эрзянских шуточных и лирических песен, исполняемых в доме жениха. К ним относятся шуточные песенные укоры, исполнявшиеся родственниками жениха, адресованные невесте (Кочкуровка). Один из имеющихся образцов «Саик, саик тейтирит» (Возьми, возьми свою дочь) на аудиозаписи проговаривается, другой исполняется с напевом строчной формы, координированным со стихом 4+4+5 (Пример № 15).

Пример № 15

Фрагмент текста и слогоритмическая форма шуточной песни «Ков тейсыник»

1. Ков тейсыник, ков тейсыник, те берень поланть? 2. Ков тейсыник, ков тейсыник, те берень вастанть? Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочкуровка от Е. Я. Савелькаевой 1919 г.р.	1. Куда денем, куда денем эту плохую жену? 2. Куда денем, куда денем эту плохую супругу? Перевод И. В. Зубова.

К ситуации благодарения свахи приурочена лирическая песня «Авулинь симе мон винада» (Не пила бы я вина), которую в доме жениха исполняли ‘сюокор ускицетне’ (досл. «везущие лепешки»)²².

²² Обычно это были стряпухи, родственницы со стороны жениха, которые пекли свадебные пироги.

Поэтическая двустрочная строфа песни состоит из восьмисложных стихов 4+4. Мелострофа включает дважды повторенный ритмический период со вставками из междометий ('э, да', 'эх', 'эхе') и сло-вообрывами, которые усиливают ритмическую пульсацию напева (Пример № 16).

Пример № 16

**Фрагмент текста и слогоритмическая форма
лирической песни «Авулинь симе мон винада» (Кочкуровка)**

<p>1. Авулинь симе, э, да, мон винада, эх, Авулинь симе мон брагада. 2. Вечкан пара, э, да, мон родняда, эхе, Кельган²³ пара, э, да, совахада.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочку- ровка от Е. Я. Савелькаевой 1919 г.р., М.Ф. Литяе- вой 1918 г.р.</p>	<p>1. Не пила бы, э, да, я вина, эх, Не пила бы я браги. 2. Люблю я хорошую, э, да, я родню, эхе, Люблю хорошую, э, да, сваху.</p> <p>Перевод И. В. Зубова.</p>

К необрядовым приуроченным песням также относится лирическая песня «Адядо, братцы, минек масторов» (Пойдемте, братцы, в наши края), которая исполняется родственниками невесты в до-ме жениха при приглашении его родни в дом невесты (Чусовитино)²⁴. Десятисложный стих (5+5) со-ставляет двустрочную строфическую композицию, мелострофа фактически состоит из одной сло-горитмической формулы, повторенной четыре раза (Пример № 17).

Пример № 17

Фрагмент текста и слогоритмическая форма лирической песни «Адядо, братцы» (Чусовитино)

<p>Адядо, братцы, да, минек масторов, Адяды, братцы, да, минек сторонав.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Чусовитино от М. Л. Ереминой 1921 г.р., Е. Г. Лобановой 1911 г.р., М. Д. Живаевой 1905 г.р., П. И. Занкиной 1930 г.р., М. Е. Солдаткиной 1930 г.р.</p>	<p>Пойдемте, братцы, в наши края, Пойдемте, братцы, в нашу сторону.</p>

В с. Чусовитино в 2011 г. от Н. Е. Матюшкиной 1933 г.р. (АТМ НГК, колл. А0251) была запи-сана эта же песня, в которой полностью сохранены композиционные и слогоритмические особен-сти напева, зафиксированного в 1983 году.

Несмотря на то, что в настоящее время удается зафиксировать отдельные песенные образцы свадебной обрядности, включая приуроченную лирику, тем не менее, приходится констатировать практически полное угасание эрзянской свадебной традиции у переселенцев Кемеровской области. Вместе с тем, в 1983 г. и в 2000-е гг. от кемеровской мордвы-эрзи были записаны лирические песни

²³ Слово 'кельган' (люблю) – заимствование из мокшанского языка.

²⁴ В с. Павловка Кемеровской области в 1983 г. зафиксировано два варианта этой песни без жанровой приуро-ченности к свадебному обряду.

на русском языке, приуроченные к свадьбе, исполняемые в доме невесты, когда жениха встречали «Живи, живи, душа, Люда/Ира/Рая/Нюра» (Чусовитино, 1983; Павловка, 2011), когда невесту выкупали «У родимой маменьки» (Индустрия), которые заняли свое место в музыкальном оформлении свадебного обряда и пока остаются более сохранны.

Выводы

На данном этапе исследования эрзя-мордовского фольклора одного из сибирских регионов на материале календарных и круговых песен, свадебных песен и причитаний (включая необрядовый приуроченный пласт) нам было важно собрать воедино, описать и проанализировать разновременные аудиоисточники, записанные в селах Кемеровской области и по возможности установить связи с исходными поволжскими региональными традициями. Анализ архивных и полевых материалов позволил обобщить сведения о местах и времени выхода сибирских переселенцев, установить автохтонные локальные традиции Кочкуровского и Чамзинского района Республики Мордовия, связанные с переселенческим ареалом Кемеровской области.

Сформирован исчерпывающий корпус разновременных аудиозаписей по исследуемым жанрам, состоящий из 42-х образцов, включая варианты песен, 29 из которых зафиксированы в 1983 г., 13 – в 2000-е гг. Диахронический анализ разновременных коллекций показал высокую степень сохранности зимнего периода календарного цикла кемеровской мордвы-эрзи (колядные песни), а также круговых песен гибридного стилевого вида.

Музыкально-поэтический анализ календарных и круговых песен, записанных в 1983 г., позволил выявить группу песен, связанных общим поэтическим мотивом о нелюбви вдовы к старшему сыну («А, слобода, слобода», «Верьга юты Машура»), а также композиционными и музыкально-стилевыми параметрами: трехстрочная строфа цепной формы ААВ/ВВС с повтором второй и третьей мелострок АВВ («А, слобода, слобода», «Верьга юты Машура», «Кува якан, гулеян»). В настоящее время отмечено исчезновение данной подгруппы круговых песен из фольклорного репертуара кемеровской мордвы-эрзи при сохранении круговых песен гибридного стилевого вида.

В результате анализа свадебных причитаний невесты (Чусовитино, Кочкуровка), установлен наиболее близкий кемеровской традиции вариант свадьбы с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия с развитым комплексом причитаний невесты на территории дома жениха. Музыкально-стилевой анализ свадебного причитания (Чусовитино, 1983) и круговой песни «Ой, верьга, верьга» (Николаевка, 2007) позволил отнести организацию их напевов к квантитативно-стопному музыкально-ритмическому типу, который является одним из основных в ритмической организации песенного фольклора удмуртов и чувашей.

Констатируя в настоящее время угасание свадебных фольклорных традиций кемеровской мордвы-эрзи, на материале ранних записей отмечена сохранность базового стилевого комплекса автохтонной свадебной традиции, о чем свидетельствуют выявленные музыкально-поэтические особенности свадебных песен ‘морсемат’ (зачинная строфа из междометий «Ихя, ёх, вая, ёх, вая, ёх»), двустрочная мелострофа со стихом 5+3 / 6+3) и корильных величаний ‘парявтнемат’ (обсценная лексика, двустрочная мелострофа со стихом 4(5)+3). Выявлены музыкально-стилевые особенности напевов шуточных и лирических эрзянских песен, приуроченных к свадьбе, исполняемых как стороной жениха, так и стороной невесты. Отмечено наличие разновременных записей русских лирических песен, исполняемых в доме невесты и занявших свое место в музыкальном оформлении свадебного обряда.

Дальнейшее детальное рассмотрение всего комплекса неприуроченных лирических песен кемеровской мордвы-эрзи позволит составить целостное представление о жанровой системе переселенческой фольклорной традиции Кузбасса.

ЛИТЕРАТУРА

Булычева Н. Е. Фольклор и фольклоризм периода формирования профессиональных традиций (на материале мордовской музыки) / под ред. Л. Б. Бояркиной. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2003. 240 с.

Гиттис Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки Удм. НИИ ист., яз., лит. и фольк. при СНК УдмАССР. Вопросы яз., лит. и фольк. Вып. 10. Ижевск, 1941. С. 61–88.

Кондратьев М. Г. О ритме чувашской народной песни: к проблеме квантитативности в народной музыке. М.: Сов. Композитор, 1990. 144 с.

Лобанов М. А. Традиционные напевы южносибирской мордвы (песни, причитания) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. Н. И. Бояркин. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2008. С. 343–393.

Мордовские народные песни / сост., муз. ред. и авт. предисл. Г. И. Сураев-Королев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 342 с.

Палилей А. В., Орлова А. П., Кимеева Т. И. Традиционная обрядовая культура и песенно-танцевальный фольклор мордвы и белорусов Кузбасса: методические рекомендации для руководителей творческих коллективов. Кемерово: ООО «Примула», 2012. 108 с.

Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 3. Эрзянские приуроченные песни и плачи Заволжья. Сост. Н. И. Бояркин, под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. 337 с.

Русяйкин В. Б. О песенном репертуаре мордовского населения Сибири // Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов. Тр. Науч.-исслед. ин-та яз., лит., ист. и эк. Т. 86 / сост., отв. ред. Н. И. Бояркин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. С. 72–80.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6. Ч. 1. Эрзянская свадебная поэзия. Общ. ред. К. В. Чистова и Л. С. Кавтаскина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. 472 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Общ. ред. Б. П. Кирдана. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 304 с.

Шахов П. С. Песни мордвы-эрзя из трех сел Кемеровской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Мат. межд. науч. конф. Вып. 7. Под ред. Щегловой Т. К., Октябрьской И. В. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. С. 239–242.

Шахов П. С. Эрзянские и мокшанские фольклорные традиции сибирского бытования: свадьба, календарь, круговые песни / отв. ред. Н. В. Леонова. Новосибирск: Академиздат, 2020. 387 с.

Шахов П. С., Зубов И. В., Леонова Н. В. Мокшанский песенный фольклор Красноярского края и Республики Хакасия (к вопросу о соотношении автохтонных и переселенческих фольклорных традиций) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 166–182.

Поступила в редакцию 25.04.2023

Шахов Павел Сергеевич

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: pashahoff@mail.ru

Зубов Игорь Васильевич

кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8;
главный научный сотрудник,
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия,
430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3
E-mail: komoro@rambler.ru

Леонова Наталья Владимировна

кандидат искусствоведения, профессор,
Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки,
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Советская, 31.
E-mail: nleonova53@mail.ru

P. S. Shakhov, I. V. Zubov, N. V. Leonova

ERZYA MORDVIN FOLKLORE SONGS RECORDED IN DIFFERENT PERIODS IN KEMEROVO OBLAST (CALENDAR AND CIRCLE SONGS, WEDDING SONGS AND LAMENTATIONS)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-229-244

In the following article, we use various audio materials recorded in 1983, 2007, 2008, and 2011, Kemerovo Oblast, to study the Erzya Mordvin song folklore, namely calendar and circle songs, wedding songs and lamentations, including non-ritual songs that are sung under certain circumstances. Records of musical texts and lyrics received from Mordvin settlers in Siberia are analyzed in contrast with autochthonous traditions. While describing and contrasting the Kemerovo records with the European variations of the same songs, we pay special attention to certain lyrical, compositional, syllabic-rhythmic, and mode-melodic traits of these songs.

Keywords: song folklore, records from various periods, autochthonous and migratory folklore traditions, Erzya Mordvin, Volga Region folklore, Kemerovo Oblast, Siberian settlers

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 229–244. In Russian.

REFERENCES

Bulycheva N. E. *Fol'klor i fol'klorizm perioda formirovaniya professional'nykh traditsiy (na materiale mordovskoy muzyki)* [Folklore and folklorism of the period of formation of professional traditions (based on the material of Mordovian music)]. L. B. Boyarkina (Ed.). Saransk, MSU Publ., 2003, 240 p. In Russian.

Gippius E. V., Eval'd Z. V. *K izucheniyu poeticheskogo i muzykal'nogo stilya udmurtskoi narodnoi pesni* [To study the poetic and musical style of the Udmurt folk song]. Zapiski Udm. NII ist., yaz., lit. i fol'k. pri SNK UdmASSR [Notes of the Udmurt Research Institute of History, Language, Literature and Folklore at the SNK UdmASSR]. Vol. 10. Izhevsk, 1941, p. 61–88. In Russian.

Kondrat'ev M. G. *O ritme chuvashskoi narodnoi pesni: k probleme kvantitativnosti v narodnoi muzyke.* [On the Rhythm of the Chuvash folk song: on the problem of quantity in Folk Music]. M., 1990. 144 p. In Russian.

Lobanov M. A. *Traditsionnye napevy yuzhnosibirskoi mordvy (pesni, prichitaniya)* [Traditional tunes of the South Siberian Mordvins (songs, lamentations)]. Finno-ugorskie muzykal'nye traditsii v kontekste mezhetnicheskikh otnoshenii [Finno-Ugric musical traditions in the context of interethnic relations]. N. I. Boyarkin (Comp., Ed.). Saransk, 2008, pp. 343–393. In Russian.

Mordovskie narodnye pesni [Mordovian folk songs]. G. I. Suraev-Korolev (Comp., Ed., Intr. art.). Saransk, 1969. 342 p. In Russian.

Palilei A. V., Orlova A. P., Kimeeva T. I. *Traditsionnaya obryadovaya kul'tura i pesenno-tantseval'nyi fol'klor mordvy i belorusov Kuzbassa* [Traditional ritual culture and song and dance folklore of the Mordvins and Belarusians of Kuzbass]. Kemerovo, 2012. 108 p. In Russian.

Pamyatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva: V 3 t. [Monuments of Mordovian folklore music: In 3 vols]. N. I. Boyarkin (Comp.), E. V. Gippius (Ed.). Vol. 3: Erzyanskie priurochennye pesni i plachi Zavolzh'ya [Erzya songs and lamentations of the Volga region]. Saransk, 1988, 337 p. In Russian.

Rusyaikin V. B. *O pesennom repertuare mordovskogo naseleniya Sibiri* [About the Mordovian songs of the Siberia]. Fol'klor v tvorchestve mordovskikh pisatelei i kompozitorov [Folklore in the works of Mordovian writers and composers]. Proceedings, vol. 86. N. I. Boyarkin (Comp., Ed.). Saransk, 1986, pp. 72–80. In Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Vol. 6, iss. 1. Erzyanskaya svadebnaya poeziya [Erzya Wedding Poetry]. K. V. Chistov, L. S. Kavtas'kin (Ed.). Saransk, 1972. 472 p. In Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Vol. 7, iss. 3. Kalendarno-obryadovye pesni i zagovory [Calendar-ritual songs and spells]. B. P. Kirdan (Ed.). Saransk, 1981. 304 p. In Russian.

Shakhov P. S. *Pesni mordvy-erzya iz trekh sel Kemerovskoi oblasti* [Songs of the Mordvins-Erzya from three villages of the Kemerovo region]. Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Vol. 7. Shcheglova T.K., Oktyabr'skaya I.V. (Ed.). Barnaul, 2008, pp. 239–242. In Russian.

Shakhov P. S. *Erzyanskie i mokshanskie fol'klornye traditsii sibirskogo bytovaniya: svad'ba, kalendar', krugovye pesni* [Erzya and Moksha folklore traditions of Siberian existence: wedding, calendar, circle songs]. N. V. Leonova (Ed.). Novosibirsk, Akademizdat, 2020, 388 p. In Russian.

Shakhov P. S., Zubov I. V., Leonova N. V. *Mokshanskii pesennyi fol'klor Krasnoyarskogo kraya i Respubliki Khakasiya (k voprosu o sootnoshenii avtokhtonnykh i pereselencheskikh fol'klornykh traditsii)* [Moksha song

folklore of the Krasnoyarsk Krai and the Republic of Khakassia (on the relationship between autochthonous and migratory folklore traditions)]. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 166–182. In Russian.

Received 25.04.2023

Shakhov Pavel Sergeevich

Candidate of Art Criticism, Senior Researcher,
Institute of Philology of the SB RAS
8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia,
E-mail: pashahoff@mail.ru

Zubov Igor Vasilevich

Candidate of Philosophy, Senior Researcher,
Institute of Philology of the SB RAS
8 Nikolaeva st., 630090, Novosibirsk, Russia,
Research Institute of the Humanities,
3 Tolstoy st., Saransk, 430005, Russia
E-mail: komoro@rambler.ru

Leonova Natalya Vladimirovna

Candidate of Art Criticism, Professor
M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory
31 Sovetskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia
E-mail: nleonova53@mail

Anikó Polgár

STEREOTYPES IN THE HUNGARIAN TRANSLATIONS OF CONTEMPORARY FINNISH POETRY

This study examines the modes of cultural mediation in Hungarian translations of contemporary Finnish poetry. The analysis focuses on the translations of Béla Jávorszky (1940), who has particularly great merits in the Hungarian reception of contemporary Finnish literature. The question of the relationship between translation and stereotypes comes to the fore: the aim is to determine the extent to which poetry translations reflect and reinforce the stereotypes of the Hungarian reader regarding Finnish culture and poesy. The two authors studied are Sirkka Turkka (1939) and Jouni Inkala (1966). Turkka's poems translated into Hungarian represent the closeness of Finnish poetry to nature, but Hungarian readers do not perceive the different degrees of this closeness to nature, which range from idyllic to raw and animalistic images of nature. Jávorszky's translations are dominated by emotional idyll. An important feature of Inkala's poetry is the presentation and updating of linguistic polysemy, omissions, intermedial attachments, and elements of cultural memory. In Jávorszky's translations, the polysemy of meanings often narrows, the rhetorical structures become more ordinary: the translator seems to want to spare the Hungarian reader from a surprise encounter with the originality and novelty of Inkala's poetry.

Keywords: cultural mediation, Hungarian translation, contemporary Finnish poetry, Béla Jávorszky, Sirkka Turkka, Jouni Inkala

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-245-254

Literary translation can be interpreted as a cultural practice, or, in a more radical way, even as manipulation: similarly to other segments of culture, literature and translation are subject to the pressures of power. In terms of culture, language and translation, manipulation is not necessarily conscious, as it may also be related to the problem of unconscious transmission of stereotypes. Questions about the relationship between translation and stereotypes can generally be found in the literature in the context of postcolonial discourse: a more advanced, civilized culture develops and nurtures certain stereotypes about the colonized culture which it considers inferior [Sengupta 1995, 162]. However, stereotypes are present in the selection and possible retuning of translated texts even if there is no power relationship between the transmitting and receiving cultures.

Instead of always conveying something new to the host culture, literary translation is often based on familiarity, expectations, and the image of the source language culture that has already developed in the given target language culture. Cultural mediation is always partial, its perspectives changeable. If we examine these different positions in the case of literary translations, the factors influencing the perception of the source language culture in the given target language medium can be revealed to us, and we can also shed light on the unconsciously sustained cultural stereotypes. This is because translations capture images “created and nurtured by the target language culture, as well as an authentic representation of the Other” [Sengupta 1995, 172]. In addition to cultural stereotypes (in connection with Finnish culture, for example, such a stereotype is nature-centricity), in the case of poetry translations, stereotypes about poesy may also come to the fore, creating an age-dependent lyrical common language determined by readers' expectations. These lyrical stereotypes, which reflect the current verse ideal, are often pushed out of their comfort zones by translation, and literary translations can influence a new type of voice to find its way into the recipient culture.

The current study analyzes Hungarian translations of the works of two contemporary Finnish poets, Sirkka Turkka and Jouni Inkala. The focus of the analysis is on the translations of Béla Jávorszky, who has particularly great merits in the Hungarian reception of contemporary Finnish literature, but I also use the works of other contemporary translators for comparison. Below, I first briefly characterize Jávorszky's work and the critical reactions to his poetry translations, and then I dedicate a section each to Jávorszky's Turkka and Inkala translations. The basis of the method used here is the comparison of Hungarian translations with the Finnish source texts. My aim is to determine whether Jávorszky's poetry translations contribute to the

unconscious transmission of stereotypes, or whether they convey a new poetic voice towards the recipient culture instead of presenting familiarity and fulfilling expectations.

Béla Jávorszky's life work and the critical reactions to his translations of poetry

In terms of the quantity and quality of the translated works, the versatility of genre, language and style, Béla Jávorszky (1940) is unquestionably an unavoidable authority and living classic of Finnish-Hungarian literary translation. At the beginning of his career, he translated from German, and in the 1960s he began working in Finnish literary translation (in 1963, during his first trip to Finland, he became acquainted with Pentti Saarikoski's poetry), and later learned Swedish and Estonian as well [Tótfalvi 2004, 82]. Jávorszky did a great deal to promote Finnish culture in Hungary and bring the two cultures closer together: he translated several excellent authors into Hungarian (e.g. Pentti Saarikoski, Paavo Haavikko, Arto Paasilinna, Leena Krohn, Rosa Liksom, Jarkko Laine), translated Hungarian poetry into Finnish with Hannu Launonen, and was Hungary's ambassador to Helsinki in the 1990s. In his essays, in addition to literary issues, he addresses minority issues and the Finno-Ugric peoples, and he has also written a book on minorities in Northern Europe as well as the Livs.

Jávorszky's versatile work is summarized without the need for completeness, focusing on Finnish poetry, and also briefly characterizing the critical reactions to the works (mostly manifested in concise reviews). His first anthology of Finnish poetry, *Távolba futó utak (The Roads into the Distance)* [Jávorszky 1974], contains poems by twenty-one poets, from Viljo Kajava to Jarkko Laine. Contemporary critics praised the diversity of the volume and the high quality of the translations [Szopori Nagy 1974, 92; Csáky 1980, 958], but they also suggested that the voices of the translated poets blur, "when they have finished the volume, the reader feels as if they have just read poems by the same author, about the Finnish landscape, the home, childhood, the joys and sorrows of life" [Bába 1973, 4]. Lajos Szopori Nagy, also a literary translator, observed that Jávorszky had to adapt to a poetic voice which is not usual in Hungarian, namely, to the expressions of "the new simplicity" which appear unpoetic [Szopori Nagy 1974, 92]. According to Szopori, the everyday nature of Saarikoski's poems prevails in the translations, but this is an exception, because otherwise Jávorszky creates Hungarian works from the more "poem-like" poems more easily and completely [Szopori Nagy 1974, 92]. Paavo Haavikko and Pentti Saarikoski received great emphasis in the volume [Jávorszky 1974, 34–44, 51–71] – Jávorszky later published a separate volume of their poems entitled *Két finn költő versei (Poems of Two Finnish Poets)* [Haavikko–Saarikoski 1976]. The anthology entitled *A táj változásai (Changes in the Landscape)* [Jávorszky 1980] is a unique undertaking, presenting modern poetry in Finland, including poets both in Finnish and Swedish, from Edith Södergran to Jarkko Laine. Critics praised Jávorszky's expert knowledge of the subject as volume editor [Rónay 1981, 10], but pointed out that the anthology had benefited from the fact that Jávorszky, who had previously acted as translator himself, commissioned prestigious poets to translate most of the poems (such as Sándor Csoóry, András Fodor and József Torna) this time [Kiss 1980, 10].

More than thirty years later, Jávorszky reissued an anthology of his favorite Finnish poets, promoting Finnish poetry through a number of journal publications and thematic blocks in the meantime, the materials which were edited and partly translated by him [e.g. Jávorszky 1997; Jávorszky 2001; Fehérváry–Jávorszky 2004]. The anthology entitled *Fölmagasodik hirtelen (Ascending Suddenly)* contains poems by twelve Finnish poets from Viljo Kajava to Jouni Inkala [Jávorszky 2012], and Jávorszky later expanded the selection of poems in this collection into a separate volume of poetry by Jouni Inkala and Sirkka Turkka [Inkala 2013; Turkka 2014]. A continuation of the previous anthology is *Örökség (Heritage)*, a collection of poems by ten Finnish poets, published as the Magyar Napló publishing house's tribute to Finland celebrating its 100th anniversary that year [Jávorszky 2017]. Olli Heikkonen's poems were also published by the same publisher, selected and translated by Jávorszky [Heikkonen 2018].

According to a study of guidebooks and questionnaire surveys, the most important of Hungarians' stereotypes of Finnish culture are "the country of a thousand lakes", the term "country of silence", the relatedness of Finnish and Hungarian, and the Finns' love of nature [Abonyi-Karhunen 2006, 9]. The authors of the book reviews also highlight these in connection with Jávorszky's translation volumes. One reviewer of the anthology *Fölmagasodik hirtelen (Ascending Suddenly)* emphasizes that "what is most characteristic of the whole of Finnish poetry is closeness to nature. It is as if people never left Paradise, the vast forests, the birds, the lakes, the seas" [Tóth 2012, 63]. A similar view is expressed by the reviewer of the Inkala volume, who sees the closeness to nature and the diversity of the north as a part of the identity of the poems [Csombor 2014, 64]. Another reviewer refers to Finnish–Hungarian societies of friends as potential readers, arguing

primarily that because “the membership of these communities is familiar not only with the spiritual landscapes of Jouni Inkala, but also, despite the great distance, with the geographic ones” [Petróczy 2014, 1082].

Sirkka Turkka's poetry in Béla Jávorszky's Hungarian translation

The most important elements of Sirkka Turkka's poetry are nature, animals, femininity, and erotica. In her poems, the relationship between animal and humans is central [Enwald 1999, 205]. She made her debut in 1973, and the most significant recognition, the Finlandia Prize, came to her for her 1986 volume of poems *Tule takaisin, pikku Sheba (Come Back, Little Sheba)*. Initially, she wrote idyllic nature poetry, and her voice deepened by the 1980s. The themes of femininity and erotica are combined with animal motifs: according to Ahola, in Turkka's poetry the animal is the alter ego of the woman, her poetry often contains female myths and archetypes of femininity [Ahola 1989, 743]. Animals are often portrayed as victims, just as women are often victims, prisoners of their own roles [Ahola 1989, 744].

The mother, the black madonna, and the Notre Dame often appear in her persona poems [Ahola 1989, 743]. Turkka mixes mystical elements with corporeality, the sublime, biblical language, the language of prayers with the vocabulary of rock texts, folk poetic references, and elements of spoken language. Turkka was called a postmodern poet because of the dense network of quotations embedded in the verses, although, as Jukka Koskelainen wittily notes, at one time almost every Finnish writer was read as a postmodern author [Koskelainen 2005, 11].

For Turkka, the most important season is autumn, the period of storms and winds foreshadowing winter, which is also the season of grace [Koskelainen 2005, 17]. The animal motifs that often occur in her poems are not simply poetic mannerisms, the animals are not creatures seen from the superior position of humans, from outside. The poetess, who worked as a groom for years on two farms [Jávorszky 2014, 101], created unique variants of the theme of loneliness and dating in her works on the human–animal relationship, putting the foundations of experience into a dreamlike world.

Some of her poems are chronicles of the intimate intertwining of human and animal, others are based on the effects of reflection, on the interchangeability of the human destiny seen in the animal or the animal seen in the human. Often the addressees of the texts are also animals, and this creates a fertile tension when reading the collisions of the telltale points. The second-person address of the narrator of the volume *Tule takaisin, pikku Sheba (Come Back, Little Sheba)* is sometimes the beloved dog she lost, sometimes the partner who left, sometimes some indefinite, unnamed absence, and most of the time it is not easy to sort out these threads [Koskelainen 2005, 15].

In Turkka's poems, the eye stands out especially among the senses. Looking into the other's eyes is a connection between two worlds in a human–human relationship, too; Sirkka Turkka suggests that in this sense there is no greater, more insurmountable distance between human and animal either. The speaker of one poem faces a fish, sticking their face in the gap between the bridge boards [Turkka 2005, 72], another leaning down to look into a frog's eyes, who however turns away [Turkka 2005, 436]. Facing the animal replaces looking in the mirror, as animals are the embodiments of human characteristics and human destinies. The unity of nature also finds parallels in music and the fine arts. The Mozart music that filters out of the open window or the blue paint that dried on Michelangelo's finger when painting the sky report on lost moods found only in the colors and sounds of nature.

At the most glorious points of Turkka's poetry, the mystical shivering and dreamy experience of nature gets a human face: in one text, the blood of a fallen tree flows to the ground, and the trees are human-like anyway, leafless but thickset like old women [Turkka 2005, 224] – and this comparison conjures the world of mythological transformations. In another poem, snow is like a human back, full of vertebrae [Turkka 2005, 226]. Phenomena of objects, buildings, and inanimate nature are also personified, encoding human messages with personal or historical perspectives.

In the 1980s and 1990s, Hungarian readers were able to read Turkka's poems in literary magazines (Nagyvilág, Tiszatáj, Új Forrás, Új Írás) [Szabó 1993, 997]. After the journal publications, Turkka's poems also appeared in anthologies. István Turczi and Lajos Szopori Nagy published her works in their own translation volumes that included their favorite Finnish poets [Turczi 1996, 5–18; Szopori 1999, 57–75], while the anthology entitled *The Forest of a Million Coniferous Needles*, included her poem in Marjatta Pap's translation [Simon–Várady 2007: 86].

The work of Béla Jávorszky, who published a selection of Turkka's poems in his collection entitled *Ascending Suddenly* [Jávorszky 2012, 203–208], and then expanded it into an independent volume two years later [Turkka 2014], is of key importance for Turkka's Hungarian reception. The individual pieces were ar-

ranged chronologically following the Finnish edition of Turkka's collected poems, from 1973 to 2004. Jávorszky placed the greatest emphasis on the start of Turkka's poetic career: about half of the volume contains poems written in the 1970s.

The title of the volume, *És a világ fél lábon állt, akár egy kócsag* (*And the World Stood on One Foot, Like an Egret*) is from the Finlandia Prize-winning, 1986 volume of poems („Ja maailma seisoi yhdellä jalalla kuin kurki”) [Turkka 2005, 465]; an earlier translation variant of the same poem had already been included in the anthology of Lajos Nagy Szopori (his starting line is “Fél lábon állt a világ, akár a daru” (“The world stood on one foot, like a crane”) [Szopori 1999, 68]. If we compare the few poems found in the volumes of both translators, it seems that there is no essential difference between Szopori's and Jávorszky's approach to translation which would fundamentally influence the interpretation of poetry and the transmission of Turkka's poetic world. There are, of course, differences in the specific solutions at a number of points, but the basic mood of the poems is similar. Reading the two translators (as well as due to the choice of poems and vocabulary), we feel that Turkka's poetry perfectly illustrates the stereotypes of Finnish closeness to nature, and that Turkka approaches natural phenomena with a great (sometimes romantic) emotional charge, and her poetic vocabulary is somewhat out-of-date. We do not perceive this staleness when reading Turkka's poems in the Finnish original, but rather experience the interplay of classical elements, taken over from tradition, with modern ones.

Sirkka Turkka's world is mystical and overflowing, and the sublime flow is sometimes separated by only a faint line from the different degrees of emotionality and sensitivity, which are quite amplified by Béla Jávorszky's translation. For example, in the poem beginning with *Fáj a kézcsontom és a lábam...* (*The Bones of My Hand and My Legs Are Hurting...*), the translator chooses repetition to increase emotional warmth: “A szemem. Nézd: vérzik, iszonyúan vérzik a szemem.” (“My eyes. Look: my eyes are bleeding, they're bleeding terribly.”) [Turkka 2014, 52]. In the original, neither the word eye nor the verb *bleed* is repeated, and the translator's insertion of *terribly* indicates the increase of the degree of pain: „Minun silmäni. Katso: ne vuotavat verta.” (“My eyes. Look: they're bleeding.”) [Turkka 2005, 356]. Elsewhere, the translator uses the insertion of a premodifying adjective: “Ne bűvölj el, te tündér délután” (“Don't charm me, you fairy afternoon.”) [Turkka 2014, 54] In the original, the word *afternoon* has no premodifier: “Iltapäivä: älä ole minulle vihattävä.” (“Afternoon: don't charm me.”) [Turkka 2005, 417].

A slightly different impression is formed if we read István Turczi's anthology [Turczi 1996]: in addition to the emotional tone, the presence of irony is also strong, especially in the rooster poems (also from the Finlandia Prize-winning volume), e.g. in the poem beginning with *Satulahuoneen lattialle on unohtunut* (*Something is left on the floor of the saddle room*). Irony is not present in all of Turkka's poems. The title poem of the Finlandia Prize-winning volume has an emotional tone in both Turczi's and Jávorszky's translations: this sentimental tone is also there in the original, but it is counterbalanced (and the basic situation of the poem is made bizarre) by the fact that the poem is not addressed by another person but to an animal. If the telltale points did not collide, we might think it is a traditional love poem. Commonality can be counterbalanced by the translator through amplifying the more animalistic, raw elements. In Jávorszky's translations, these traits are seldom emphasized, for him the tender voice works against the brutal, the raw.

In the opening poem of the volume, Jávorszky translates – as did Szopori – the Finnish word *emo*, which also means “female animal” as *mother*: “Ja maailma seisoi yhdellä jalalla kuin kurki, / kun emo synytti minut, tiikerin” [Turkka 2005, 465] “És a világ fél lábon állt, akár egy kócsag, / amikor anyám világra szült engem, a tigris” [Turkka 2014, 63] (“And the world stood on one foot like an egret, / when my mother gave birth to me, a tiger”). After giving birth, the female hides her baby in the hair under her belly – in Jávorszky's translation this detail is omitted, while he tries to convey the uniqueness of the word *emo* with an archaism for “parent”, thus narrowing the range of words evoking the animal medium even more: “Szegevény sovány szülém fényesre nyalt, / szoptatott és melengetett.” [Turkka 2014, 63] (“My poor skinny parent licked me shiny / breastfed and warmed me.”)

In the poem titled *Gyere vissza, kicsi Séba* (*Come Back, Little Sheba*), on the other hand, Jávorszky emphasized the signs of the animal more strongly than did Turczi: “Csapott két füled / egy vadállaté, / fülel.” (“Your two folding ears / a beast's ears / listening.”) [Turkka 2014, 70] “Szép ívű füleid, mint lesben / a vadállaté, / ismerős jelre várva megfeszülnek”. (“Your beautiful arched ears, like those in ambush / of the beast, / are strained, waiting for a familiar sign.”) [Turczi 1996, 7] In Finnish, wild animal ears refer not only to the shape of the ear, but also to particularly good hearing: the loving call can only be heard by the particularly sharp ear, and animals have just that. The connection between Sheba's ear and the ear of a beast can be taken literally, but can also be interpreted metaphorically; Turczi extended it into a simile, so we are already

far away from identification, and animal marks appear only on the pictorial plane of a love poem, at the level of associations. Jávorszky, on the other hand, tried to amplify the sensitivity in other ways as well, at the expense of the animal aspects. While in the original the opening line is repeated unchanged in the last line („Tule takaisin pikku Sheba”) [Turkka 2005, 500], Jávorszky did not consider the mere repetition to be sufficient to achieve the emotional effect, so he added the word *heart* to the closing line: “gyere vissza, kicsi Séba, szívem” (“come back, little Sheba, my heart”) [Turkka 2014, 70].

For Jávorszky, Turkka is “a lyricist of untouched nature” [Jávorszky 2014, 102]. In the afterword to the volume, he unanimously quotes the statement of his translator colleague, Lajos Szopori Nagy, that Turkka's depiction of nature is not idyllic, and there is no trace of sentimentalism in the presentation of suffering [Jávorszky 2014, 102]. The translations, however, are teeming with sentimental elements. Jávorszky enhances the emotional effect through word choice, word repetitions, and insertions. In his volume, the proportions of the selection of texts shift so that the emphasis is placed on Turkka's point of poetic departure, the 1970s. The basic translator's positions of Szopori and Jávorszky are similar, the characteristic of Szopori's translation is the amplification of the biblical voice. Both chose texts for translation that represented the closeness to nature of Finnish poetry, but this closeness to nature can also have different degrees, from idyllic to rawer, more animalistic natural images. Although in their statements both deny the importance of the emotional idyll in Turkka's poetry, they both seek to soften the bolder solutions of Turkka's poems (e.g., the mixing of the emotionality of love poems with elements suggestive of the raw reality of animal existence). The volume translated by Jávorszky as a whole has a somewhat hybrid effect, as a result of which one of his reviewers seems to hear “the voice of Lajos Kassák in some places and of Sándor Csoóri in others” in the Hungarian Turkka volume [Filip 2017, 65].

Jouni Inkala's poetry in Béla Jávorszky's Hungarian translation

Jouni Inkala (1966) began her career with language analytical poems but soon switched to more narrative, closed text shaping. This type of poem usually assumes an exponential cultural embeddedness, thus evoking its scholarly poetry nature: however, this is only an appearance. Inkala's poetic power lies precisely in the fact that e.g. he perceives the universal myth not as a mystical float, but as a dramatic, always current projection of a series of timeless developments. The core of thought is thus radiated from behind the almost chatty tone.

Inkala called attention to himself with hermetic, evocative texts crowded with omissions and ambiguities at the start of his career in the 1990s. His first volume of poems, *Tässä sen reuna (The Edge of It, 1992)*, reinforces the mystique of spaces by using the condensing and unsettling means of language. The volume *Kirjoittamaton (Unwritten)* brought a radical change in Inkala's poetry, in which he showed the intersections of the archival and current way of life of cultural memory. The intermedial attachments of the texts are strong. Behind the complex networks of the image–music–text relationship, traces of cultural memory emerge.

Hungarian readers first came across Jouni Inkala's poems in literary magazines (Kalligram, Irodalmi Szemle, Nagyvilág, Magyar Napló) and anthologies [Szopori 1999, 167–177; Simon–Várady 2007, 87; Jávorszky 2012, 253–259]. Most of Inkala's poems were translated into Hungarian by Béla Jávorszky, who also included his Inkala translations in a separate volume, often overwriting his own previous translator's solutions more than once with the translations published in the volume.

The Finnish language allows more syntactic compression than Hungarian, so it is natural that the Hungarian text often has a more fragmented, looser syntax. However, there are grammatical and syntactic curiosities that could be translated easily, but the conventions and stereotypes about poetry would have to be broken. For instance, Inkala sometimes ends his sentences or entire poems with a conjunction [Inkala 2000, 42]. If the Hungarian version replaces this with a grammatical, ordinary sentence [Inkala 2013, 24], it does not even make an attempt to convey the unique syntax, instead choosing the usual and the familiar instead of the poetic novelty and surprise. In his translations, Jávorszky often eliminates or resolves the ambiguities that are the essential element of a poem, and narrows down the polysemy of meanings. In the poem *Kuuntelen Bachia sateisena iltana (One Rainy Evening I Listen to Bach)*, [Inkala 2000, 18–19] the music flows through the door in such a way that we have to put it in our lap, like the Holy Virgin did with baby Jesus. After the full stop, the next incomplete sentence in Finnish can refer both to baby Jesus and to the music, whereas in Hungarian, through the relative pronoun “aki” (who), referring only to a person, reference is made only to Christ who came into the world to save us. There is no fertile tension in the Hungarian translation, which stems from the fact that reading the usual biblical turn in this context, we can also think of the music that came into the world to save us, of the musical experience that radically changed our lives. ”Mert amikor zene / árad be az ajtón a meleg szobába, / illik ölbe vennünk, úgy, ahogy a Szent Szűz / vette ölbe a kisdédet. Aki érttünk jött / világra.” (“Because when

music / flows through the door into the warm room, / it is fitting that we put it in our lap, just like the Holy Virgin / took the child in her lap. Who came to save us / in the world.” [Inkala 2013, 15]

Every now and then the translator extends the omissions with an inserted word, thus not only making the rhetorical structure more conventional, but the embedded word sometimes stands out in the given context. In the poem in question, he introduces the word *legend* (*legenda*) as a synonym for *story* (*kertomus*), which has a strange effect in this context, for the Gospels discussing the birth of Christ cannot be called legends.

The translator often simplifies elements, depriving the passage in question of the originality of the vision. In the Hungarian version of the poem *Haus der Kunst*, for instance, we can read, ”Minden új lépéstől gazdagabb lesz a kép.” (”Every new step will make the picture richer.”) [Inkala 2013, 16] From the point of view of the visitors in an exhibition hall, this is indeed the case, the whole exhibition is put together step by step before their eyes. However, Inkala's point of view is more original than this, he is not talking about the richness of the whole, but about that slices of the world that come to our attention only for a moment: ”Jokaisella uudella askeleella palanen / näkyvää saa uuden kuvion“ (”With each new step, the visual segment that unfolds in front of us gets a new image.”) [Inkala 2000, 23] So our perception of the world is necessarily partial, we cannot capture it all at once, and every new image displaces the previous one. Our eyes, like a camera, always zooms on a slice of the sight. In Inkala's poem, the images of the works of art on display and those of museum visitors are washed into each other, and humans appear as moving linguistic signs among the works of art. People walking in the gallery will always become bits of news saying something about the world, the epitome of temporal and spatial dynamics, contributing to the mobilization of archived elements of cultural memory, made immobile and embedded in the past, and to bringing the images on display into motion.

In the poem *Vieraalla maalla II. (In a Strange Land II)* Inkala thematizes alienation by comparing the here and there, the then and the present. In Jávorszky's translation, of the two pairs of opposites, only the temporal is emphasized, the difference of here and there, the essential element of the confrontation with alienation is lost. The couple in the poem sit at the base of an oak (the Finnish term is based on the word *juuri* 'root', so they literally sit on the root of the tree), and in a later part of the poem the motif of the root returns. As this play on words is related to the specific word structure of the Finnish language, this repetition cannot be perceived from the Hungarian text. The age of the oak is described by the narrator with reference to an event of Finnish history. The oak grew when the Russians subjugated the north in Finland: ”joka silloin kasvoi / kun Suomessa venäläiset valtasivat pohjanmaan” [Inkala 2000, 32]. Jávorszky's Hungarian translation omits the mention of Finland and even emphasizes that the subjugation happened in the same place, so the foreign land and the home, the here and the now, blur: ”mely már akkor is élt, / amikor oroszok igázták le ezt az északi földet.” (”which already lived / when the Russians subjugated this northern land”) [Inkala 2013, 20]. The exact Hungarian translation of the quoted passage can be read in Lajos Szopori Nagy's translation: „mely akkor nőtt ki, / mikor az oroszok Finnországban meghódították / Pohjanmaát” (”which grew up / when the Russians conquered / Ostrobothnia in Finland”) [Inkala 2002b, 77].

In the Finnish poem, the parallel of the past is clearly connected to another land, to another country, to the home, which the speaker of the poem recalls abroad. With regard to the parallel at home, the narrator emphasizes that here (*täällä*), as a stranger, they did not know about this (i.e. the conquest of Finland) then, and do not know much about now either: ”Täällä ei paljon tiedetty siitä, eikä tiedetä / vieläkään.” [Inkala 2000, 32] In Jávorszky's translation, *here* (*täällä*) is left out: ”Ezt akkor sem sokan tudták, s még ma sem / tudják sokan.” (”Not many people knew this then, and not many people / know it today.”) [Inkala 2013, 20] For the exact translation version of the section, we have to turn again to Lajos Szopori Nagy: ”Erről itt nem sokat tudtak, s nem tudnak / még ma sem.” (”They didn't know much about this here, and they don't know / even today.”) [Inkala 2002b, 77]

The contrast between the foreign land and the home roots dissolves in the course of the poem: the legs of those sitting at the base of the tree (on the root, in Finnish) stiffen after a long sitting, as if it had already begun to take root. In the closing of the poem, the speaker and companion of the poem do not forget this at night, in their dreams, when the leaves of the oak rustle / in the wind and fall on the blanket and sheets of the sleeping couple: ”kun tammen lehdet kahisevat / tuulussa, putoilevat peitolle ja lakanallemme” [Inkala 2000, 32]. Jávorszky presumably confused the words *peitto* 'blanket' and *pelto* 'field', for, in his translation, the oak leaves fall on the fields and the sheets: ”mikor a tölgy levelei zizegnek a szélben, / majd lassan leereszkednek a szántókra és a lepedőkre” (”when the oak leaves rustle in the wind and / then slowly descend on the fields and sheets”) [Inkala 2013, 20]. Szopori's translation is once again reliable and accurate: ”miközben zúgnak a tölgy levelei / a szélben, s a takarónkra, lepedőnkre potyognak” (”while the oak leaves are roaring / in the wind and falling on our blankets and sheets”) [Inkala 2002b, 78].

In the poem beginning with *Sanokaa te totuus... (You Tell It...)*, the narrator addresses the trees as witnesses to the past, they know the truth about the speaker's birth. You were already standing here, he addresses them, when I was born, and you know I didn't cry. The speaker melts into the flora, the head of the fetus being born resembling a warm pumpkin. The trees now, after waiting thirty years, see again the child who was born then is now grown, who is now addressing them, asking them about the past. In Jávorszky's translation, instead of talking about the past, the closing line is about an arbitrary debate, breaking the unity of the poem, as there was nothing earlier to suggest that the trees might remember a different kind of past. In Finnish, the two points of view do not conflict, they are not discussion partners, the speaker addresses the trees as witnesses, expecting confirmation from them, and in the closing line he explains that he would welcome any form of communication, feedback in any language: "Saatte aloittaa millä kielellä tahansa." ('You can start in any language'). [Inkala 2000, 34]

There is no mention of different languages in Jávorszky's translation, instead he says, "Szóaljatok meg, vitatkozzatok." ("Speak up, argue.") [Inkala 2013, 21] Jávorszky's earlier translation variant published in a journal is more in line with the source text, but the controversy here is also a redundant and out-of-context element: "Most már megszólalhattok, bármilyen nyelven vitatkozva." ("Now you can speak, arguing in any language.") [Inkala 2013b, 48] The essence of the source text is best expressed by Lajos Szopori Nagy's earlier translation: "Kezdhettek, bármilyen nyelven értek." ("You can start, I understand it in any language.") [Inkala 2002b, 78]

The poem beginning with *Kun kaksi ihmistä (When Two People...)* [Inkala 2000, 38] describes the process of two people aging together as a function of changes in self-image and time relations. The last two sentences of the poem describe the old person's relationship to the future and the past in poetic ways, starting from a comparison of the new days (*uudet päivät*) and the old (*vanhat*). In old age, the new days slip out of our hands like precarious fish, while the old ones come quite close to us, eating from our hands, always in the same way. The latter image reminds us of the squirrels summoned earlier in the poem. Jávorszky does not compare the new and the old days in the translation. Although in the penultimate sentence he speaks of new days sneaking like cautious fish, in the last sentence the equivalent of the Finnish word *vanhat* is the word *öregék* "old people [lit. 'the old']" [Inkala 2013, 22], and this refers to older people, not the days of the past. (In Hungarian, long gone days are not usually referred to as *öreg*, but as *régi*, both meaning "old", and both may be the Hungarian equivalents of Finnish *vanha*, the choice depending on the context.) In the Hungarian translation, unlike in Finnish, parallelism does not develop also because there is no adjective in the penultimate sentence before the "new days", but in the last sentence there is a definite article before the "old", which refers to specific, known or previously mentioned "old entities", i.e. elderly people. Instead of the old days, which come close to the past and always eat from our hands in the same way, Jávorszky's translation has helpless old people, degraded to animals, who eat from our hands, and do so "after consideration". The last, emphasized word of his Hungarian translation is the inserted „megfontolva” ("after consideration"), which has no equivalent in Finnish. In this context, this word has a strange effect because when it comes to such humiliated elderly people who have lost their human dignity, we imagine them to be demented, not really conscious of their actions, not acting deliberately or after consideration.

In the narrative texts of *Kirjoittamaton (Unwritten)*, various ways of cultural memory are evoked, Inkala brings the cultural tradition to life. In Jávorszky's translation, these poems are the most successful, but rarely we find elements in which the connection between the Hungarian and Finnish texts is relatively loose. In the closing part of *Chopinin sydämessä (In Chopin's Heart)*, someone treads a narrow path through the meadow, and the narrator emphasizes that the trampled blades of grass will no longer stand up: „mistä heinävarret eivät enää nouse“ [Inkala 2002, 14]. In Jávorszky's translation, however, it is no longer about plants that will not recover, but about immortal grass: "keskeny ösvényt tapos a halhatatlan fűben" ("treading a narrow path in immortal grass") [Inkala 2013, 40].

In the poem *Szymborska 16. toukokuuta vuonna 1973 (Szymborska on May 16, 1973)*, the crows seek Noah's new ark ("uutta Nooan arkkia / etsien" [Inkala 2002, 15]). In Jávorszky's translation, the adjective "new" is omitted, so it is not a new repetition of the biblical story in the 21st century, but a return to the depths of the past: "minthogyha Noé / bárkáját keresné" ("as if looking for Noah's / ark") [Inkala 2013, 41].

In translation, the interrelated principles of volume composition that exist in the Finnish original sometimes go unnoticed. In the poem *Nobel-voittajan palkintomatka (Nobel Laureate's Reward Journey)* [Inkala 2002, 20], with an African environmental description and the account of the thoughts of a hostage woman, Inkala prepares the next poem about Blixen (*Blixen keimutuolissa 'Blixen in the Rocking Chair'*). Both poems are included in the Hungarian translation volume, but the connection between them has loosened, because the translation modification does not reveal that the first poem is also about a woman. There is

no grammatical gender in either Finnish or Hungarian, and the Finnish original expresses that the hostage referred to in the poem is a woman through her imagining home mornings when a group of children ran into her and her husband's bed, whereas in Hungarian it can be the memories of either parent, as there "the children run in a team to the parent's bed" ("a gyerekek csapatban futnak a szülői ágyba") [Inkala 2013, 43]. It is true that Blixen did not receive the Nobel Prize (this is stated in the poem *Blixen keinutuolissa* 'Blixen in the Rocking Chair'), but the title of the *Nobel Laureate's Reward Journey* (*Nobel-voittajan palkintomatka*) can also be interpreted ironically: the bitterness of a deserved but not received Nobel Prize is caused by illness colluding with pain, and then the motives of the kidnapping called the reward journey (or the kidnapping that took place during the reward journey) meet, the two poems conversing with each other.

In the Hungarian translation of the poem *Aischyloksen epitafi* (*The Epitaph of Aeschylus*), the essential feature of the genre of the epitaph is lost by the fact that in the last sentence the Hungarian text refers to the future using the grammatical present tense, to the tomb to be completed, even though on the basis of the Finnish original it is clear that the whole text is no other than the already completed epitaph, which, as is antiquated, addresses the reader on behalf of the deceased, talking about his experiences. Inkala's poem builds on the difference between the values of the past and the present, emphasizing participation in the Battle of Marathon from the life of the playwright instead of literary work from a contemporary antiquity perspective. Participating in the battle, the sight of spilling intestines and of insides remained, according to the poem, a trauma in Aeschylus's memory: although he himself remained intact, the smell of blood could be felt on his beard and hair for weeks. The speaker of the poem recalls his wife, who cuddled up to him at night but always backed away, asking why he did not wash, why he did not take off the invisible cloak with the face of the defeated opponents visible on it. At this point, Jávorszky gives a description of a marital quarrel in the Hungarian translation, where *kuiskien korriini* "whispering in my ear" does not refer to the defeated opponents but to the wife.¹ According to the Hungarian translation, the wife, made out to be contentious, tells her husband endless predictions about how he will die, and she also regrets that no big deeds will be engraved on his tombstone before which the polis would kneel. Mentioning death in this situation, in the context of the marriage bed, is unwarranted. The idea in the Finnish text is quite different: after the wife draws away from him, we see the faces of the opponents on the cloak and hear their ominous whispers of doom, which will catch up with Aeschylus as well. The last sentence is no longer part of the prophecy, the closing of the poem written on the tombstone goes back to the basic situation, the proclamation of the deeds of the dead: as an ironic gesture, the epitaph does not mention the great dramas, the tombstone belongs to an ordinary man who cannot boast of achieving anything that the whole polis would falls to its knees about.

Conclusion

The quoted examples prove that in Jávorszky's poetry translations the transmission of the new poetic voice towards the receptive culture was only partially successful, as the poems translated into Hungarian are often dominated by stereotypes about poesy. Sirkka Turkka's poems, translated by Béla Jávorszky, represent the closeness of Finnish poetry to nature, but Hungarian readers do not perceive different degrees of it. Jávorszky often approaches elements of nature with greater emotional saturation than other elements of Turkka poetry, so the latter (e.g., ironic orchestration, feminine elements) are less emphasized in his translations. When translating Inkala's poems, Jávorszky quite often fills in the omissions, as if, by eliminating linguistic fragmentation, we could get a more secure grip on the perception of the wholeness of the world. Reading the translations, we feel as if the translator wants to save the Hungarian reader from the surprising innovations of Turkka and Inkala's poetry, as if he does not want to confront the otherness, but rather to show what may be familiar to the Hungarian recipient – so his translation helps to record and perpetuate stereotypes that the target language culture has already developed about Finnish culture and poetry in general.

REFERENCES

- Abonyi-Karhunen A.** Finnország-sztereotípiák az útikönyvekben. [Finland Stereotypes in Guidebooks.] *Korunk*. 2006. No 17/1. P. 8–17. In Hungarian.
- Ahola S.** Nainen hevosenä – Sirkka Turkka. [Woman as a Horse – Sirkka Turkka.] In Nevala, M-L. (ed) „*Sain roolin johon en mahdu*”. *Suomalaisen naiskirjallisuuden linjoja*. [“I got a role I couldn't fit into”. Tendencies of Finnish Women's Literature.] Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava. 1989. P. 741–744. In Finnish.

¹ In the earlier version of the translation, which Jávorszky published in the journal *Magyar Napló*, the lines in question still apply to the opponents, in line with the Finnish original: "and whispered in my ears, their endless predictions about / how I would die" [Inkala 2013b, 47].

Bába M. Távolsba futó utak. [The Roads into the Distance.] *Magyar Hírlap*. 1973. No. 6/275. Hét Vége melléklet, p. 4. In Hungarian.

Csáky K. Távolsba futó utak (Mai finn líra). [The Roads into the Distance (Contemporary Finnish Poetry).] *Irodalmi Szemle*. 1980. No. 10. P. 958–959. In Hungarian.

Csombor R. „Titkos anatómia”. (Jouni Inkala: Arcunk mögött egy másik arc). [”Secret Anatomy.” Jouni Inkala: There is another Face behind our Face.] *Magyar Napló*. 2014. No 26/5. P. 64.

Enwald L. Naiskirjallisuus. [Women’s Literature.] In Lassila, P. (ed.) *Suomen kirjallisuushistoria 3. Rintamakirjeistä tietoverkkoihin*. [Finnish Literary History 3. From Front Letters to Computer Networks.] Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 1999. P. 199–211. In Finnish.

Filip T. Négy északi költő. [Four Northern Female Poets.] In *Magyar Napló*. 2017. No. 29/1. P. 64–65. In Hungarian.

Fehérváry Gy.–Jávorszky B. eds. Mai finn irodalom. [Contemporary Finnish Literature.] *Magyar Napló*. 2001. No. 13/7–9. P. 31–51. In Hungarian.

Haavikko P.–Saarikoski P. *Két finn költő versei*. [Poems of Two Finnish Poets.] Translated by Jávorszky B. Budapest: Kossuth Könyvkiadó. 1976. 120 p. In Hungarian.

Heikkonen O. Amikor az este éjszakába megy át. [When the Evening goes into Night.] Budapest: Magyar Napló. 2018. 96 p. In Hungarian.

Inkala J. *Autiomaaretki*. [Desert Travel.] Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö. 2000. 60 p. In Finnish.

Inkala J. *Kirjoittamaton*. [Unwritten.] Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö. 2002. 58 p. In Finnish.

Inkala J. Versek. [Poems.] *Nagyvilág*. 2002b. No. 47/1. P. 77–78. In Hungarian.

Inkala J. *Arcunk mögött egy másik arc. Versek*. [There is another Face behind our Face. Poems.] Budapest: Magyar Napló. 2013. 88 p. In Hungarian.

Inkala J. Versek. [Poems.] *Magyar Napló*. 2013b. No. 25/9. P. 45–50. In Hungarian.

Jávorszky B. *Távolsba futó utak. Mai finn líra*. [The Roads into the Distance. Contemporary Finnish Poetry.] Budapest: Kossuth Könyvkiadó. 1974. 108 p. In Hungarian.

Jávorszky B. ed. *A táj változásai. Finnországi modern költők antológiája*. [Changes in the Landscape. Anthology of Modern Poets in Finland.] Budapest: Magvető. 1980. 250 p. In Hungarian.

Jávorszky B. ed. Írók Finnországból. [Writers from Finland.] *Nagyvilág*. 1997. No. 42/1–2. P. 3–70. In Hungarian.

Jávorszky B. ed. Finn irodalom az ezredfordulón. [Finnish Literature at the turn of the Millennium.] *Magyar Napló*. 2004. No. 16/8. P. 39–58. In Hungarian.

Jávorszky B. *Fölmagasodik hirtelen. Tizenkét finn költő*. [Ascending Suddenly. Twelve Finnish Poets.] Budapest: Magyar Napló. 2012. 272 p. In Hungarian.

Jávorszky B. Utószó. [Afterword.] In Turkka, S. *És a világ fél lábon állt, akár egy kócsag*. [And the World Stood on One Foot, Like an Egret.] Budapest: Magyar Napló. 2014. P. 101–103. In Hungarian.

Jávorszky B. *Örökség. Kortárs finn költők*. [Heritage. Contemporary Finnish Poets.] Budapest: Magyar Napló. 2017. 196 p. In Hungarian.

Kiss D. A táj változásai. Finnországi modern költők antológiája. [Changes in the Landscape. Anthology of Modern Poets in Finland.] *Népszava*. 1980. No. 108/293. P. 10. In Hungarian.

Koskelainen J. Elämän ja kuoleman kaikki verbit. Sirkka Turkan runoudesta. [All the Verbs of Life and Death. Sirkka Turkka’s Poetry.] In Turkka, S. *Runot 1973–2004*. [Poems 1973–2004.] Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Tammi. 2005. P. 5–24. In Finnish.

Petrőczy É. Egy komparatista vallomásai. [Confessions of a comparatist.] *Nagyvilág*. 2014. No. 59/9. P. 1080–1082. In Hungarian.

Rónay L. Új költői hódítások. [New Poetic Conquests.] *Magyar Hírlap*. 1981. No. 14/92. P. 10. In Hungarian.

Sengupta, M. Translation as Manipulation: The Power of Images and Images of Power. In Dingwaney, A., Maier, C. (eds.) *Between Languages and Cultures. Translation and cross-cultural texts*. Pittsburg–London: University of Pittsburgh Press. 1995. P. 159–174. In English.

Simon V.–Várady E. (eds.) *Millió tűlevél erdeje*. [The Forest of a Million Coniferous Needles.] Budapest: Kalevala Baráti Kör. 2007. 112 p. In Hungarian.

Szabó Á. Turkka, Sirkka Annikki. In Szerdahelyi I. (editor-in-chief), *Világirodalmi Lexikon. 15. kötet*. [Word Literature Lexikon. Volume 15] Budapest: Akadémiai. 1993. P. 996–997. In Hungarian.

Szopori Nagy L. Távolsba futó utak. [The Roads into the Distance.] *Jelenkor*. 1974, No. 18/1. P. 91–92. In Hungarian.

Szopori Nagy L. *Kánon az erdőn. Mai finn líra.* [Canon in the Forest. Contemporary Finnish Poetry.] Székesfehérvár: Árgus–Vörösmarty Társaság. 1999. 212 p. In Hungarian.

Tóth E. A nyelvbe zárt csoda. [A Miracle Inclosed in the Language.] *Magyar Napló.* 2012. No. 24/4. P. 61–63. In Hungarian.

Tótfalvi Z. „Északi kisebbségi modell” nincsen! Beszélgetés Jávorszky Bélával, a volt finn-, majd észtor-szági nagykövettel [There is no „northern minority model”. Interview with Béla Jávorszky, the former Ambassador to Finland and then to Estonia.] *Hitel.* 2004, No. 17/8. P. 71–89. In Hungarian.

Turczi I. *Tengeráramok. Mai finn költők.* [Sea currents. Contemporary Finnish Poets.] Budapest: Széphalom Könyvműhely. 1996. 140 p. In Hungarian.

Turkka S. *Runot 1973–2004.* [Poems 1973–2004.] Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Tammi. 2005. 821 p. In Finnish.

Turkka S. *És a világ fél lábon állt, akár egy kócsag.* [And the World Stood on One Foot, Like an Egret.] Selected and translated by Jávorszky B. Budapest: Magyar Napló. 2014. 108 p. In Hungarian.

Received 18.08.2022

Anikó Polgár,

PhD (Literary Theory), Associate professor,
University J. Selye, Faculty of Education,
Department of Hungarian Language and Literature,
3322, Bratislavská cesta, Komárno, 94501 Slovakia
E-mail: polgara@ujss.sk

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 245–254. In Russian.

Анико Полгар

СТЕРЕОТИПЫ В ВЕНГЕРСКИХ ПЕРЕВОДАХ СОВРЕМЕННОЙ ФИНСКОЙ ПОЭЗИИ

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-245-254

В исследовании рассматриваются способы культурного посредничества в венгерских переводах современной финской поэзии. Анализ сосредоточен на переводах Белы Яворски (1940), который имеет особенно большие заслуги в формировании венгерского восприятия современной финской литературы. На первый план выходит вопрос о взаимосвязи перевода и стереотипов: цель состоит в том, чтобы определить, в какой степени переводы поэзии отражают и укрепляют стереотипы венгерского читателя о финской культуре и поэзии. В работе под-вергаются исследованию два автора – Сиркка Туркка (1939) и Йоуни Инкала (1966). Стихи С. Туркки, переве-денные на венгерский язык, олицетворяют близость финской поэзии к природе, но венгерские читатели не за-мечают различных степеней этой близости к природе, которые варьируются от идиллических до грубых, более анималистических образов природы. В переводах Б. Яворски преобладает эмоциональная идиллия. Важной особенностью поэзии Й. Инкалы является языковая полисемия, формы отказа, интермедийные связи, пред-ставление и актуализация элементов культурной памяти. В переводах Б. Яворски многозначность часто сужает-ся, риторические структуры становятся более повседневными: переводчик, кажется, хочет избавить венгерского читателя от неожиданной встречи с оригинальностью и новизной поэзии Й. Инкала.

Ключевые слова: культурное посредничество, венгерский художественный перевод, современная финская поэ-зия, Бела Яворски, Сиркка Туркка, Йоуни Инкала

Поступила в редакцию 18.08.2022

Анико Полгар

доктор философии (литературоведение), доцент,
Университет имени Яноша Шейе, кафедра венгерского языка и литературы,
94501, Словакия, Комарно, Братиславска цеста 3322,
E-mail: polgara@ujss.sk

История, археология, этнография

УДК 392(=511.13):37:58(045)

Т. Г. Голева

РАСТЕНИЯ В ДЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Статья посвящена изучению практик использования растений в детской культуре коми-пермяков на протяжении XX столетия. Исследование опирается на полевые материалы, собранные в начале XXI в. среди разных поколений коми-пермяков. Любые действия детей с растениями можно рассматривать как способ узнавания о мире флоры, постепенное включение молодого поколения во взаимодействие с природой. Описание детских практик позволяет определить, какие растения были интересны детям во время их досуга, по каким критериям их выбирали, для чего они служили. Можно назвать несколько функций растений в детских практиках: декоративные материалы, атрибуты игры, материал для игрушек и пищевой продукт. В народной праздничной культуре выделяются игры и ритуалы с березкой во время Троицы, в которых особые роли играли дети и молодежь. Единичные примеры свидетельствуют об использовании детьми растений в гигиенических и лечебных целях. В конце XX – начале XXI в. новым и пока редким для коми-пермяков явлением стало сооружение на деревьях детских домиков. Практики использования флоры в детской среде динамичны, обусловлены народной традицией, интересами детей и хозяйственно-экономическими изменениями жизни народа. Благодаря играм и забавам с цветами, листьями, ягодами и другими частями растений дети узнают об их особенностях и свойствах, умеют их идентифицировать, учатся оценивать их практическую пользу. Описанные действия с растениями довольно разнообразны, они позволяют развивать интеллектуальные и физические навыки подрастающего поколения.

Ключевые слова: коми-пермяки, детская культура, этноботаника, народная педагогика, детская народная биология, съедобные дикорастущие растения, игры, Троица

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-255-267

Культура природопользования коми-пермяков остается слабоизученной темой, хотя традиционный быт народа во многом зависел от знаний об окружающем мире и выработанных многими поколениями приемов использования и преобразования природных ресурсов. Знакомство человека с природой начинается с детских лет в ходе разных видов деятельности. В настоящей статье основное внимание будет уделено использованию растений в сфере занятий детей, непосредственно не имеющей отношение к хозяйству и деятельности взрослых, которую можно определить как особый детский мир.

В отечественной этноботанике знания и обычаи, связанные с растениями, рассматриваются преимущественно как этнические или территориальные комплексы традиций без выделения опыта разных возрастных групп [Колосова 2010; Гресь 2017, 317–319]. Информация о роли природных материалов в детской среде встречается в исследованиях, посвященных культуре детства и этнопедагогике (например: [Артемова 1992, 37, 39; Пьянкова 2013, 57]), но в них редко даются обобщения о данных традициях. Исключениями можно назвать несколько публикаций, в которых материалы животного и растительного происхождения рассматриваются как существенная составляющая детского игрового обихода [Попова 2005; Богочанова 2015; Волдина 2019]. В зарубежных исследованиях помимо изучения этнических обычаев детской культуры выделяется особое направление *children's folk-biology* (детская народная биология), имеющее междисциплинарное значение. В фокусе его внимания находятся разные темы, в том числе знания и представления детей о растениях (см. например: [Inagaki 1996; Coley 2002, 68–72; Gatt 2007]). В России похожий анализ был проведен среди удмуртских детей Н. Ю. Сунцовой [Сунцова 2020].

Озвученная проблема в статье рассматривается в разных ракурсах, соединяя задачи и методы описанных выше научных направлений. Во-первых, очерчивается круг используемых детьми растительных материалов, во-вторых, описываются практики применения деревьев, трав и грибов, определяются их роли в детской культуре, в-третьих, анализируется, какие знания и навыки дети приобретают в ходе их использования.

Источниками для исследования являются полевые материалы автора, собранные среди коми-пермяцкого населения старшего возраста в 2000-е гг., а также наблюдения и личный детский опыт. Хронологически используемые материалы характеризуют детскую культуру коми-пермяков примерно с 1920-х годов до конца XX в. В литературе озвученная тема представлена слабо. Краткие сведения о детских играх с землей, щепками и колышками имеются в материалах Н. А. Рогова [Рогов 1960, 67], об игрушках из разных природных материалов – в заметках В. В. Климова [Климов 2006, 293–294, 299], отдельные примеры об использовании растений детьми включены в «Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений» [Материалы... 2021, 79, 84, 106]. Ценными для изучения поставленной проблемы являются сведения Л. С. Грибовой об использовании растений для орнаментации тканей [Грибова 1980, 75] и исследование Н. И. Жулановой, в котором описано освоение детьми игры на травяных дудках *пöлян* [Жуланова 2002, 44–45].

Названия растений в коми-пермяцком языке имеют разные локальные варианты, некоторым из них респонденты давали русскоязычный аналог, другие растения идентифицировались по демонстрированному живому растению или на основе описаний, или с помощью словарей. Использовались разные определители растений, в том числе под редакцией С. А. Овсенова [Иллюстрированный... 2007]. В статье приводятся только те варианты народных названий, которые были озвучены рассказчиками в используемых повествованиях. В данных о полевых материалах указываются места рождения респондентов, так как обычно в этих населенных пунктах они проводили свое детство.

Возрастные границы детства определяют по-разному. По международным нормам, закрепленным в Конвенции ООН о правах ребенка, детство охватывает период жизни от рождения до младшего юношеского возраста (до 18 лет) [Словарь-справочник... 2004, 76]. Исследователи русской народной культуры определяют детский возраст примерно до 14–16 лет, когда подрастающее поколение уже было готово к выполнению главных жизненных функций – деторождению и труду [Русские дети... 2006, 6]. В настоящей статье детскими называются развлечения и занятия того периода жизни человека, когда он еще не является вполне самостоятельной, зрелой личностью, обладающей социальной ответственностью и пределом его можно условно обозначить 16–18 лет.

Описание детских практик с использованием растений и их образовательный потенциал

Функционально растения применялись детьми в разных качествах, они выступали как атрибуты игр и развлечений, материал для изготовления игрушек и других предметов, декоративный элемент, продукт для перекусов, утоления голода и жажды. При анализе собранных материалов можно отметить специфику информации от разных поколений коми-пермяков. Так, более старшие жители рассказывают о самодельных игрушках, поскольку у них не было возможности приобрести фабричные, а молодые поколения подобные уже не изготавливали. В середине XX в. дети с раннего возраста помогали взрослым в хозяйственных делах. Респонденты часто отмечают, что у них не оставалось времени для досуга и редко вспоминают какие-либо игры с растениями. При этом данные поколения могут назвать больше съедобных растений, потому что в числе их семейных обязанностей был сбор дикоросов как дополнительного продукта питания, и в свой «детский» рацион они включали более разнообразные растения. Взрослым порой бывает уже сложно вспомнить свои детские игры, во время опросов они называют от 2 до 5 способов применения трав и деревьев и примерно такое же количество растений, которые они употребляли в пищу. По нашему личному опыту, в детские годы, которые пришлось на 1980–1990-е гг., можно насчитать до тринадцати вариантов использования флоры во время досуга, пять из них были показаны взрослыми, остальные – ровесниками. В качестве съедобных в кругу детей или индивидуально (без участия взрослых) употреблялось до 6 трав, из них только щавель научили собирать взрослые, остальные были показаны детьми.

Рассмотрим практики применения растений по каждому из названных функциональных значений.

Декоративное средство. Украшениями можно назвать букеты, которые собирали девочки и девушки во время досуга, некоторые приносили их домой и ставили в воду. Такие букеты изготавливали из разных трав, но одним из любимых цветков коми-пермячек можно назвать купальницу европейскую (*Trollius europaeus* L.) *горадзуль* ‘звонкая головка’, *мамамовка* (Лелева Куд.): *А мый гораджыллезнас, ния öддöн басöкось, нийö öктыввим да ныён любытчыввим басöккезнас* ‘А что с купальницами, они очень красивые, их собирали и любовались ими красивыми’ (Верх-Юсьва, Кудымкарский район Пермского края, далее – Куд.). Купальницу часто заплетали в венки, хотя с этой целью использовали разные травы: *Во ржи и белый бывает василёк, и синий, и жёлтый. Васильками и называли. Венки делали из василька* (Верх-Лупья, Гайнский район Пермского края, далее – Гайн.). Сплетенные венки носили непродолжительное время в течение игр и досуга. Популярным украшени-

ем у девочек были самодельные бусы. Их изготавливали из разных растений; известно, например, о бусах из кубышки (*Nuphar lutea* (L.) Sm.) (Маскаль, Кочевский район Пермского края, далее – Коч.), для которых соединяли стебель растения, образуя кольцо, из вдетых на нитку ягод шиповника (*Rosa* L.) *жёлнойг* ‘колючка’, *няп*, из цветов мать-и-мачехи (*Tussilago farfara* L.) *кольмтячача* ‘яичная игрушка’ (Верх-Лупья, Гайн.). Длинные побеги плауна (*Lycopodium* L.) *кочвоньтурун* ‘заячий пояс трава’ повязывали вместо пояса (Верх-Лупья, Гайн.), а из листьев осины плели ленты, которые повязывали к косам (Косинский район Пермского края, далее – Кос.).

Л. С. Грибова пишет о том, что ради забавы девочки-подростки с помощью березовых и осиновых листьев способом оттискивания зубами создавали узоры на платках и других вещах, эту традицию она наблюдала еще во второй половине XX века. [Грибова 1980, 75].

В 1980-е гг. девочки делали имитацию маникюра из лепестков герани луговой (*Geranium pratense* L.), импровизированные браслеты, часы и кольца из цветков одуванчика (*Taraxacum* Wigg.). Для этого стебель травы делили вдоль пополам, образуя две полоски, затем их повязывали вокруг пальца или запястья руки. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием детских городских практик в некоторых местах использовали травы для декоративных композиций «секретики», которые прятали под стеклом в земле.

Применение растений с декоративной целью иногда ограничивалось народными поверьями. Так, стебли рогоза (*Typha latifolia* L.) *кульчунь* ‘пальцы куля’ взрослые запрещали заносить домой, считалось, что он может принести несчастье (Кос.). Не разрешали детям одним ходить на луга, пугая «неправильными купальницами», которые могут затащить в воду [Лобанова 2017, 244]. Из-за названия *лягушник* не любили цветы калужницы (*Caltha palustris* L.) (Верх-Юсьва, Куд.).

Данные занятия свидетельствуют о том, что дети с подсказкой взрослых или самостоятельно умели находить яркие растения, ценили их красоту. У детей была возможность наблюдать, что происходит с растением после того, как его сорвали, как долго оно остается красивым и когда начинает увядать. У них формировались знания о жизненных свойствах растений, о сезонах их цветения и появления плодов, которые они использовали.

Атрибут игр и развлечений. У коми-пермяков зафиксированы разные варианты игр с травами, меньше – с деревьями и кустарниками. В одних играх и забавах используются сразу несколько видов растений, в других – только один. Во всех случаях их включение в детские занятия имеет краткосрочный характер, ограничивается одним или несколькими действиями с ними (Фото 1.).

Фото 1. Атрибуты детских игр. С. Отево Кудымкарского района. 2015 г.

Первая группа игр носит обычно ролевой характер, их сюжеты повторяют хозяйственные и бытовые занятия народа такие, как корм скота, приготовление пищи, убранство в самодельном песоч-

ном домике из листьев-половиков, складывание стога сена: *Зород бытъѡ ѡтикам да куртам, зород тэчам...* ‘Стог как будто косим и гребем, стог складываем’ (Мыс, Гайн.). Растения в качестве продуктов продавали в игровом магазине, а деньгами служили листья подорожника (Нижняя Волпа, Юсьвинский район Пермского края, далее – Юсьв.). При приготовлении «игрушечных» блюд вместе с растениями дети использовали землю, песок, глину, гальки, ракушки и другие доступные материалы. Травы дети подбирали, соотнося их внешне с известными продуктами. Так, для изготовления шанежек, пирожков и пирожных брали крупные листья, например, мать-и-мачехи, подорожника, лопуха, на них укладывали землю или песок, сверху украшали листьями и цветами; для «супа» использовали более мелкие листья; для «каши» собирали трубчатые цветки ромашки, семена подорожника большого, сорных злаковых, мареновых и иных растений; «рыбой» в игре становились кусочки древесины прогнившего дерева или щепки, «фруктами» и «овоцами» – плоды и мелкие клубни картофеля. Набор растений в такой игре варьировался, он зависел от фантазии ребенка и доступности флоры в местах досуга.

Во второй группе игр каждое растение являлось уникальным атрибутом, так как именно его особенности определяли главное игровое действие. Можно выделить растения с эффектными свойствами, которые своей необычностью привлекали детей. Так, повсеместно была известна игра со вздутыми чашечками цветка смолевки обыкновенной (*Silene vulgaris* (Moench) Garce) *матегтурун* ‘мыльная трава’ (Першина, Куд.), *клятчантурун* ‘хлопающая трава’ (Демидово, Кос.), которыми хлопали об лоб друг друга. Впечатляющим в глазах детей казался «дым» от спор дождевика (*Lycoperdon spp.*) *оштабак* ‘медвежий табак’ (Нижняя Волпа, Юсьв.), *енгым* ‘божий гром’ (Казарина, Куд.), когда на гриб наступали ногой. Это была своеобразная забава. В некоторых деревнях взрослые остерегали детей от подобных развлечений, пугали, что от этого появляются веснушки или говорили, что медведю нечего будет курить. Цветы гвоздики травянки (*Dianthus deltoideg* L.) называли *часики*, так как лепестки растения обладают подвижностью, когда их держат за чашечку цветка и плавно двигают пальцами. Забава состояла в кручении лепестков и наблюдении за ними. Соцветия горичвета кукушкина (*Lychnis flos-cuculi* L.) *матегтурун* ‘мыльная трава’ смачивали водой или слюной, растирали между ладонями и получали пену. Развлечением было сдувать с одуванчиков распушившиеся семена. Некоторые дети при этом приговаривали особые слова, но во время опроса информанты вспомнить их не смогли. Со стеблем одуванчика *бабанель* ‘бабушкино ухо’ или луковым пером играли следующим образом: в нижней части стебель делили на несколько полосок, совали его в рот и произносили речитативом слова, в это время полоски стебля во рту продолжали расходиться и скручивались. Зафиксированы следующие варианты фраз: *Бабанель, бабанель...* (Мечкор, Куд.; Юксеево, Коч.; Чураки, Кос.); *Упнель, бабанель...* (Маскаль, Коч.); *Бабанель, бабанель, баба упнейся* (Большая Коча, Коч.); *Бабаней, веселей, бабаней, бытней* (Краснобай, Кос.); *Бабанель быд пель...* (Чураки, Кос.). В конце XX в. такие спирали делали уже вручную, наблюдали за их образованием и пытались создать необычную фигуру.

Распространенными были гадания и игры с угадыванием. Гадали обычно на нивянике обыкновенной (*Leucanthemum vulgare* Lam.) *ромашка, селько-белько* (Чураки, Кос.) на желание, на любит – не любит, в 1980-е гг. с русскоязычной приговоркой: *любит – не любит, плюнет – поцелует, замуж возьмет – к черту пошлет* (Кос.). В некоторых местах дети играли на угадывание: что выйдет при стягивании вверх метелиц злаковых трав. Спрашивали заранее у друга, а потом смотрели, если получался маленький пучок – это цыпленок, побольше и ровный – курочка, неровный с выступающими верху соцветиями – петух.

Также растения использовались для игр соревновательного характера. Метательным орудием в детских играх были еловые и сосновые шишки, колючки лопуха большого (*Arctium lappa* L.) *шшшш-бар*, последние еще тайком цепляли к одежде; обжигающим – крапива двудомная (*Urtica dioica* L.) и крапива жгучая (*Urtica urens* L.) *петшюр*, которой пугали друг друга. Новой игрой в последней четверти XX в. у коми-пермяцких детей было состязание в *солдатике* стеблями подорожника среднего (*Plantago media* L.). Каждый игрок собирал по несколько стеблей с соцветьями, затем по очереди ребята хлестали свой стебель по стеблю товарища. Если чей-то стебель ломался, его заменяли новым. Так играли, пока не останется один целый «солдатик», его хозяин становился победителем.

Особо можно выделить частные игровые практики, широко не известные, в которых дети приспособляли растения для игровых действий исходя из их особенностей. Например, из лепидотеки пахучей (*Lepidotheca suaveolens* (Pursh) Null.) *лудовой ромашка* ‘луговая ромашка’ делали духи. Для этого собирали соцветия в емкость с водой и согревали ее на печи (Борино, Коч.). Отцветшие зонтики аистника цикутного (*Erodium cicutarium* (L.) L’Her.) *кураннэз* ‘грабли’ применяли в игре как грабли,

вода ими по земле и траве (Демидово, Кос.), длинные стебли плауна (*Lycopodium* L.) *кӧчвӧнь* ‘заячий пояс’ служили в качестве узды, которую одевали одному из игроков (Верх-Лупья, Гайн.).

Своеобразной забавой подростков было лазанье по деревьям, некоторые добирались до верхних веток берез и свешивались на них вниз (Бараново, Кос.); другие весной перескакивали с дерева на дерево, цепляясь за ветки, таким образом в игре *ловилки* нужно было преодолеть установленное расстояние (Гайн.).

Разные растения использовали для издания свиста и мелодий. Длинный узкий лист травы (например, пырея) зажимали большими пальцами рук, подносили ко рту и дули на ребро травинки. Таким образом часто получали звук похожий на крик петуха; кроме этого, пытались подражать гоготу гусей или изобразить известные мелодии. Тонкую пленку от бересты держали натянутой двумя руками и прижимали снизу к верхней губе, вдыханием воздуха нижней губой получали звук. Свистели еще с помощью стрелок репчатого лука и очищенных от семян стручков акации.

Описанные практики свидетельствуют о том, что дети умели визуально различать растения по особенностям их строения, таким образом у них формировались знания о многообразии местной флоры. Игры способствовали узнаванию отдельных качеств растений: прочности растительных волокон, гибкости, пластичности стеблей, подвижности лепестков, ароматности цветов. Игры и забавы возникали в результате познания особенностей деревьев и трав в ходе своеобразных экспериментов с ними, а также вследствие сравнения и сопоставления растений со знакомыми предметами быта, продуктами. Они способствовали развитию умственных, физических и трудовых навыков, например, фантазии, ловкости, артикуляции, ведению домашнего хозяйства.

Материал для изготовления игрушек и предметов детских развлечений. Растения нередко служили сырьем, которое особым образом преобразовывали и из которого изготавливали предметы для многократного использования детьми. Для малышей их мастерили взрослые, а более старшие ребята уже делали самостоятельно. Многие бытовые вещи и хозяйственные орудия в прошлом у коми-пермяков были деревянные, поэтому неудивительно, что детские предметы тоже делали из дерева, например, куклы, лотки для катания с гор, машинки, коньки, ходули и прочие. Для некоторых таких предметов выбирали определенный вид дерева. Например, из ивы (*Salix* L.) *бадь* или осины (*Populus tremula* L.) *нуну* ‘сын-дерево’ ребята и парни постарше делали красивые тросточки или палки с резными узорами на коре (Юсьв., Куд.), с ними просто бегали или ходили во время летних праздников. Лук для стрельбы со стрелами предпочитали изготавливать из ветвей или ствола можжевельника (*Juniperus communis* L.) *понуль*, *верӧс*, *калина*, в крайнем случае из ивы. По описанию В. В. Климова, мишенью в детской игре служил лопуховый лист на колышке или лапоть, а призами – стручки гороха и турнепс [Климов 2007, 297].

Для детей младшего возраста из лыка *нин* и бересты *симӧт* плели шарики и мячи. Когда внутрь такого шара клали горошину, получалась своеобразная погремушка для малышей: *Симӧтись барабанок учитикӧ керыштан, сийӧн орслылисӧ* ‘Из бересты барабанчик небольшой сделаешь, с ним играли’ (Шорша, Коч.). Еще мячи изготавливали из трутовика настоящего (*Fomes fomentarius* (L.) Fr.) *бака* (Верх-Лупья, Гайн.).

Разнообразные материалы использовали для изготовления свистулек и дудочек. Из древесных пород с этой целью применяли ветки ивы, черемухи (*Padus avium* Mill.) *льӧмпу*, рябины обыкновенной (*Sorbus aucuparia* L.), осины, ольхи (*Alnus incana* (L.) Moench; *Alnus glutinosa* (L.) Gaertn.) *вовну* ‘душа-дерево’, молодые побеги сосны *туган*. Их вырезали в конце весны, начале лета, когда кора хорошо отходит от дерева. Деревянные свистульки в основном были мальчишеским инструментом. В середине – второй половине лета свистульки делали уже из стеблей травянистых растений. Чаще всего использовали зонтичные, среди которых: *пӧлян* ‘дудка’ – дудник лесной (*Angelica sylvestris* L.), *умра* (Верх-Юсьва, Куд.) – дягиль лекарственный (*Angelica Archangelica* L.), *зынагум* ‘вонючий стебель’, *туригум* ‘журавлиный стебель’ и *зорка* (растения не идентифицированы), *гонюш* ‘мохнатка’ – бутень Прескотта. В последнем случае дополнительно использовали палочку, которую вставляли в стебель растения (Юсьв.). Некоторые получали свистульки из стебля лопуха *порськок* ‘поросычья нога’ (Юсьв.). Одинарные свистульки из зонтичных растений были распространены повсеместно. Согласно исследованиям Н. Н. Жулановой, в северных районах девочки в возрасте 8–10 лет начинали самостоятельно учиться играть на многоствольных флейтах, а мальчики играли на одинарных губно-щелевых обертонных флейтах [Жуланова 2002, 44]. Также известно об изготовлении берестяных дудочек, для которых полоски бересты сворачивали в виде конуса (Кос.).

Из полых стеблей зонтичных растений и веток сосны – *пöлян, туган* – мальчишки делали *чижган* ‘брызгалки’ [Климов 2007, 134] и своеобразные ружья *пишалки*: *Сустав сосны выбирают. У него туган сейгодинный. На сегодняшний делаем надрез вкруговую, дойдешь до этого тугана, он чернее или желтее, отличается от этого дерева. Его крутишь, крутишь. Туган крутится, становится как верёвка. Крутится, крутится, до того докрутится – и до конца выйдет. И внутри становится полым. Из них пишалки делали мы. Намочишь паклю, делаешь пули. Шомпол делаешь, по-моему, таволга куст, невысокая, твёрдая-твёрдая-твёрдая очень... (Хазово, Коч.)*

Девочки же мастерили куклы из листьев капусты, березы *кыдз*, осины *пипу* и мать-и-мачехи *лапкор* ‘лапка-лист’ (Фото 2). Скатывая их, они формировали туловище, голову и одежду, поясом служили длинные стебли трав: *Лапкорись да керам кагаэз, да мылякө нийö дзебам, да мылякө сё горзам, бытьтö касътысям* ‘Из мать-и-мачехи делаем детишек, и почему-то их хороним, и почему-то всё плачем, как будто поминаем’ (Войвыл, Кос.). Хотя такие игрушки были не очень прочные, с ними можно было поиграть несколько раз.

Фото 2. Кукла из листьев мать-и-мачехи, д. Войвыл Косинского района. 2011 г.

Использование для одного предмета единственного или наоборот разных видов растений свидетельствует о том, что коми-пермяки опытным путем подбирали необходимые материалы. В этом случае при самостоятельном изготовлении вещей дети получали знания о схожих и отличительных чертах растений, способах их преобразования, понимание практической ценности растительных материалов. Создание новых предметов из растений развивало прикладные навыки, среди которых можно выделить рукодельное мастерство и музыкальное творчество.

Продукт питания. В семейном быту коми-пермяков дети обычно были включены в процесс добычи продуктов, в том числе дикоросов. Часто они самостоятельно собирали ягоды, травы, части древесных растений и приносили их домой для заготовки или общей трапезы. Это занятие можно назвать частью их трудовой деятельности. Кроме этого, во время детских игр, прогулок и трудовой деятельности дети использовали растения как своеобразный питательный источник, в середине XX в. они были существенным дополнением рациона. Одновременно их употребление можно назвать частью детского мира, оно являлось особым видом занятий в кругу сверстников или в частном времяпровождении. В этом случае собранные продукты употребляли сразу или готовили из них блюда для игры. Растения, как правило, добывали в доступных местах на территории поселения и его окраинах; во время трудовых занятий – на полях и в лесу, например, при прополке полей, в перерывах на сенокосных работах. Знания о растениях дети получали как от взрослых, так и от своих сверстников и более старших товарищей.

Зафиксированы данные об употреблении детьми в сыром виде следующих трав:

щавель кислый (*Rumex acetosa* L.) *тиöтикöр* (Куд.), *шöмкор* (Кос., Коч.), *шöмкур* ‘кислый лист’ (Кос., Гайн.);

щавель тонкий (*Rumex acetosella* L.) *кобылатиöтикöр* ‘кобылий щавель’ (Большая Сидорова Куд.);

кислица обыкновенная (*Oxalis acetosella* L.) *уткалана* ‘утиная лапа’, *кöчланки* ‘заячьи лапки’, *кöчкануста* ‘заячья капуста’ (Куд.), *кайшöмкор* ‘птичий кислый лист’ (Кос.);

сурепка обыкновенная (*Barbarea vulgaris* R. Br.) *ыбкушман* ‘полевая редька’ или *вакушман* ‘водяная редька’ (Куд.), *ошкушман* ‘медвежья редька’ (Кос., Коч.);
 цветы медуницы (*Pulmonaria* L. spp.) (Демидова Кос.);
 свербига восточная (*Bunias orientalis* L.) *крен* ‘хрен’, *кушман* ‘редька’ (Кос.), *куруткрэн* ‘горький хрен’ (Гайн.);

стебли тмина обыкновенного (*Carum carvi* L.) *гонюш* (Куд.), *гöньгуж*, *чишйыл* (Кос);
 корни или стебли бутня Прескотта (*Chaerophyllum prescottii* DC.) *гонюш*, *зынагонюш* ‘пахнувший гонюш’, *гöнагонюш* ‘мохнатый гонюш’ (Юсьв., Куд.);

очищенные мягкие стебли борщевика сибирского (*Heracleum sibiricum* L.) *борш*, *гöнапикан* ‘мохнатый пикан’ (Кос., Коч.), *гöнаазь* ‘мохнатая капуста’ (Мэдгорт, Гайн.);

весенние побеги гроздовника полулунного (*Botrychium Lunaria* L.) *кукупирöг* ‘кукушкин пирог’ (Кос.);

луковицы дикого лука *сывук* (Куд.), предположительно, это гусиный лук (*Cagea lutea* (L.) Ker-Gaul.), в северных районах *дикöй лук* (растение не идентифицировано);

клубни хвоща полевого (*Equisetum arvense* L.) *орек* (Куд.), *крöторек* ‘кротовый орех’ (Кос.), часто их выкапывали на крутых, осыпающихся берегах рек и находили в кротовых норах;

горошинки чины луговой (*Lathyrus pratensis* L.) *шыргöридз* ‘мышинный стебель’ (Кос., Куд.), *шыранькытши* ‘мышинный горох’ (Гайн.);

зелень звездчатки средней (*Stellaria media* (L.) Vill.) *нялда* (Кос.);

верхние соцветия льнянки (*Linaria* Mill.) (по идентификации респондента) *петуккез* ‘петухи’ (Куд.);

камбий *ли* березы, сосны, пробовали камбий ивы и черемухи.

Также выдергивали верхние части стеблей трав из прилистников (например, у сорных злаковых культур); более светлые и сочные нижние части стеблей разжевывали, получая во рту сладковатую влагу. Еще вкус сладости давало высасывание нектара из нижней части соцветий клевера лугового (*Trifolium pratense* L.) и пикульника красивого (*Galeopsis speciosa* Mill.): *А клеверсис шедтан да ну, нимаввимö, сывöн чöскыт пытикас* ‘А клевер достанем и да, сосали, у него внутри сладко’ (Верх-Юсьва, Куд.).

Следует отметить, что иногда дети проверяли разные травы на вкус, могли перепутать известные им растения с другими и получали отравления: ...*Вöлгормог. Ся öтик суладö... Ся эти ыжда турун, гöрд ягöд. Сийö ми öтчыд челядь пешлимö, мян дöс кыллэным пыктылисö. Ся палитö дöс öмö, сотö и сё.* «Лошадь-печь / звук-дело» (волчегодник обыкновенный *Daphne mezereum* L.). Она одна стоит... Такой высоты трава, красная ягода. Мы дети ее однажды попробовали, у нас все языки опухли. Она палит рот, жжет и всё’ (Пуксиб, Кос.).

В рацион детской уличной еды входили различные ягоды, доступные для сбора: земляника *озьягö, муягöд* ‘земляная ягода’; клубника лесная *бараньягöд* ‘баранья ягода’, *бирулька* (Куд.), черемуха *льöм* и др. Употребляли стробилы сосны и ели, которые называли *пожумьягöд* ‘сосновые ягоды’, *кöзьягöд* ‘еловые ягоды’ или *кутьки* (Гайн.). Лакомились верхушками молодых развивающихся побегов сосны *туган*. Из ягод жимолости *балянянь* ‘овечий хлеб’ (Маскаль, Коч.) и можжевельника *верöс* (Коч., Гайн.), *понуль* (Куд.) готовили для игры «вино» или *сур* ‘пиво’. Для этого их толкли и разводили водой. Еще «вино» дети готовили из тертой моркови и свеклы (Мурмос, Юсьв.).

Популярным было разжевывание продуктов в виде жвачки, которая тоже давала питательные элементы. Эластичное изделие получали путем разжевывания зерен пшеницы, в некоторых местах использовали смолу (камедь) черемухи (Куд., Коч.), более распространено было употребление смолы ели. Обычно еловую смолу растапливали, сливали в емкость с водой и затем жидкость сцеживали. Эту процедуру проводили взрослые, а дети постарше – самостоятельно. Кроме этого, ребята искали подходящие куски смолы, которые можно было не растапливать. Такая смола отличалась большей твердостью и более светлым цветом. В 1950-1960-е гг. в Кудымкарском районе среди детей было своеобразное соперничество на более красивую жвачку из смолы, некоторые даже раскрашивали ее красками: *Краскаэс тай, школаын краситчан, да сийöн краситамö. Эшö ошъясьмö, кытшиöм ся меам.... Эшö сирыс разнöй. Эм шёлковöй, блеститö... Эм фиолетöвöй кодь. А стараччан чочкомö, менам пö свиттьöвтö* ‘Краски есть, в школе красят, ими покрасишь. И еще хвастаешь, какая она у меня... Еще смола разная. Есть шелковая, блестит... Есть наподобие фиолетовой. А стараешься белую, у меня де блестит’ (Першина, Куд.).

Дети имели представление о пригодных для питания видах флоры, знали о вкусовых и питательных качествах употребляемых трав, ягод, частей деревьев, а также на собственном опыте или благодаря предупреждениям взрослых определяли токсичные растения.

Иные варианты включения растений в мир детской среды. Молодежь была неременным, а иногда и основным участником троицких гуляний, главным символом которых считается береза. Девушки украшали дерево, изготавливали чучело, водили хороводы, играли в игры, а затем провожали березку и «купали» ее в реке. Этот день называли еще *пунимлун* ‘день именин дерева’, тогда существовал запрет на любое повреждение деревьев, который налагался и на детей. В локальных обычаях отмечается разная степень включения зеленого символа Троицы в праздничные действия молодого поколения, тем не менее это торжество формировало особое личностное отношение к березке, дендритам и растительности в целом. Культ березы демонстрировал восхищение красотой и свежестью растительности, уважение к природе. Среди местных обычаев можно выделить традицию деревень Юсьвинского и Кудымкарского района устраивать индивидуальные скамеечки или беседки с использованием березок, которые в некоторых случаях самостоятельно приносили девочки накануне праздника. В деревнях Кочевского района из травы, веток и мха к празднику формировали основу для «кукол» разного размера, их наряжали и усаживали под березу или на лавку. Во время праздника они становились главным объектом внимания девочек. В некоторых деревнях Кудымкарского района в местах проведения праздничных ритуалов детям давали возможность вволю набегаться и напрыгаться. Популярной была забава прыгать на доске [Климов, Чагин 2005, 161]. Еще устраивали прыжки через жердь или «через березку» (Мелехина, Сизева), наклоняя деревце к земле. Возможно, прыжки во время праздника имели магический характер, были призваны усилить рост растительности и содействовать взрослению детей.

Уже в детском возрасте коми-пермяки начинали самостоятельно заботиться о своем здоровье и гигиене в том числе с применением растений. В частности, дети собирали для себя известные им лечебные травы, прикладывали к ранкам лист подорожника, для умывания использовали пенящиеся при натирании травы: *Веччам ва дёрё. Вежён светитё, лисыс гырыся тай берег дорёттис. Сійё летам, зелёной лиссё чукёртам да этадз нёитам, нёитам. Перво кизё керан да этён коккезёс миссётам. Ся быг токо воё, кызд тай матегвён быгыс* ‘Пойдем на реку. Желтым цветет, листья большие на берегу [предположительно – калужница]. Их сорвем, зеленых листьев наберем и так трем, трем. Сначала руки и тут же ноги моем. Пена появляется, как от мыла пена’ (Оськанова, Куд.). Данные практики дети повторяли за взрослыми, через свой опыт они удостоверились в целебных свойствах растений и в пользе их применения как антисептических средств.

Фото 3. Место досуга девочки, д. Верхняя Волпа Юсьвинского района. 2022 г.

Одним из мест детской активности можно назвать обустроенные в виде шалашей или домиков *клетки* и *балаганы*, которые принадлежат только детям. Это пространство их деятельности, в котором они сами определяют правила. По рассказам старшего поколения, *клетки* устраивали в младшем воз-

расте в подсобных постройках, на открытом воздухе вблизи дома или даже в ближайшем лесу, при этом никогда не упоминаются сооружения на деревьях. Хотя среди подростков были любители лазить по деревьям, последние, по-видимому, не становились их укрытием и предпочтительным местом пребывания. Подобные *штабики* появились только в конце XX – начале XXI века. Причины их появления раскрыл И. А. Морозов: это влияние художественной литературы и кинематографа [Морозов 2009, 775]. На территории Коми-Пермяцкого округа нам встречались лишь единицы подобных обустроенных детьми пространств на окраине поселения или двора. Для них выбирали одно или несколько деревьев, которые имели удобные ветви для размещения или строительства настила (Фото 3, 4). Вот как, например, описывают местные жители деятельность девочки на дереве, к которому она приделала ступеньки в виде забитых брусков: *Лесенканас каяс, сэтчö пуксяс, то ли сiя сьывö, то ли сiя мыйкö выддьö сэтöн* ‘Заберется по лесенке, сядет, то ли она поет, то ли что-то читает здесь’ (Верхняя Волпа, Юсьв.). Таким образом, уже в современную эпоху в детской среде коми-пермяков у деревьев появляется новая роль – место для обустройства собственного пространства, потаенного уголка. Соответственно в восприятии детей такие деревья могут рассматриваться либо как технические средства, дающие возможность реализовать свое желание, либо как микрокосм, маленький цельный мир, в котором удобно проводить время и быть независимым от мира взрослых.

Фото 4. Сооружение на пихте у берега р. Иньвы, с. Архангельское Юсьвинского района. 2016 г.

Выводы

Большинство описанных практик использования растений детьми осуществляются при непосредственном контакте с природой, когда ребенок имеет возможность наблюдать за ней и выбирать нужные травы, цветы, ягоды и деревья. Включение их в игры и развлечения ограничено по времени сезонными циклами жизни растений. В зимний период возможно использование только заготовленного сырья и материалов. В целом, в мир детской культуры коми-пермяков в XX в. были включены разнообразные виды флоры, хотя в каждом индивидуальном опыте их число может быть небольшим. В детские игры часто включались яркие цветы, необычные по свойствам травы и грибы, в пищу употреблялись разные на вкус части трав и деревьев. Рассмотренные практики разнообразны по способам применения растений. Ряд их наследуется как традиция старших поколений, но можно отметить развлечения, которые основываются на фантазии и практическом опыте отдельных ребят. При сравнении с традициями других народов, можно выделить общие и более ранние варианты. Например, плетеные из бересты и лыка шары, свистульки и дудочки из растительных материалов были в прошлом известны разным народам, скрученные куклы из листьев – коми (зырянам) и бесермянам, декорирование природных материалов оттискиванием зубами – детям манси, удмуртов и бесермян, игра с одуванчиком во рту была популярна среди удмуртских детей [Покровский 1895, 77–79,90, 237; Попова 2005, 85–92; Семенова, Чудова 2010, 118, 128]. Аналогии в детских забавах у разных народов объясняются взаимодействием разных этнических групп, а также схожим опытом познания и использования флоры. Часть потребляемых коми-пермяцкими детьми в пищу дикоросов тоже известна как

дополнительный источник питания в других культурах [Ананьев 2012, 3; Воронина 2012; Муллагулов 2014, 26–34; Лебедева, Ткаченко 2016, 48–50; Сунцова 2020, 305–310].

Игры и забавы с растениями, употребление их в пищу способствуют самостоятельному познанию детьми местной флоры: формированию умения различать одно растение от другого, знанию их особенностей строения, вкусовых и ароматических свойств, складыванию представлений об их жизненном цикле и некоторых условиях произрастания. При этом дети могут не знать названий ряда растений и давать им свои имена (*часики, кураннэз*). Знания о растениях усваиваются «между делом», так как дети не ставят для себя специальных образовательных задач. Действия с флорой развивают не только познания о природе, но и воображение, эстетические чувства, артикуляционные, хозяйственные и музыкальные навыки.

Кажется, что игры и забавы не предполагают каких-либо ограничений в объеме используемого растительного материала, дети берут то, что находят в нужном им количестве, относясь к природе потребительски. Но учитывая то, что в детской среде чаще «в дело» идут распространенные дикоросы и деревья, а игровые практики непродолжительны и связаны с отдельными циклами жизни растений, в них нельзя увидеть нанесения значительного вреда местной растительности. Дети получают понимание ценности растений как радующих глаза красок и форм, пищевого сырья, поделочных материалов, и со временем это может привести к осознанию необходимости умеренного потребления данных ресурсов.

Благодарим Надежду Юрьевну Сунцову за помощь в определении ряда растений.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИГИ УрО РАН – филиала ПФИЦ УрО РАН.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьев Н. Деревня Суханы: документальная история одной деревни в трех частях. Соликамск, 2012. 232 с.

Артемова О. Ю. Дети в обществе аборигенов Австралии // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1992. С. 17–55.

Богочанова А. В. И рога, и копыта... // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 78–82.

Волдина Т. В. Традиционные обско-угорские игры с косточками и другими роговидными материалами: структурно-типологический анализ // Вестник угроведения. 2019. № 3. Т. 9. С. 520–532.

Воронина Т. А. Использование естественных растительных ресурсов в традиционном питании жителей Русского Севера (XIX – начало XX века) // Традиционная культура. 2012. № 2. С. 84–94.

Гресь Р. А. Этноботаника: отечественная и зарубежная парадигмы, направления и перспективы развития // Научный альманах. 2017. № 1-3 (27). С. 317–327.

Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Изд-во «Наука», 1980. 239 с.

Жуланова Н. И. Флейта Пана в деревенском быту коми-пермяков // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 43–54.

Иллюстрированный определитель растений Пермского края / С. А. Овсенов, Е. Г. Ефимик, Т. В. Козьминых и др. Пермь: Книжный мир, 2007. 743 с.

Климов В. В. Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках: на коми-перм. и рус. яз. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 368 с.

Климов В. В., Чагин Г. Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2005. 256 с.

Колосова В. Б. Славянская этноботаника: очерк истории // Этноботаника: растения в языке и культуре (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VI. Ч. 1). СПб: Изд-во «Наука», 2010. С. 7–30.

Лебедева Т. П., Ткаченко К. Г. Особенности использования карелами и русскими растений местной флоры в качестве лекарственных и пищевых // Традиционная медицина. 2016. № 4. С. 43–52.

Лобанова А. С. О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан, пистик, горадуль // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Материалы V Всеросс. научн. конф. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. С. 240–248.

Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений [Электронный ресурс] / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2021. 116 с. URL: <http://www.psu.ru/nauka/elektronnyye-publikatsii/monografii-123123/materialy-dlya-slovarya-komi-permyatskikh-nazvaniy-rastenij>. (10 декабря 2022).

Морозов И. А. Игровой «дом» (в контексте современных игровых практик) // Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. С. 737–779.

Муллагулов М. Г. Архаичные способы хозяйства у башкир: традиции и новации. Уфа: Китап, 2014. 176 с.

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). М.: Типо литография В. Ф. Рихтер, 1895. 368 с.

Попова Е. В. Игрушки из растений в детской игровой культуре удмуртов и бесермян // Традиционная культура. 2005. № 3. С. 85–93.

Пьянкова Т. А. Народная игрушка коми (зырян) // Мир детства в культуре коми / Сост. О. З. Остапова, Т. И. Чудова. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2013. С. 53–58.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 1–127. Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстративная энциклопедия / Авт.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. СПб: Искусство – СПб, 2006. 566 с.

Семенова В. А., Чудова Т. И. Народная культура коми (зырян): учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2010. 146 с.

Словарь-справочник по педагогике / Авт.-сост. В. А. Мижериков; под общ. ред. П. И. Пидкасистого. М.: ТЦ Сфера, 2004. 448 с.

Сунцова Н. Ю. Грибы и дикорастущие растения в системе питания удмуртов // Современная удмуртская культура. Т. 1. Таллин: Tallinn University Press, 2020. С. 281–324.

Coley J., Solomon G., Shafiq P. The Development of Folkbiology: A Cognitive Science Perspective on Children's Understanding of the Biological World // Children and nature: psychological, sociocultural, and evolutionary investigations / Ed. by Peter H. Kahn, Jr. and Stephen R. Kellert. Cambridge, Massachusetts, London: The MIT Press, 2002. P. 65–90.

Gatt S., Tunnicliffe S. D., Borg K., Lautier K. Young Maltese children's ideas about plants // Journal of Biological Education. 2007. Vol. 41. Is. 3. P. 117–122.

Inagaki K., Hatano G. Young children's recognition of commonalities between animals and plants // Child Development. 1996. Vol. 67. P. 2823–2840.

Поступила в редакцию: 13.03.2023

Голева Татьяна Геннадьевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,

Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал Пермского федераль-

ного исследовательского центра УрО РАН,

Россия, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а,

Институт развития образования Пермского края,

614068, Россия, г. Пермь, ул. Екатерининская, 210.

E-mail: golevat@yandex.ru

T. G. Goleva

PLANTS IN THE CHILDREN'S CULTURE OF THE KOMI-PERMIANS

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-255-267

The article is devoted to the study of the Komi-Permian children's practices of using plants during the XX century. The study is based on field data collected at the beginning of the XXI century among different generations of Komi-Permians. Any actions of children with plants can be considered as a way of learning about the world of flora and gradual inclusion of the younger generation in the interaction with nature. The study identified plants that were interesting to children during their leisure, and indicated the reasons for which they were chosen. Several functions of plants stand out in children's practices: decorative material, an attribute of the game, raw materials for making toys, and a food product. Children and youth played special roles in games and rituals with the birch tree on the Day of the Holy Trinity. Few examples indicate that children used plants for hygienic and medicinal purposes. A new phenomenon for Komi-Permians was the construction of children's houses on trees. The practices of using flora in the children's environment

are dynamic. They are conditioned by the economic changes, also by the interests of children and folk tradition. Thanks to games and fun with flowers, leaves, berries and other parts of plants children learn about their features and properties, they are able to identify them and learn to evaluate their practical benefits. The described actions with plants are quite diverse, they provide an opportunity to develop the intellectual and physical skills of the younger generation.

Keywords: Komi-Permians, children's culture, ethnobotany, folk pedagogy, children's folkbiology, edible wild plants, games, toys, children's fun, Day of the Holy Trinity.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 255–267. In Russian.

REFERENCES

- Anan'ev N.** *Derevnya Sukhany: dokumental'naya istoriya odnoi derevni v trekh chastyakh* [The village of Sukhany: a documentary history of one village in three parts]. Solikamsk, 2012. 232 p. In Russian.
- Artemova O. Yu.** *Deti v obshchestve aborigenov Avstralii* [Children in the Aboriginal society of Australia]. *Etnografiya detstva. Traditsionnye metody vospitaniya detei u narodov Avstralii, Okeanii i Indonezii* [Ethnography of childhood. Traditional methods of parenting among the peoples of Australia, Oceania and Indonesia]. Moscow, 1992, pp. 17–55. In Russian.
- Bogochanova A. V.** *I roga, i kopyta...* [Horns and hoofs...]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu tsentra ustnoi istorii i etnografii laboratorii istoricheskogo kraevedeniya Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Ethnography of Altai and adjacent Territories: Materials of the international scientific conference dedicated to the 25th anniversary of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local Lore of the Altai State Pedagogical University]. Barnaul, 2015, is. 9, pp. 78–82. In Russian.
- Voldina T. V.** *Traditsionnye obsko-ugorskie igry s kostochkami i drugimi rogovidnymi materialami: strukturno-tipologicheskii analiz* [Traditional Ob-Ugric games with bones and other horn-like materials: structural and typological analysis]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2019, vol. 9, no 3, pp. 520–532. In Russian.
- Voronina T. A.** *Ispol'zovanie estestvennykh rastitel'nykh resursov v traditsionnom pitanii zhitelei Russkogo Severa (XIX – nachalo XX veka)* [The use of natural plant resources in the traditional nutrition of the inhabitants of the Russian North (XIX – early XX century)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2012, no. 2, pp. 84–94. In Russian.
- Gres R. A.** *Etnobotanika: otechestvennaya i zarubezhnaya paradigmy, napravleniya i perspektivy razvitiya* [Ethnobotany: domestic and foreign paradigms, directions and development prospects]. *Nauchnyi al'manakh* [Science Almanac]. 2017, no. 1-3 (27), pp. 317–327. In Russian.
- Gribova L. S.** *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi* [Decorative and applied art of the Komi peoples]. Moscow, Nauka, 1980. 239 p. In Russian.
- Zhulanova N. I.** *Fleita Pana v derevenskom bytu komi-permyakov* [Pan's flute in the village life of Komi-Permians]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2002, no 3, pp. 43–54. In Russian.
- Ovsenov S. A., Efimik E. G., Koz'minykh T. V.** et al. *Illyustrirovannyi opredelitel' rastenii Permskogo kraja* [Illustrated determinant of plants of the Perm Region]. Perm', Knizhnyi mir, 2007. 743 s. In Russian.
- Klimov V. V.** *Korni bytiya: etnograficheskie zametki o komi-permyakakh* [The Roots of being: ethnographic notes about the Komi-Permians]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. 368 p. In Russian, Komi-Permian.
- Klimov V. V., Chagin G. N.** *Kruglyi god prazdnikov, obryadov i obychaev komi-permyakov* [All year-round holidays, rituals and customs of Komi-Permians]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005. 256 p. In Russian.
- Kolosova V. B.** *Slavyanskaya etnobotanika: ocherk istorii* [Slavonic Ethnobotany: a glimpse of history]. *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Ethnobotany: Plants in Language and Culture. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Saint Petersburg, Nauka, vol. VI, part 1, pp. 7–30. In Russian.
- Lebedeva T. P., Tkachenko K. G.** *Osobennosti ispol'zovaniya karelamy i russkimi rastenii mestnoi flory v kachestve lekarstvennykh i pishchevykh* [Peculiarities of using plants of local flora by Karelians and Russians as medicinal and nutritional]. *Traditsionnaya meditsina* [Traditional medicine]. 2016, no 4, pp. 43–52. In Russian.
- Lobanova A. S.** *O kul'turnoi konnotatsii komi-permyatskikh fitonimov pikan, pistik, goradzul'* [On the cultural connotation of Komi-Permian phytonyms pikan, pistik, goradzul']. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei. Materialy V vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Philology in the XXI century: methods, problems, ideas. Materials of the V All-Russian Scientific Conference]. Perm, 2017, pp. 240–248. In Russian.

Fedoseeva E. L., et al. *Materialy dlya slovarya komi-permyatskikh nazvanii rastenii* [Materials for the Komi-Permian dictionary of plant names]. Perm, 2021. 116 p. URL: <http://www.psu.ru/nauka/elektronnye-publikatsii/monografii-123123/materialy-dlya-slovarya-komi-permyatskikh-nazvanij-rastenij>. In Russian. (Accessed December 10th 2022).

Morozov I. A. Igrovoi “dom” (v kontekste sovremennykh igrovyykh praktik) [Game “house” (in the context of modern gaming practices)]. *Ocherki russkoi narodnoi kul'tury* [Essays of Russian folk culture]. Moscow, Nauka, 2009, pp. 737–779. In Russian.

Mullagulov M. G. *Arkhaichnye sposoby khozyaistva u bashkir: traditsii i novatsii* [Archaic ways of farming among Bashkirs: traditions and innovations]. Ufa, Kitap, 2014. 176 p. In Russian.

Pokrovskii E. A. *Detskie igry, preimushchestvenno russkie (v svyazi s istoriei, etnografiei, pedagogikoi i gigienoi)* [Children's games, mostly Russian (in connection with history, ethnography, pedagogy and hygiene)]. Moscow, Tipo litografiya V. F. Rikhter, 1895, 368 p. In Russian.

Popova E. V. Igrushki iz rastenii v detskoj igrovoi kul'ture udmurtov i besermyan [Toys made of plants in the children's play culture of Udmurts and Besermyans]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2005, no. 3, pp. 85–93. In Russian.

P'yankova T. A. Narodnaya igrushka komi (zyryan) [Komi (zyryan) folk toy]. *Mir detstva v kul'ture komi* [The world of childhood in Komi culture]. Syktyvkar, vol. 1, OOO «Idatel'stvo «Kola», 2013, pp. 53–58. In Russian.

Rogov N. A. Materialy dlya opisaniya byta permyakov [Materials for describing the life of the Permians]. *Permskii sbornik* [Perm collection]. Moscow, 1860, book 2, pp. 1–127. In Russian.

Baranov D. A., et al. *Russkie deti: Osnovy narodnoi pedagogiki. Illyustrativnaya entsiklopediya* [Russian children: Fundamentals of Folk pedagogy. Illustrative Encyclopedia]. Saint Petersburg, Iskusstvo – SPB, 2006. 566 p. In Russian.

Semenova V. A., Chudova T. I. *Narodnaya kul'tura komi (zyryan): uchebnoe posobie* [Komi (Zyryan) Folk Culture: textbook]. Syktyvkar, Izdatel'stvo Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 146 p. In Russian.

Mizherikov V. A. *Slovar'-spravochnik po pedagogike* [Dictionary-handbook of pedagogy]. Moscow, TTs Sfera, 2004. 448 p. In Russian.

Suntsova N. YU. *Griby i dikorastushchie rasteniya v sisteme pitaniya udmurtov* [Mushrooms and wild plants in nutrition system of the Udmurt]. *Sovremennaya udmurtskaya kul'tura* [Contemporary Udmurt Culture]. Tallin, vol. 1, Tallinn University Press, 2020, pp. 281–324. In Russian.

Coley J., Solomon G., Shafto P. The Development of Folkbiology: A Cognitive Science Perspective on Children's Understanding of the Biological World. *Children and nature: psychological, sociocultural, and evolutionary investigations*. Cambridge, Massachusetts, London: The MIT Press, 2002, pp. 65–90.

Gatt S., Tunnicliffe S. D., Borg K., Lautier K. Young Maltese children's ideas about plants. *Journal of Biological Education*, 2007, vol. 41, is. 3, pp. 117–122.

Inagaki K., Hatano G. Young children's recognition of commonalities between animals and plants. *Child Development*, 1996, vol. 67, pp. 2823–2840.

Received 13.03.2023

Goleva Tatiana Gennadyevna

Candidate of Science (History), Senior Research Associate
 Institute of Humanitarian Studies UB RAS – branch of the Perm Federal Research Center of the UB RAS
 13a, Lenina st., Perm, 614990, Russia
 Education Development Institute of Perm Krai
 210, Ekaterininskaya st., Perm, 618068, Russia
 E-mail: golevat@yandex.ru

Статья посвящена малоизученному в отечественной историографии сюжету о взаимоотношениях средневековой Венгрии и Византийской империи в период правления династий Арпадов и Комнинов. Источниковую базу исследования составили венгерские и далматинские хроники, исторические сочинения византийских авторов, повествовательные источники латинского происхождения. В них содержатся сведения о внешней политике Венгрии и Византии, дипломатических контактах, династических браках, военных конфликтах, экономическом противостоянии, участии обоих государств в крестовых походах. Внешняя политика василевсов из династии Комнинов проходила в русле великой ойкуменической доктрины, предусматривающей расширение византийского влияния на сопредельные страны и народы. Средневековое венгерское государство было вынуждено лавировать между интересами крупных политических игроков – Византии, Германии, папства, итальянских городов-государств. Также политические и экономические интересы Венгрии и Византийской империи сталкивались в регионе Балкан и Адриатики. Наиболее острыми были противоречия по вопросу доминирования на территории Далмации. Важным фактором международных отношений в регионе стали крестовые походы, участники которых проходили по территориям обоих государств. Защита собственных земель от возможного разорения их крестоносцами, а также поиск политической выгоды на время сближали позиции Венгрии и Византии. Однако затем оба государства вновь начинали борьбу, которая усиливалась внутривизантийскими факторами, наиболее заметным из которых была борьба за венгерский трон среди родственников из семьи Арпадов. Нарастание византийско-венгерских противоречий будет происходить в течение первой половины XI в., и приведет к серии военных столкновений в 1151–1156 гг. и 1163–1167 гг.

Ключевые слова: византийско-венгерские отношения, крестовые походы, Арпады, Комнины, Далмация, Венеция, империя, внешняя политика, экспансия, династические браки

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-268-276

Средневековая Венгрия принимала участие во многих значимых мировых событиях. Примечательна история взаимодействия Венгрии с ее соседями, в частности с Византией. Императорский трон Византии в конце XI–XII вв. занимали Комнины, венгерским королевством правили Арпады. Арпады и Комнины поддерживали дипломатические контакты, заключали династические браки, но также ожесточенно воевали друг с другом.

Взаимоотношения Венгрии и Византии в этот период освещены как в венгерских источниках, так и в текстах авторов из других стран. Из венгерских источников отметим «Венгерскую иллюстрированную хронику» [Венгерская иллюстрированная хроника 2010], созданную в XIV в. королевским капелланом Мартином Кальти. Хроника начинается с генеалогии венгерских вождей и заканчивается событиями 1333 года. Отдельные сведения по истории венгерской внешней политики содержат нормативно-правовые источники периода правления Арпадов, например, законы короля Коломана, опубликованные Я. Баком [Вак 1999]. Длительный и сложный процесс покорения Венгрией Далмации раскрывает «История архиепископов Салоны и Сплита» далматинского хрониста Фомы Сплитского [Фома Сплитский 1997].

В византийских нарративных источниках сюжеты об отношениях Венгрии и Византии содержатся в сочинениях Анны Комнины [Анна Комнина 1996], Иоанна Киннама [Иоанн Киннам 1859], Никиты Хониата [Никита Хониат 1860]. В них перечислены наиболее значимые события и показаны портреты политических деятелей рассматриваемого периода.

Сведения о взаимоотношениях Венгрии и Византийской империи представлены и в латинских источниках. В «Деяниях Бога через франков» Гвиберта Ножанского [Гвиберт Ножанский 1972], «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского [Альберт Аахенский 1887], «Деяниях императора Фридриха Барбароссы» Оттона из Фрейзинга [Оттон Фрейзингенский 1990], в историческом повествовании «О странствиях Людовика VII, франкского короля, на Восток» Одона Дейльского [Одон Дейльский 1887] рассказывается об отдельных аспектах византийско-венгерских отношений в контексте истории крестовых походов. В «Чешской хронике» Козьмы Пражского [Козьма Пражский 1962] содержатся данные о венгерской внешней политике, военных конфликтах и династических

браках. И хотя эти сведения носят разрозненный характер, они дополняют данные венгерских и византийских текстов. Таким образом, источниковая база для изучения венгерско-византийских отношений в конце XI – середине XII вв. разнообразна и репрезентативна.

В отечественной историографии византийско-венгерские отношения рассматривались в контексте истории крестовых походов [Безобразов 1883; Васильев 2000; Успенский 1948], а также в рамках исследований об экономической экспансии Венеции [Соколов 1963].

Из зарубежных авторов особый интерес вызывают работы венгерских историков Ф. Макка [Makk 1989; Makk 2008] и Д. Кристо [Kristó, Makk 1996]. Также для изучения внешней политики Венгрии и Византии информативны труды Д. Д. Оболенского [Оболенский 1998], П. Стивенсона [Stephenson 2000], П. Энгеля [Engel 2001].

Византия для Венгрии была одним из ключевых объектов на международной арене. Формы взаимодействия и противостояния могли быть разными – от военной конфронтации до взаимовыгодных династических браков. Византия – мощное имперское государство, претендующее на территории Венгерского королевства, могла быть как союзником, так и врагом, оставаясь ключевым игроком на Балканском полуострове. Византия воспринимала Венгрию как потенциального вассала, что станет особенно заметным в правление императора Мануила I Комнина. Проследим эволюцию византийско-венгерского взаимодействия, обратившись к первым годам правления Арпадов и Комнинов.

В последней трети XI в. отношения между Венгрией и Византией не были интенсивными из-за внутренних и внешних проблем, с которыми столкнулись обе страны. Византия находилась в сложной ситуации: кризисы власти и экономики, агрессия со стороны соседей. Поражение при Манцикерте 1071 г. показало, что у империи появился новый грозный враг – Иконийский султанат. Кроме того, на Византию давил давний противник – норманны во главе с Робертом Гвискараром, которые после захвата г. Бари вытеснили греков из Южной Италии. На северные балканские земли наступали племена печенегов, однако Алексей I Комнин сумел разбить их 29 апреля 1091 г. в битве при Левунии.

Венгрия на тот момент также была занята внутренними проблемами. Во второй половине XI в. в Венгрии шло формирование феодальных отношений, государственного аппарата и церковных институтов. С 1077 по 1095 гг. венгерский трон занимал Ласло I. Некоторое время напрямую Венгрия и Византия не сталкивались. Противостояние обострилось в тот момент, когда Ласло I начал экспансию к берегам Адриатического моря, захватывая Хорватию и стремясь взять под контроль Далмацию.

Далмация – территория на северо-западе Балканского полуострова – была важным стратегическим и экономическим районом с крупными, богатыми торговыми городами, которые представляли интерес для соседних государств. В Далмации сходились внешнеполитические устремления не только Венгрии и Византии, но также Венеции и папства. Для Венгрии Далмация представляла собой привлекательный район, за счет которого можно было бы приумножить свое богатство и распространить свое влияние на весь полуостров. Византия была заинтересована в сохранении за собой права, пусть даже формального, на владение этими землями, и риторика восстановления поздней Римской империи при Комнинах была сильна как никогда [Makk 1989, 7].

Для Венеции Далмация была объектом активной политики еще в первые десятилетия XI в. Она стала важным пунктом в той колониальной империи, которую строила Венеция для контроля над Адриатическим морем. По мнению Н. П. Соколова, «венецианцы не жалели ни сил, ни средств для того, чтобы твердо держать в своих руках коммуникации с Востоком. И борьба за Далмацию, которую поведет Венеция, в известной мере служила этим же целям охраны коммуникаций с Востоком, хотя и не им одним» [Соколов 1963, 186].

Первое столкновение между тремя государствами произошло в тот момент, когда Ласло I захватил Хорватию, воспользовавшись внутренними неурядицами после смерти короля Звонимира. Фома Сплитский сообщает: «Ввиду этого между всеми знатными людьми королевства стала затеваться великая вражда. И когда то один, то другой, движимый честолюбием, заявлял о своих претензиях на владение страной, начинались бесчисленные грабежи, разбои, убийства и всевозможные злодеяния» [Фома Сплитский 1997, 53]. Ласло I быстро занял Хорватию, чем насторожил Византию. Поэтому император Алексей I Комнин в 1091 г. отправил норманнских наемников в далматинские города [Makk 1989, 11]. От дальнейшей экспансии Ласло отвлекло нападение половцев, которое, согласно «Венгерской иллюстрированной хронике», было инспирировано Русью: «А после этого славный король напал на Русь, потому что это по их совету половцы совершили набег на Венгрию» [Венгерская иллюстрированная хроника 2010, 361]. Однако, по мнению Ф. Макка, конфликт был спровоцирован Византией [Makk 1989, 10]. Занятый половцами, а также участием во внутренних спорах в Чехии и

Польше, Ласло I так и не смог захватить Далмацию. Его племянник Алмос, собиравшийся выступить против греков, тоже отказался от этой идеи по просьбе германского императора [Макк 1989, 11].

Нерешенный вопрос с Далмацией наследовал следующий король Венгрии – Коломан I Книжник. Начало его правления совпало с Первым крестовым походом. Поначалу сложностей с крестоносцами у него не возникло, первая группа прошла практически без конфликтов, единственный инцидент произошел недалеко от нынешнего г. Земун. По данным Альберта Аахенского, «16 человек из его (Вальтера) дружины, без ведома самого Вальтера, остались еще в Малевилле для закупки оружия, между тем, как он сам находился на другой стороне реки. Несколько беспутных венгров, видя, что Вальтер и его армия удалились, отняли у них оружие, одежды, золото и серебро, и, обобрав таким образом, отпустили нагишом» [Альберт Аахенский 1887, 111].

Вторая группа крестоносцев во главе с Петром Пустынником, отправившаяся через Венгрию [Гвиберт Ножанский 1972, 367], создала для Коломана I ряд неприятностей. Связано это было как раз с инцидентом с 16 крестоносцами. Коломан I впустил Пустынника с его людьми только после того, как тот дал обещание не разорять сельскую местность. Однако, когда Петр и его войско подошли к Земуну и «увидели на стенах города еще висевшие трофеи и оружие тех 16-ти человек из армии Вальтера» [Альберт Аахенский 1887, 113], то Пустынник приказал захватить город. «В этом деле пало до 4 тысяч венгров; пилигримы потеряли всего 100 человек, кроме раненых» [Альберт Аахенский 1887, 114]. Еще 6 дней Петр с пилигримами оставались в городе, пока не подошло войско Коломана I, и только тогда они отступили [Rubenstein 2011, 61]. В конце концов, когда в сентябре 1096 г. к границам Венгрии подошла армия Готфрида Бульонского, Коломан I пропустил его армию через свои земли с условием, что младший брат Готфрида должен остаться в заложниках у короля Венгрии, пока крестоносцы проходят через Венгерское королевство [Rubenstein 2011, 72].

Похожие проблемы возникли и у Византии, через земли которой также проходил путь крестоносцев. Алексей I опасался, что крестоносцы решат оккупировать его страну, поэтому принимал все предосторожности для того, чтобы уберечь империю от такого исхода. На венгеро-византийской границе оба государства сотрудничали в противодействии крестоносцам, однако это не привело к улучшению отношений между ними, так как Алексей I считал, что венгры могут воспользоваться ситуацией и напасть на Византию [Макк 1989, 12].

Большим вопросом для Алексея I оставалась Далмация, на которую вновь обратил внимание Коломан. Из-за начавшегося крестового похода, от Венгрии смогла отделиться Хорватия, однако весной 1097 г. венгры быстро вернули ее и вышли к побережью Адриатики. Алексей I Комнин понимал, что для сохранения контроля над Далмацией, нужно действовать. Из-за крестового похода Византия не могла самостоятельно защитить свои территории, поэтому Алексей I решил передать управление и оборону региона Венеции, которая уже давно мечтала о далматинском побережье. Этот шаг сделал дожей республики святого Марка герцогами Хорватии и Далмации [Соколов 1963, 222].

В ответ на такой ход Коломан I в 1097 г. женился на дочери Роджера I Сицилийского, в надежде получить от того содействие в борьбе против Венеции и Византии за далматинские земли. Но помощи Коломан не получил, поэтому вынужден был договариваться. В 1098 г. он заключил дружественное соглашение с венецианским дожем Витале I Микьели, сумев в этом договоре оспорить право дожа на титул «герцога Далмации и Хорватии». Коломан считал, что дож должен отказаться от титула «для сохранения дружбы» и «во избежание конфликтов в будущем» [Соколов 1963, 238].

В тот момент Венгрия и Венеция не решились на открытое военное противостояние. Коломан I вернулся к далматинскому вопросу позже. В 1105 г. он захватил ряд далматинских городов и близлежащие острова, а также убедил Папу Римского отказаться от своего права назначать прелатов в Далмацию. После этого Коломан I принял титул короля Венгрии, Далмации и Хорватии [Макк 1989, 14].

В тот же период Коломан I уделял пристальное внимание событиям на Балканах. В 1106 г. Боэмунд I Антиохийский при поддержке европейских государей объявил поход против Византии. В 1107 г. армия Боэмунда, с благословения Папы, предприняла мощное наступление на балканские владения империи [Безобразов 1883, 100]. Алексей I Комнин начал активно действовать, стараясь найти союзников против норманнов. Коломан и венецианский дож поддержали императора Византии. Византийско-венецианско-венгерский союз одержал верх над войсками Боэмунда, после чего он был вынужден заключить невыгодный для себя мир.

Помощь, оказанная венграми Византии, повлияла на будущее Далмации. Венгерское правление было благоприятно для далматинских городов [Соколов 1963, 240–241]. Коломан I «выдал им приви-

легию на свободу» [Фома Сплитский 1997, 54], что способствовало их экономическому росту. Также венгры не ограничивали их внутреннюю автономию.

Но венгерское господство в Далмации нарушало планы Венеции, поскольку политическое и экономическое подчинение этих городов было важным шагом в ее экспансии на восток (в сторону Византии и Леванта). Дождь попросил византийского императора в 1112 г. помочь ему вернуть Далмацию [Engel 2001, 36]. Алексей I в ответ просил дождя повременить с войной. Охлаждение отношений между Византией и Венецией было связано со спором из-за привилегий 1082 г., которые предоставляли Венеции коммерческие льготы, ущемляя при этом интересы византийских торговцев [Успенский 1948, 123–124]. Привилегии 1082 г. практически открыли двери для экономического вхождения Венеции в Византию, и, чтобы противодействовать его последствиям, император сблизился с Пизой – соперником Венеции. Договор между Византией и Пизой, заключенный в 1111 г., был направлен против привилегированного положения Венеции. Поэтому император не пошел на поводу у дождя, и выяснение отношений между Венецией и Венгрией было временно отложено. Коломан I счел целесообразным предпринять шаги для обеспечения венгерского контроля над Далмацией, он посетил Зару и подтвердил древние свободы Далмации [Font 2001, 71].

В последние годы правления Коломана I Венеция решила на отвоевание Далмации. В августе 1115 г. венецианский флот атаковал территории Далмации, находившиеся под властью Венгрии, не посоветовавшись с Византией и действуя исключительно по своей собственной инициативе [Соколов 1963, 321]. Венеция смогла захватить только часть Далмации, но дождь намеревался завершить свое завоевание в следующем году.

В феврале 1116 г. Коломан I умер, королем Венгрии стал его пятнадцатилетний сын Стефан. Весной дождь начал вторую кампанию по завоеванию Далмации, находившихся под властью Венгрии. Венецианские войска, которые возглавил дождь Орделафо Фальер, высадились в мае 1116 г. Поход одобрил Алексей I Комнин, хотя напрямую участвовать Византия не смогла из-за конфликтов с сельджуками на востоке [Макк 1989, 18]. По мнению Ф. Макка, Алексей I поддержал республику потому, что в отличие от Венгрии, Венеция никогда не оспаривала номинальный суверенитет Византии над Далмацией. В ходе операции венецианцы нанесли сокрушительное поражение отрядам венгров, но сам дождь погиб [Stephenson 2000, 203]. Новый дождь Доменико Миккель сумел полностью подчинить себе Далмацию и подписать в 1119 г. 5-летнее перемирие с Венгрией [Макк 1989, 19].

Когда перемирие закончилось, Стефан II решил вернуть себе далматинские территории, приняв во внимание экономический конфликт между Византией и Венецией из-за нежелания императора Иоанна II Комнина продлевать буллу 1082 г. Летом 1122 г. большой венецианский флот под командованием дождя отправился на восток, чтобы укрепить пошатнувшиеся позиции Республики в Леванте и Византии [Соколов 1963, 287]. На обратном пути в 1124 г. флот опустошил острова и береговую линию империи. Пользуясь отсутствием венецианского флота, летом 1124 г. Стефан II провел успешный захват центральной Далмации. Однако венецианцы, вернувшись с Востока в 1125 г., сумели быстро вернуть себе всю Далмацию. Только г. Биоград-на-Мору отчаянно сопротивлялся и в итоге был уничтожен [Stephenson 2000, 204].

После провала похода в Далмации во внешней политике Стефана II начался новый период. Он уладил отношения с Западом, а после вступил в прямое столкновение с Византией. Разногласия между этими двумя государствами начались еще во время венгеро-венецианской войны 1115–1118 гг., когда Алексей I поддержал Венецию в ее борьбе за Далмацию против Венгрии. Никита Хониат в качестве повода для начала войны называет ситуацию в византийском г. Браничево, жители которого «разбойнически нападают на проходящих к ним для торговли гуннов и поступают с ними весьма худо» [Никита Хониат 1860, 9].

Решающим толчком к войне стало бегство в Византию принца Алмоса, брата Коломана I [Макк 1989, 22]. «Тайной причиной этого неприязненного действия было то, что Алмуз, родной брат Стефана, начальствовавшего над гуннами, ушел к царю и был принят им чрезвычайно ласково...» [Никита Хониат 1860, 9]. О побеге Алмоса к византийскому императору говорит и Иоанн Киннам: «У короля Пэонии, Владислава, было два сына, Аллузий (Алмос) и Стефан. Стефан, как старший, по смерти их отца, сам собою принял власть; а другой убежал и пришел к царю, потому что у гуннов (венгров) есть обычай, что, когда государь умирает и оставляет детей, братья живут вместе во взаимном согласии, пока тот, который правит государством не сделается отцом дитяти мужского пола: а как скоро у него родится сын, другому позволено жить в стране не иначе, как с выколотыми глаза-

ми. Вот по этой-то причине Аллузий (Алмос) и пришел к царю. Царь рад был видеть этого человека и принял его с любовью...» [Иоанн Киннам 1859, 8].

Византия была знакома Алмосу, через нее он проезжал во время паломничества в Святую землю [Makk 1989, 14]. Узнав о бегстве Алмоса, Стефан II потребовал от Иоанна II, чтобы тот изгнал принца со своей земли, но император отказался. В ответ на это летом 1127 г. Стефан II во главе венгерского войска прошел вглубь балканских территорий империи, захватил и разграбил Белград, Браничево, Ниш, Софию и Филиппополь [Fine 1991, 234-235]. В Филиппополе, где находился в тот момент император Иоанн II, византийцы смогли дать отпор венгерским войскам и заставить их отойти от города: «царь благоразумно ограничил тогда свои оборонительные действия прибытием в Филиппополь и изгнанием из него гуннов» [Никита Хониат 1860, 9].

Осенью 1127 г. Алмос умер в Константинополе, однако война продолжилась. В 1128 г. Иоанн II со всей военной мощью Византии, подкреплённой сельджуками, ломбардцами, а также флотом на Дунае, двинулся на Венгрию. Экспедиция носила карательный характер за венгерский рейд: «...последующее затем время он употребил на то, чтобы все приготовить к обороне своих и отмщению врагам» [Никита Хониат 1860, 9]. Переправившись через Дунай, Иоанн II разбил королевские войска при Хараме и «овладел Франгохорием, этой плодотворнейшей частью земли гуннов» [Никита Хониат 1860, 9]. Стефан II в этой битве участвовать не мог по состоянию здоровья, ему «надлежало, по болезни, оставаться в пределах страны» [Иоанн Киннам 1859, 9]. После сражения Иоанн II «...немедленно возвратился в пределы римской империи и прибыл в Византию» [Иоанн Киннам 1859, 10]. Подобные действия свидетельствуют о том, что у императора не были цели оккупировать венгерские территории.

Выздоровев, Стефан II вновь приступил к войне против Византии. Венгерский король вступил в союз с Богемией и получил от нее войска [Makk 1989, 26-27]. В 1129 г. вместе с богемскими отрядами «гунны (венгры) осадили Браничев и заняли его» [Иоанн Киннам 1859, 10].

В ответ на это нападение, Иоанн II начал новый поход на венгров. Сначала он разбил восставших сербов, «потом, прибыв в Браничев в другой раз, он спешил возобновить ее (крепость)» [Иоанн Киннам 1859, 11]. Начавшаяся зима поставила имперскую армию в сложное положение, не хватало припасов, в лагере начались болезни, чем и решил воспользоваться венгерский король. Стефан II переправился через Дунай в надежде застать византийцев врасплох. Но императорской армии помогло предательство со стороны венгров. По рассказу Иоанна Киннама «...в стране гуннов находилась тогда женщина, родом латинянка, отличавшаяся богатством и знатностью происхождения. Она чрез своего посла известила царя об этом замысле» [Иоанн Киннам 1859, 11]. В конце 1129 г. между Стефаном II и Иоанном II был подписан мир, по которому сохранялся довоенный территориальный статус-кво [Makk 1989, 27].

После смерти Стефана II к власти пришел сын Алмоса – Бела II Слепец. В 1136 г. Бела захватил ряд далматинских территорий, в результате Далмация была поделена на три зоны: северная часть и острова принадлежали Венеции, центральная часть контролировалась Венгрией, в южной Далмации властвовала Византия.

Следующим этапом в продвижении венгров на юг стало добровольное подчинение в 1137 г. Боснии, а также захват долины р. Рама [Makk 1989, 33]. Эти приобретения примечательны тем, что Венгрия ради них не ввязывалась в военный конфликт с соседями. Ее главные противники в Далмации – Византия и Венеция – оказались в сложном положении из-за норманнской угрозы. Поэтому Венгрия не встретила никакого сопротивления со стороны могущественных соседей.

Большое значение в политической жизни средневековых государств имели династические браки. Через династический брак можно было заполучить права на владение землей, укрепить отношения между государствами, закрепить союз между ними. Такие задачи были призваны решать династические браки в отношениях между Венгрией и ее соседями, о примерах которых сообщают средневековые хронисты [Козьма Пражский 1962, 228]. В венгерской политике правильно выбранная династическая связь влияла на выживание государства, так как Венгрия была зажата между двумя могущественными и опасными соседями – Священной Римской империей и Византийской империей. Каждое из этих двух государств мечтало взять Венгрию под свой контроль, захватив ее территории или связав ее с собой вассальными отношениями.

В период правления Ласло I династических браков между Венгрией и Византией не было. Сам Ласло I в 1078 г. женился на дочери Рудольфа Швабского – Аделаиде [Kristó, Makk 1996, 118], чтобы

поддержать Рудольфа в его борьбе с Генрихом IV за власть в Священной Римской империи. В этом браке родилась дочь Пирошка, которая сыграет важную роль в отношениях Венгрии и Византии.

Император Алексей I Комнин предложил Пирошке выйти замуж за его сына Иоанна, которого он сделал соправителем. В первой половине 1105 г. венгерская принцесса прибыла в Константинополь [Kristó, Makk 1996, 107]. Благодаря браку Пирошки с Иоанном, Коломан стал союзником Алексея I [Анна Комнина 1996, 372].

Пирошка-Ирина какой-либо важной роли в политической жизни Византийской империи не играла. Она «целомудрием, скромностью и милосердием к нуждающимся далеко превосходила своих современниц» [Иоанн Киннам 1859, 249] и после смерти в 1143 г., была канонизирована [Оболенский 1998, 172]. Пирошка родила восьмерых детей [Анна Комнина 1996, 328], один из которых станет императором Мануилом I Комнином и сыграет значительную роль в истории византийско-венгерских отношений. На всем протяжении его царствования с 1143 по 1180 гг. Венгрия будет занимать одно из центральных мест во внешней политике империи. С его именем будет связан самый драматичный период противостояния двух государств, когда произойдут византийско-венгерские войны 1151–1156 гг. и 1163–1167 гг., ставшие итогом давнего противостояния между двумя государствами.

Итак, со второй половины XI в. отношения Венгрии и Византии были важной составляющей их политической жизни. Венгрия проводила активную экспансионистскую политику, которая напрямую затрагивала интересы Византии на Балканах. Восточная Римская империя на первоначальном этапе пыталась превратить Венгрию в зависимую от Константинополя страну. Однако позднее, поняв, что венгерское королевство из варварского государства превратилось в равную другим европейским странам монархию, Византия пыталась противостоять Венгрии либо через дипломатические манипуляции, либо через прямое военное столкновение.

Венгрия из молодого государства стала достойным соперником Византии, участвуя в коалициях против империи и стараясь поддерживать противников греков ради достижения собственных целей. Она активно противостояла попыткам Комнинов восстановить масштабы империи Юстиниана.

Венгерское королевство постоянно находилось под давлением того или иного могущественного государства-соседа, будь то Венеция, с которой Венгрия постоянно конфликтовала из-за далматинских земель, или же Германия, которая, как и Византия, стремилась создать универсальную империю. Королевство лавировало между этими силами, играя на их противоречиях и конфликтах.

Что касается Византии, то она вела свою политическую деятельность по нескольким направлениям. На Западе это борьба с норманнами, стремление вернуть итальянские земли, борьба и сотрудничество со Священной Римской империей. На Балканах – подчинение сербов и венгров, а также Далмации. На Востоке основными направлениями были Малая Азия и Святая Земля.

В международных делах императоры Алексей I, Иоанн II и Мануил I руководствовались Великой ойкуменической доктриной, которая отстаивала идею исключительности Византийской империи как единственной законной наследницы Римской империи и империи христианской. Также она продвигала идею исключительности византийского императора. Это побуждало Византию к активной внешней политике, дипломатической и миссионерской деятельности. Как правило, империя одновременно вела войны на нескольких фронтах, сочетая их с настойчивым стремлением включить соседние страны и народы в сферу своего политического, экономического, культурного и религиозного влияния. Венгрия не стала исключением, испытывав на себе самые разнообразные способы, которые Византийская империя использовала для продавливания своих интересов.

Существовали и объединяющие факторы, которые серьезно сказывались на политике этих двух держав. Например, крестовые походы, которые для Венгрии и Византии несли риск быть ограбленными и разоренными. В своем регионе Венгрия и Византия часто были соперниками, но, когда над ними нависала угроза извне, они объединяли свои силы. Сотрудничество такого рода имело временный характер, так как даже при наличии формального повода для совместных действий, каждая из сторон пыталась преследовать собственные интересы.

Еще одним испытанным способом взаимодействия двух государств противников-партнеров являлись династические браки. За браком венгерской принцессы Пирошки и византийского императора Иоанна II позднее последуют брак Стефана IV и племянницы Мануила I – Марии, помолвка Белы III с Марией Комниной, а также брак Маргариты Венгерской и Исаака Ангела. Однако подобные союзы если и сглаживали противоречия, то ненадолго. С изменением политической конъюнктуры или смены правителей династические связи переставали выполнять сдерживающую роль, а иногда даже провоцировали новые конфликты.

В целом, внешнеполитические отношения между Венгрией и Византией зависели от многих факторов, но они всегда касались нескольких важных направлений, где сталкивались интересы стран. Эта борьба серьезным образом повлияла на каждую из сторон. Для Византийской империи она стала одним из ослабляющих факторов, которые привели ее к гибели. А на Венгрии она сказалась противоположным образом. В противостоянии с греческой империей венгерское королевство научилось отстаивать независимость, бороться с более могущественными противниками, защищать свои территории и приобретать новые.

ЛИТЕРАТУРА

- Альберт Аахенский.* Иерусалимская история // Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и новейших ученых. Т. 3. Санкт-Петербург, 1887. С. 110–196.
- Анна Комнина.* Алексиада. Санкт-Петербург: Алетейя, 1996. 704 с.
- Безобразов П. В.* Боэмунд Тарентский // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1883. С. 37–119.
- Васильев А. А.* История Византийской империи (от начала Крестовых походов до падения Константинополя). Т. 2. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 592 с.
- Венгерская иллюстрированная хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том 4. Западноевропейские источники. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 354–372.
- Гвиберт Ножанский.* Деяния Бога через франков // Памятники средневековой латинской литературы X – XII вв. Москва: Наука, 1972. С. 365–367.
- Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. 1118–1180. Санкт-Петербург: тип. Г. Трусова, 1859. 363 с.
- Козьма Пражский.* Чешская хроника. Москва: Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.
- Макк Ф.* К вопросу о хронологии венгеро-византийских столкновений во время правления Гезы II (1141-1162) // Мир истории. 2008. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2008/01/makk2.htm>. (Дата обращения 22.01.2023).
- Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1. 1118–1183 / пер. под ред. В. И. Долоцкого. Санкт-Петербург: В тип. Департамента Уделов: В тип. Григория Трусова. 1860. 446 с.
- Оболенский Д. Д.* Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. Москва: Янус - К, 1998. 653 с.
- Одон Дейльский.* О странствии Людовика VII, франкского короля, на Восток // Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и новейших ученых. Т. 3. Санкт-Петербург, 1887. С. 356–369.
- Оттон Фрейзингенский.* Хроника. Деяния Фридриха // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. 2. Середина XII – середина XIII вв. Москва: Ин-т истории АН СССР. 1990. С. 289–307.
- Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963. 542 с.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 3. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. 1948. 858 с.
- Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. Москва: Индрик, 1997. 320 с.
- Bak J.* The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary. Vol. 1. 1000–1301. URL: https://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=lib_mono (дата обращения 27.12.2023).
- Engel P.* The Realm of St Stephen. A History of Medieval Hungary, 895–1526. London; New York: I. B. Tauris, 2001. 452 p.
- Fine J. V. A.* The Early Medieval Balkans: A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. 336 p.
- Font M.* Koloman the Learned, King of Hungary. Szegedi: Szegedi Középkorász Műhely, 2001. 110 p.
- Kristó G., Makk F.* Az Arpad-hazuralkodoi. Budapest: I.P.C. Könyvek, 1996. 288 ol.
- Makk F.* The Arpads and the Comneni: Political Relations Between Hungary and Byzantium in the 12th Century. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989. 215 p.
- Rubenstein J.* Armies of Heaven: The First Crusade and the Quest for Apocalypse. London: Hachette UK, 2011. 424 p.
- Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 352 p.

Поступила в редакцию 30.01.2023

Зорина Анна Александровна

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: zorina1970@mail.ru

Нечаев Алексей Владиславович

Магистр исторических наук, учитель истории

МБОУ «ИТ-Лицей №24»

426004, Россия, Ижевск, ул. Советская, 23

E-mail: alexnech348@gmail.com

A. A. Zorina, A. V. Nechaev

HUNGARY AND BYZANTIUM AT THE END OF THE XI – FIRST HALF OF THE XII CENTURIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-268-276

The article is devoted to a little-studied plot in Russian historiography about the relationship between medieval Hungary and the Byzantine Empire during the reign of the Arpad and Komnenos dynasties. The source base of the study consisted of Hungarian and Dalmatian chronicles, historical works by Byzantine authors, narrative sources of Latin origin. They contain information about the foreign policy of Hungary and Byzantium, diplomatic contacts, dynastic marriages, military conflicts, economic confrontation, and the participation of both states in the crusades. The foreign policy of the Basileuses of the Komnenos dynasty was in line with the great ecumenical doctrine, which provided for the expansion of Byzantine influence on neighboring countries and peoples. The medieval Hungarian state was forced to maneuver between the interests of major political players – Byzantium, Germany, the Papacy, and the Italian city-states. Also, the political and economic interests of Hungary and the Byzantine Empire clashed in the region of the Balkans and the Adriatic. The most acute contradictions were on the issue of dominance in the territory of Dalmatia. The crusades the participants of which passed through the territories of both states were an important factor in international relations in the region. The protection of their own lands from possible ruin by the Crusaders, as well as the search for possible political benefits, brought the positions of Hungary and Byzantium closer together for a while. However, then both states started fighting again, which was intensified by internal political factors, the most notable of which was the struggle for the Hungarian throne among relatives from the Arpad family. The growing contradictions took place during the first half of the XI century, and lead to a series of Byzantine-Hungarian wars in 1151–1156 and 1163–1167.

Keywords: Byzantine-Hungarian relations, crusades, Arpads, Komnenos, Dalmatia, Venice, empire, foreign policy, expansion, dynastic marriages.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 268–276. In Russian.

REFERENCES

Al'bert Aahenskij. *Ierusalimskaja istorija* [Jerusalem History]. Stasjulevich M.M. Istorija srednih vekov v ee pisateljah i novejsih uchenyh [Stasjulevich M.M. The history of the Middle Ages in its writers and the latest scientists]. Saint-Petersburg, 1887. Vol. 3, pp. 110-196. In Russian.

Anna Komnina. *Aleksiada* [Alexiad]. Saint-Petersburg, Aletejja Publ., 1996. 704 p. In Russian.

Bezobrazov P. V. *Bojemund Tarentskij* [Bohemond of Tarentum]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Journal of the Ministry of Public Education]. Saint-Petersburg, 1883, pp. 37-119. In Russian.

Vasil'ev A. A. *Istorija Vizantijskoj imperii (ot nachala Krestovyh pohodov do padenija Konstantinopolja)* [History of the Byzantine Empire (from the beginning of the Crusades to the fall of Constantinople)]. Saint-Petersburg, Aletejja Publ., 2000. Vol. 2. 592 p. In Russian.

Vengerskaja illjustrirrovannaja hronika [Hungarian Illustrated Chronicle]. Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatija [Ancient Rus' in the light of foreign sources. A textbook]. Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovanija i nauke Publ., 2010. Vol. 4: Zapadnoevropejskie istochniki [Western European sources], pp. 354-372. In Russian.

Gvibert Nozhanskij. *Dejanija Boga cherez frankov* [Acts of God through the Franks]. Pamjatniki srednevekovoj latinskoj literatury X – XII vekov [Monuments of medieval Latin literature of the 10th-12th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 365–367. In Russian.

Ioann Kinnam. *Kratkoe obozrenie carstvovanija Ioanna i Manuila Komninov. 1118-1180* [A brief overview of the reign of John and Manuel Komnenos. 1118-1180]. Saint-Petersburg, Trusova Publ., 1859. 363 p. In Russian.

Koz'ma Prazhskij. *Cheshskaja hronika*. [Czech Chronicle]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 296 p. In Russian.

Makk F. *K voprosu o hronologii vengero-vizantijskih stolknovenij vo vremja pravlenija Gezy II (1141-1162)* [On the chronology of the Hungarian-Byzantine clashes during the Reign of Geza II (1141-1162)]. Mir istorii [The World of history]. 2008, no. 1. In Russian. URL: <http://www.historia.ru/2008/01/makk2.htm> (accessed: 22.01.2023).

Nikita Honiat. *Istorija, nachinajushhajasja s carstvovanija Ioanna Komnina. 1118-1183* [History beginning with the reign of John Komnenos] / ed. by V.I. Dolockogo. Saint-Petersburg, Departamenta Udelov, Grigoriya Trusova Publ., 1860. Vol. 1: 1118-1183. 446 p. In Russian.

Obolenskij D. D. *Vizantijskoe sodruzhestvo nacij: Shest' vizantijskih portretov* [The Byzantine Commonwealth of Nations: Six Byzantine Portraits]. Moskva, Janus – K Publ., 1998. 653 p. In Russian.

Odon Dejl'skij. *O stranstvii Ljudovika VII, franksogo korolja, na Vostok* [On the journey of Louis VII, the Frankish King, to the East]. Stasjulevich M.M. Istorija srednih vekov v ee pisateljah i novejsih uchenyh [Stasjulevich M.M. The history of the Middle Ages in its writers and the latest scientists]. Saint-Petersburg, 1887. Vol. 3, pp. 356-369. In Russian.

Ottom Frejzingskij. *Hronika. Dejanija Fridriha* [Chronicle. The Deeds of Frederick]. Latinojazychnye istochniki po istorii Drevnej Rusi. Germanija [Latin-language sources on the history of Ancient Russia. Germany]. Moscow, In-t istorii AN SSSR Publ., 1990. Vol. 2: Seredina XII – seredina XIII vv. [Mid-XII-mid-XIII centuries], pp. 289-307. In Russian.

Sokolov N. P. *Obrazovanie Venecianskoj kolonial'noj imperii* [Formation of the Venetian Colonial Empire]. Saratov, Sarat. un-t Publ., 1963. 542 p. In Russian.

Uspenskij F. I. *Istorija Vizantijskoj imperii* [History of the Byzantine Empire]. Moscow – Leningrad, AN SSSR Publ., 1948. Vol. 3. 858 p. In Russian.

Foma Splitskij. *Istorija arhiepiskopov Salony i Splita* [The history of the Archbishops of Salona and Split]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 320 p. In Russian.

Bak J. *The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary*. Vol. 1: 1000-1301. URL: https://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=lib_mono (accessed 27.12.2023). In English.

Engel P. *The Realm of St Stephen. A History of Medieval Hungary, 895–1526*. London; New York: I. B. Tauris, 2001. 452 p. In English.

Fine J. V. A. *The Early Medieval Balkans: A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. 336 p. In English.

Font M. *Koloman the Learned, King of Hungary*. Szegedi: Szegedi Középkorász Műhely, 2001. 110 p. In English.

Kristo G., Makk F. *Az Arpad-hazuralkodoi* [The Arpad landlords]. Budapest: I.P.C. Könyvek, 1996. 288 p. In Hungarian.

Makk F. *The Arpads and the Comneni: Political Relations Between Hungary and Byzantium in the 12th Century*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989. 215 p. In English.

Rubenstein J. *Armies of Heaven: The First Crusade and the Quest for Apocalypse*. London: Hachette UK, 2011. 424 p. In English.

Stephenson P. *Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900-1204*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 352 p. In English.

R
received 30.01.2023

Zorina Anna Alexandrovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Department of History of Udmurtia,

Archeology and Ethnology

Udmurt State University

1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia

E-mail: zorina1970@mail.ru

Nechaev Alexey Vladislavovich

Master of Historical Sciences, History teacher

MBEI "IT Lyceum No. 24"

23, Sovetskaya st., Izhevsk, 426004, Russia

E-mail: alexnech348@gmail.com

*О. М. Мельникова, Е. М. Черных***50 ЛЕТ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (К ЮБИЛЕЮ
КАМСКО-ВЯТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)**

В 2023 г. исполняется 50 лет Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ) Удмуртского государственного университета. Авторы рассматривают различные аспекты деятельности этого значимого института для развития региональной археологии. Проанализирована история включения студенчества в археологические исследования в России, подчеркнута роль университетского образования, программ, его обеспечивающих, в становлении отечественной археологии, в особенности начиная с 1970-х гг. – времени повсеместного открытия университетов в регионах страны. Обращено внимание на значимое социализирующее воздействие археологической экспедиции как на становление профессиональных историков в целом, так и на новые поколения археологов. КВАЭ многое сделала для расширения источниковедческой базы региональной археологии. Авторы выделяют значимые этапы в ее развитии, делая акцент на изучении памятников, ставшими ключевыми для построения научных концепций древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья. Указано на расширение предметной сферы археологических исследований КВАЭ: помимо спасательной археологии в последние годы актуализируется изучение исторических поселений, памятников нового времени. В статье обращено внимание на историко-антропологический аспект деятельности экспедиции. Она была бы невозможна без усилий ее основателя – доктора исторических наук Риммы Дмитриевны Голдиной, ее многочисленных учеников, чьими исследованиями на основе материалов, полученных КВАЭ, изучены отдельные категории археологического материала, типы памятников, обоснованы этногенетические и культурно-исторические схемы развития Прикамья в разные эпохи, разработаны модели демографического развития обществ прошлого, их социальной структуры, исследована история археологического изучения региона.

Ключевые слова: археология, Камско-Вятская археологическая экспедиция, Удмуртский госуниверситет, подготовка археологов, научные исследования, археологические памятники

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-277-288

Экспедиция – неотъемлемая составляющая археологической науки. В массовом сознании археология ассоциируется именно с экспедицией, ее захватывающими открытиями [Мельникова 2008, 9]. Экспедиционная романтика привлекает в поле любителей археологии. Для ученого-археолога экспедиционная работа составляет важное содержание его профессии. Поэтому важно осмыслить значение археологической экспедиции как для археологического сообщества, так и для общества в целом. 50-летний юбилей Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета является удобным поводом для таких размышлений.

«Толковый словарь иностранных слов» определяет понятие «экспедиция» как *«поездку, поход группы лиц, отряда с каким-либо специальным заданием, например, научную экспедицию или как группу, отряд участников такой поездки»* (Толковый словарь иностранных слов, <https://foreign.slovaronline.com/>). В истории отечественной археологии целый период XVIII в. именуется «периодом ученых путешествий» [Лебедев 1992, 51–68], хотя длительное время для полевой работы археологов чаще использовались понятия «поездка с конкретной научной целью» или «экскурсия» [например, Археологические экспедиции...1962, 11].

Феномен археологической экспедиции как самостоятельное подразделение научного учреждения появляется в советские годы. Но еще в довоенные годы полевые археологические исследования именуются как «поездки с археологическими целями в конкретный населенный пункт», или «работы по изучению, охране и реставрации памятников». Постепенно они сходят на нет и основной формой полевых изысканий археологов стала экспедиция как подразделение конкретного научного, музейного, реже университетского, чаще всего столичного, учреждения [Мельникова 2008, 11].

Перед Великой Отечественной войной в СССР работало около 40 археологических экспедиций как подразделений научных учреждений страны. К началу 1960-х гг. в стране их было уже 62 [Археологические экспедиции, 1962, 245–246].

В довоенные годы, как и до революции, основной костяк рабочей силы экспедиций составляли наемные работники; крестьяне работали на условиях поденщины. Так А. П. Смирнов, работая в 1920-е гг. в Удмуртии, для своих раскопок привлекал жителей местных деревень, расплачиваясь с ними мануфактурой, привезенной из Москвы.

К началу 1970-х гг. количество археологических экспедиций значительно увеличилось за счет вузовских, поскольку в эти годы во многих областных центрах СССР были созданы университеты. Учебный план по специальности «История» предполагал изучение дисциплины «Археология», подкреплявшейся археологической практикой. Кроме того, во многих университетах возникли специализации по археологии, что так же требовало практического освоения дисциплины и организации учебных археологических экспедиций.

Это привело к резкому изменению социального состава лиц, работающих в экспедициях. Их костяк стала составлять студенческая, а нередко и школьная молодежь. Археологическая экспедиция из института, призванного решать научные задачи, с притоком студенчества обрела еще одну значимую функцию – социализации молодежи.

Личностное и профессиональное становление историка в экспедиции проходит под воздействием непосредственного прикосновения молодого человека к истории. Живая связь с источником побуждает его осмысливать историю как процесс, ставить перед собой научные вопросы. Экспедиция – это одновременно и новый способ бытия для студента. В полевых условиях ярко высвечиваются отношения между людьми, осознаются такие значимые нравственные категории как «справедливость», «дружба», «взаимовыручка». Важным элементом размышлений о смысле истории и месте личности в ней оказывается и текст экспедиционной песни.

В результате археологические экспедиции определили профессиональную судьбу многих людей, помогли им реализоваться в других науках, сформировали круг тех, кто сохранил признательность экспедиции, работая в других сферах. Для многих студентов дружба, проявившаяся в экспедиции, продолжается на протяжении всей жизни.

В каждой университетской экспедиции складываются свои традиции, полученные материалы определяют тематику научных и учебных исследований. Во многих университетах археологические экспедиции становятся своеобразным символом студенчества.

Не стала исключением в этом ряду и КВАЭ Удмуртского госуниверситета. Она была создана в октябре 1972 г. на базе исторического факультета, при активном содействии руководства университета и исторического факультета [Голдина, 1996]. Это было время рождения университета и университетского образования в Удмуртии. У «колыбели» экспедиции стояли выпускники Уральского университета, признанного центра археологической науки, возглавляемого в тот период В. Ф. Генингом, – Р. Д. Голдина, В. А. Кананин, Т. М. Гусенцова, А. В. Прокопов.

Археологические работы в Удмуртии проводились еще с дореволюционной поры, но они были связаны с интересами отдельных ученых или организаций. Изучались, главным образом, прикамские районы и бассейн р. Чепцы [Спицын, 1893; Первухин, 1896; Мельникова, 2004]. О внутренних районах Удмуртии, а также большей части соседней Кировской области, непосредственно связанной с ранними этапами этнической истории удмуртов, научный мир имел лишь общие сведения или не имел никаких. Так, в «Очерках истории УАССР» 1958 г. крупнейший период исторического времени – каменный век – даже не рассматривался. Очевидно, как дань исторической справедливости следует рассматривать тот факт, что уже в первый полевой сезон КВАЭ 1973 г. история Удмуртии была решительно удревнена обнаружением стоянок эпохи мезолита и неолита.

Открытие в 1974 г. специализации по археологии, энтузиазм и романтика первых экспедиций, вера Р. Д. Голдиной в своих учеников влекли в экспедицию студентов. Уже в 1975 г. число разведочных отрядов в экспедиции было увеличено вдвое, в том числе за счет делегирования руководства ими студентам. Это не замедлило сказаться и на научных результатах. Из 317 обследованных памятников в 1973–75 гг. 297 были открыты вновь.

Значительная часть вновь обнаруженных в первые годы памятников оперативно включалась в план стационарных исследований КВАЭ, чему способствовали как новизна материалов, так и реальная угроза их утраты. Особое внимание уделялось изучению памятников эпохи камня. В их числе мезолитические стоянки Баринка I, II, Степинцы II, Муки-Какси I, II; поселения неолита – Моторки II, Новомултанская, Чумойтло, Нынек; энеолита – Лобань и Кочуровское IV [Гусенцова, 1977; Гусенцова, Голдина, 1977; Голдина, Гусенцова, 1979; Гусенцова, 1980; Гусенцова, 1981]. Все они заняли ключевое место в понимании процессов культурогенеза в Волго-Камье.

Регулярные разведки и раскопки на территории трех сопредельных регионов – Удмуртии, Кировской и Пермской областей – были призваны обеспечить надежными источниками перспективные разработки в области древней истории финно-угорских народов, прежде всего, удмуртов и коми-пермяков. Работы экспедиции велись за счет бюджетных средств Удмуртского университета. Расширению географии работ и пополнению источников их финансирования способствовали и грандиозные хозяйственные программы 1970-х гг.

Работы экспедиции в 1970–1980-е гг. проводились в междуречье Камы и Вятки: от предгорий Урала, до левых притоков Волги и границ с Республикой Коми. В 1983 г. в ней работало уже 12 разведочных отрядов; раскопки велись на 20 памятниках, на площади почти 10 000 кв. м [Голдина, Черных, 1987].

Впечатляющими были и география, и результативность поисков. Особенно «повезло» правому притоку Вятки – р. Пижме. Здесь были проведены раскопки поселений эпохи раннего металла Акшубень, Арбажский льнозавод, Коктыш (рук. Н. П. Карпова), Худяковских поселения бронзового века и могильника II–IV вв. н. э. (рук. Р. Д. Голдина), средневекового Еманаевского городища (рук. Н. А. Лещинская). Монографическое завершение получили результаты работ на вятских памятниках эпохи бронзы и I – нач. II тыс. н. э. (Сенникова, 2006; Лещинская, 1995; *её же*, 20). Целенаправленное изучение древнерусских памятников Вятской земли позволило Л. Д. Макарову подготовить и защитить кандидатскую диссертацию по истории ранней русской колонизации Вятского края [Макаров, 1985].

Активно исследовались почти неизвестные до той поры средневековые памятники в Южной Удмуртии. Жертвенное место Чумойтло с его оригинальным комплексом артефактов XI–XII вв. н. э. [Голдина, 1987а] вместе с материалами раскопок Т. К. Ютиной городищ у дд. Верхний Утчан и Благодарть явились основой для выделения древнеудмуртских археологических культур – верхнеутчанской и чумойтлинской [Голдина, 1987; Ютина, 1994].

В памяти сотрудников и студентов навсегда остался ещё один район работ КВАЭ — Сылвенско-Иренское поречье. Сотни студентов-историков прошли через археологическую практику на раскопках Бродовских курганов [Голдина, Водолаго, 1990], Бартымского [Голдина, Черных и др., 2011] и Неволинского [Голдина, 2012] могильников, городищ Подкаменное и Лобач [Голдина, Пастушенко и др., 2012], городища и могильника у дер. Верх-Сая [Голдина, Перевозчикова и др., 2018].

Концептуальная схема этногенеза удмуртов подразумевала важность изучения традиционных для прикамской археологии памятников раннего железного века, ананьинской и пьяноборской эпох. Сотрудниками экспедиции во второй половине 1970-х – 1980-е гг. велись раскопки Буйского, Никульчинского и Аргыжского городищ на Вятке, Икских поселений и могильника, Быргындинского IV и Дербешкинского поселений, Афонинского могильника – на Каме [Ашихмина, Клюева, 1984; Клюева, 1984; Черных и др., 2002].

Год 1980-й преподнес археологам поистине королевский подарок – Тарасовский могильник. Раскопки нового памятника будут продолжаться в течение 18 лет и выведут Тарасовский могильник в число крупнейших некрополей Восточной Европы.

В том же году в рекреационной зоне четвертого этажа 2-го учебного корпуса университета состоялось торжественное открытие археологического музея [Бернц, 2002]. В юбилейный год экспедиции идет его реновация.

Всего в течение первых 20 лет силами сотрудников экспедиции было организовано более 150 разведочных маршрутов, в ходе которых обследовано около 1200 памятников археологии, из них около 1000 – это вновь открытые [Голдина, Черных, 2011, 37].

Одновременно с количественным и качественным ростом полевых исследований шло формирование научной школы профессора Р. Д. Голдиной [Мельникова, 2006]. Большую помощь в теоретической подготовке археологов оказывали специалисты из ведущих учреждений страны (В. Ф. Генинг (Киев), Л. Я. Крижевская (Санкт-Петербург), Ю. Л. Щапова, В. В. Седов, В. А. Шнирельман (Москва), А. Х. Халиков, Т. А. Хлебникова (Казань), В. А. Оборин (Пермь) и другие).

С самого начала работ экспедиции важная роль была отведена междисциплинарным коммуникациям. С материалами экспедиции работали антропологи Г. В. Рыкушина (Москва) и Р. М. Фаттахов (Казань), антропологи А. Г. Петренко и О. Г. Богаткина (Казань), геоморфолог Г. П. Бутаков (Казань). Агротнботанические материалы КВАЭ изучались В. В. Туганаевым и Т. П. Ефимовой (Ижевск). Монеты из раскопок определяли сотрудники Государственного Эрмитажа, ГИМа, МГУ В. Г. Луконин, А. Б. Никитин, И. Г. Добровольский, Е. В. Зеймаль, И. В. Соколова, В. А. Калинин, Г. А. Федоров-Давыдов. Остатки тканей из Неволинского и Ныргындинского I могильников анализировала А. А. Гаврилова (Санкт-Петербург). Металлографическим анализом изделий занимался В. И.

Завьялов (Москва), определением радиоуглеродных дат – Г. И. Зайцева (Ленинград), петрографическим анализом каменного сырья – В. А. Верещагин (Ижевск). Эта традиция сохраняется и сегодня.

На рубеже 1980–1990-х гг. крепнут международные контакты археологов Удмуртского университета. Участие в целом ряде конференций в Финляндии, Эстонии, Венгрии позволило наладить связи с ведущими учеными этих стран, а в обстановке заинтересованности в финно-угорской проблематике удалось организовать ряд совместных научных проектов (стажировки и лекции, участие в раскопках памятников древности и средневековья в Западной Европе и в Удмуртии, публикации). Впервые уникальные находки из раскопок КВАЭ экспонировались на международной выставке в г. Татабанья (Венгрия), посвященной 1100-летию обретения венграми родины [Kama-vidéki, 1996].

В 1990-е гг. ритм деятельности КВАЭ меняется, что было связано с общей ситуацией в стране. Сокращение бюджетного финансирования науки сказалось на масштабах археологических исследований. Были свернуты работы на Вятке, Верхней Каме, в Сылвенско-Иренском поречье. «Замораживание» активных полевых работ позволило направить силы на более глубокое изучение отдельных памятников.

До 1997 г. продолжались раскопки на Тарасовском могильнике. Общее количество изученных погребений составило 1880 захоронений I–V вв. н. э. Во многом именно материалы Тарасовского могильника позволили обосновать новую схему формирования и развития пьяноборской историко-культурной общности II в. до н. э. – V в. н. э. Прикамья [Голдина, 1999; Голдина, Лещинская, 2018].

Стационарные работы экспедиции в 1990-е гг. были сконцентрированы в прикамской Удмуртии как на крупных, так и малых поселениях ананьинско-пьяноборского круга: городищах Зуевоключевское I, Момылевское, Степановское, Нырғындынское II, Пермьяковское, поселениях Барановское III, Зуевоключевское II. Раскопки крупных объектов проводятся на новой междисциплинарной методической платформе, с непосредственным участием специалистов: геофизики (И. В. Журбин, В. П. Зверев), географы (И. Е. Егоров, А. В. Сергеев), биологи (О. Г. Богаткина, П. А. Косинцев, В. И. и О. А. Капитоновы), химик А. В. Туганаев и другие [Журбин, Черных, 1999].

В полевых исследованиях археологов КВАЭ значительное внимание всегда уделялось мероприятиям по сохранению историко-культурного наследия. В преддверии принятия нового Федерального закона целевая программа «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации» (1995–1996 гг.), а затем и республиканская 2001–2003 гг., позволили тогда сдержать процесс тотального уничтожения археологических памятников. В этот период накопленный прежде опыт хоздоговорных исследований способствовал активизации работ в области городской и церковной археологии: начинаются исследования Михайловского комплекса памятников XVIII–XIX вв. в Ижевске и культурного слоя самого заводского поселения [Макаров, 2005]. Федеральный закон об объектах культурного наследия народов РФ, принятый в 2002 г., способствовал развертыванию хоздоговорных исследований на новой законодательной основе. В Удмуртии такие работы приживались непросто, учитывая, что чуть ранее началась смена полевых поколений в экспедиции; молодежь необходимо было обучать работать в новых условиях.

Перед генерацией «полевиков» XXI в. стояли уже совсем иные задачи. В 2005–2008 гг. они прошли своего рода стажировки в составе крупнейших на тот период спасательных экспедиций ИА РАН в Калининградской области, на городских раскопах в Твери и строящемся магистральном «Турецком потоке» в Ростовской области [Черных, 2008]. В итоге на базе КВАЭ была создана отдельная хоздоговорная группа, трансформированная затем в НОЦ «Историко-культурное наследие». И если в 1973–2000 гг. экспедицией было выполнено около 35 договоров на проведение охранных работ [Широбокова, 2002], то с 2001 по 2010 гг. – более 100. Невероятно, но развитие этого направления в 2017 г. было приостановлено непродуманными решениями по оптимизации научных кадров; перспективное коммерческое направление в работах КВАЭ в непростых условиях пришлось «поднимать с колен» с помощью все тех же административных мер.

Значимые спасательные археологические работы начала XXI в. были организованы на объектах нового времени в городах Удмуртии [Макаров, 2005a]. В 2006–2007 гг. исследовались фундаменты заводских сооружений второй половины XVIII – первой половины XX вв. на территории ОАО «Ижмаш» [Макаров, 2008]; в 2007 г. – кладбище и поселение XVIII–XIX вв. Воткинского завода [Макаров, Перевошиков, 2010]; в 2007 г. начаты и продолжаются до сих пор спасательные раскопки Троицкого (Нагорного) кладбища в Ижевске [Макаров, Останина и др., 2014].

Прорывными стали работы на особо охраняемых природных территориях Удмуртской Республики. Разведочные и стационарные работы, мониторинг археологических памятников, каталогизация объектов проводились территории Национального парка «Нечкинский» [Черных, 2016; Черных, Пере-

возчикова, 2016]. Этот опыт был перенесен на сотрудничество с администрациями Природных парков «Усть-Бельск» и «Шаркан» [Черных, Перевозчикова, 2017].

Не смотря на «сжатие» бюджета полевых работ, продолжается изучение памятников, материалы которых важны для понимания исторической динамики межкультурного взаимодействия традиционных и современных обществ Приуралья, степени интегрированности их в евразийское историко-культурное пространство. Основной акцент сделан на исследование памятников эпохи великого переселения народов – яркого периода для изучения процессов взаимодействия этносов. Важные материалы дали раскопки курганно-грунтового Кудашевского могильника IV–V вв. в Бардымском районе Пермского края; Боярского и Дубровского могильников IV–V вв. в Удмуртском Прикамье. Участники двух международных симпозиумов (2003 г. и 2005 г.) имели возможность ознакомиться с могильниками этой эпохи непосредственно «в поле» [Взаимодействие народов Евразии, 2006].

Неизменным направлением работ экспедиции продолжает оставаться организация и проведение учебной археологической практики студентов, которая проходит как на уже известных памятниках (Кудашевский могильник), так и на вновь выявленных (Дубровский, Балезинский могильники) [Казанцева, 2008; Черных, 2009; 2017]. Этот вектор был и будет приоритетным в деятельности вузовской экспедиции.

Вместе с тем акцент на коммерциализацию современных полевых работ диктует поредевшему коллективу экспедиции сосредоточить усилия на спасательных исследованиях, через которые реализуется значимая государственная задача сохранения историко-культурного (археологического) наследия. Новым явлением в работе археологов в последнее десятилетие стало выполнение государственных историко-культурных экспертиз. На кафедре истории Удмуртии, археологии и этнологии три аттестованных эксперта по проведению государственной историко-культурной экспертизы Е. М. Черных, С. А. Перевозчикова, А. Е. Митряков. Спасательные работы ведутся на объектах хозяйственного строительства в городах Ижевск, Воткинск и Сарапул, в сельской местности (изучение исторических некрополей). Только за последние 6 лет – 2017–2022 гг. – объем выполненных раскопок достиг почти 30 тыс. кв. м.

ИТОГИ. 50 лет археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета успешно и плодотворно реализует свою главную задачу – выявление, изучение, охрана и популяризация памятников археологии, обучение студентов. Многое за это время удалось сделать. Обследовано более 3000 памятников, 80% из которых открыто вновь. Крупные стационарные раскопки проведены на более чем 300 археологических объектах разных эпох.

Большое значение придается популяризации археологических источников, формированию в обществе уважения к национальному наследию. В 2007 г. на нескольких языках опубликован каталог уникальных древностей из фондов музея КВАЭ «Наследие народов Прикамья» [Голдина, Лещинская и др., 2007]. Работа была отмечена Национальной премией РФ «Достоиние поколений» Фонда содействия охране памятников археологии в номинации «За большой вклад в популяризацию археологического наследия». На средства научных грантов создана виртуальная экспозиция археологического музея [Сабилова, 2015]; в настоящее время реализуется проект обновления действовавшей более 40 лет музейной экспозиции.

На основе новейших источников археологами университета углубленно разрабатывается проблематика взаимодействия культур и этносов Прикамья в древности, средневековье, новое время. Размах археологических исследований, творческий и научный потенциал преподавателей, сотрудников экспедиции, студентов и аспирантов нашел отражение в активной публикационной деятельности. Библиография работ сотрудников экспедиции давно «перешагнула» цифру 2000. С 2001 г. издается серия «Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции» (уже увидели свет 29 томов); с 2017 г. – ежегодник «Археологические открытия в Удмуртии» – партнерский проект с региональным отделением ВОО «ВООПИиК» и Агентством по государственной охране объектов культурного наследия УР.

Успех национальной археологии в значительной степени зависит от развитости научно-организационной инфраструктуры в регионах, что важно для сохранения единого социокультурного пространства страны. Археологические экспедиции – важнейшее звено в научном пространстве науки и образования в регионах, где они работают.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Институт археологии Академии Наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. 263 с.

Ашихмина Л. И., Ключева Г. Н. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск, 1984. С. 44–53.

Берниц В. А. К истории музея древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья Удмуртского государственного университета // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С. 96–101.

Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / редкол. Р. Д. Голдина, Л. Д. Макаров, Н. А. Лещинская [и др.]. Ижевск, 2006.

Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим данным) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 6–36.

Голдина Р. Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987а. С. 84–106.

Голдина Р. Д. Камско-Вятская археологическая экспедиция – детище исторического факультета Удмуртского университета // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы: Тез. докл. Республ. науч. конф., посвящ. 65-летию исторического факультета УГПИ–УдГУ. Ижевск, 1996. С. 85–87.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.

Голдина Р. Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Приуралье // МИКВАЭ. Т. 21 Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2012. 469 с.

Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С. 33–102.

Голдина Р. Д., Черных Е. М. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981–1985 гг. // Новые археологические исследования на территории Урала / отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск, 1987. С. 5–55.

Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 173 с.

Голдина Р. Д., Лещинская Н. А., Черных Е. М., Берниц В. А. Наследие народов Прикамья: древности Прикамья из собрания Удмурт. гос. ун-та. Ижевск, 2007. 194 с.

Голдина Р. Д., Черных Е. М. 40 лет археологии в Удмуртском госуниверситете // Наука в УГПИ – УдГУ: история, современное состояние, перспективы: материалы науч. конф. Ижевск, 21 апр. 2011 г. / отв. ред.: Н. И. Леонов, В. В. Пузанов. Ижевск, 2011. С. 27–44.

Голдина Р. Д., Черных Е. М., Пастушенко И. Ю. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / МИКВАЭ. Т. 13. Ижевск, 2011. 340 с.

Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В., Перевозчиков С. Е. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья / МИКВАЭ. Т. 23. Ижевск, 2012. 263 с.

Голдина Р. Д., Лещинская Н. А. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология евразийских степей. 2018. № 1: Эпоха великого переселения народов: материалы Всерос. науч. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой пол. – сер. I тыс. н. э.». С. 17–55.

Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / МИКВАЭ. Т. 19. Ижевск, 2018. 720 с.

Гусенцова Т. М. Новомултанское неолитическое поселение // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1977. С. 63–85.

Гусенцова Т. М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980. С. 70–93.

Гусенцова Т. М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // Советская археология. 1981. № 3. С. 130–147.

Гусенцова Т. М., Голдина Р. Д. Поселение Степинцы II – памятник мезолитического времени в бассейне р. Лобань // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1977. С. 45–62.

Журбин И. В., Черных Е. М. Методы естественных наук в исследованиях Зуево-Ключевского I городища в 1998–1999 гг. // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: материалы конф. 29 нояб. – 2 дек. 1999 г. Екатеринбург, 1999. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. С. 70–72.

Казанцева О. А. Археологическая экспедиция – важный ресурс изучения историко-культурного наследия народов Среднего Прикамья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении

историко-культурного наследия Евразии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 35-летию Камско-Вятской археол. экспедиции. Ижевск, 2008. С. 71–78.

Клюева Г. Н. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборского времени на Средней Каме // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск, 1984. С. 20–35.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб: Изд-во СПбГУ. 1992. 464 с.

Лецинская Н. А. Вятский край в I – начале II тысячелетий н.э. (по археологическим источникам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 21 с.

Лецинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.

Макаров Л. Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1985. 16 с.

Макаров Л. Д. Михайловский комплекс памятников нового времени в г. Ижевске // Удмуртия: история и современность. Матер. Междунар. конф. «Проблемы и перспективы функционирования родных языков». Ижевск, 2005. С. 31–36.

Макаров Л. Д. Итоги археологических исследований Ижевска (1983–2004) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005а. С. 58–71.

Макаров Л. Д. Первые археологические исследования на территории ОАО «Ижмаш» // «Во славу Отечества Российского...»: Матер. Архивных чтений, посвящ. 200-летию ижевского оружия. Ижевск, 2008. С. 3–11.

Макаров Л. Д., Перевозчиков С. Е. Воткинск: археологическое наследие второй половины XVIII – первой половины XX в. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Казань, 2010. С. 137–140.

Макаров Л. Д., Останина Т. И., Перевозчикова С. А., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М., Перевозчиков С. Е., Бернц В. А., Князева Л. Ф. История города по археологическим данным // Ижевск: история, повседневность, образы / сост. Е. В. Попова, М. Б. Рупасова, Г. В. Тарануха. Ижевск, 2014. С. 7–25.

Мельникова О. М. Удмуртская археологическая экспедиция в контексте истории археологии в Удмуртии // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск, 2004. С. 14–29.

Мельникова О. М. Научная археологическая школа Р. Д. Голдиной в Удмуртском университете / МИКВАЭ. Т. 15. Ижевск, 2006. 142 с.

Мельникова О. М. Археологическая экспедиция как социокультурный феномен // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008. С. 9–14.

Первухин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. 2. М., 1896. С. 13–127.

Сабирова Т. М. Археологический музей УдГУ: итоги и перспективы // Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета – 40 лет / сост. Н. Ф. Широбокова. Ижевск, 2015. С. 72–78.

Сенникова Л. А. Поселения эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 23 с.

Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. 1. М., 1893. 193 с.

Толковый словарь иностранных слов. URL: <https://foreign.slovaronline.com/> (дата обращения 25.04.2023).

Черных Е. М., Ванчиков В. В., Шаталов В. А. Аргыжское городище на Вятке. М.: Регулярная и хаотическая динамика, 2002. 188 с.

Черных Е. М. Камско-Вятская археологическая экспедиция и охранная археология // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 35-летию Камско-Вятской археол. экспедиции / отв. ред. И. Г. Шапран. Ижевск, 2008. С. 235–241.

Черных Е. М. Археологическая практика в Удмуртском госуниверситете как основа подготовки специалистов и форма научной коммуникации // Полевые практики в системе высшего профессионального образования: материалы III Междунар. конф. (Алтай, 21–29 авг. 2009 г.) / отв. ред. А. П. Бородовский. Новосибирск, 2009. С. 88–92.

Черных Е. М. Культурно-образовательный потенциал особо охраняемых природных территорий Удмуртской Республики (на примере археологического наследия) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 9. Вып. 1. С. 98–111.

Черных Е. М. О выборе возможностей и возможностях выбора: учебная археологическая практика как путь в науку // Полевые практики в системе высшего образования: материалы Пятой Всерос. конф., 31 авг. – 9 сент. 2017 г., Республика Крым / под ред. В. В. Аркадьева. Санкт-Петербург, 2017. С. 130–132.

Черных, Е. М., Перевозчикова С.А. Опыт организации археологических работ на землях с особым режимом использования (особо охраняемых природных территориях) Удмуртской Республики // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф., г. Пермь, 9–12 февр. 2016 г. / редкол.: Г. П. Головчанский, С. Н. Коренюк, М. К. Юкова. Пермь, 2016. С. 245–251.

Черных Е. М. Перевозчикова С. А. Этноархеологический комплекс природного парка «Шаркан»: проблемы изучения, выявления и использования // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 1. С. 97–109.

Широбокова Н. Ф. Основные итоги исследований Камско-Вятской археологической экспедиции на разрушающихся памятниках (1973–2000 гг.) // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С. 102–140.

Ютина Т. К. Археологические памятники VI–XIV вв. Южной Удмуртии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 19 с.

Kama-Videki Rokonaink Ostortenete. Kiallitasi Katalogus. Szerkesztette: Fodor Istvan, 1996.

Поступила в редакцию 8.02.2023

Мельникова Ольга Михайловна

доктор исторических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Черных Елизавета Михайловна

кандидат исторических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: emch59@mail.ru

О. М. Melnikova, E. M. Chernykh

50 YEARS OF UNIVERSITY ARCHAEOLOGY (TO THE ANNIVERSARY OF THE KAMA-VYATKA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-277-288

2023 marks the 50th anniversary of the formation of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition (KVAE) of the Udmurt State University. The authors consider various aspects of the activity of this significant institute for the development of regional archeology. The history of the inclusion of students in archaeological research in Russia is analyzed, the role of university education, programs that provide it, in the development of domestic archeology, especially since the 1970s - the time of the widespread opening of universities in the regions of the country is emphasized. Attention is drawn to the significant socializing impact of the archaeological expedition, both on the formation of professional historians in general, and new generations of archaeologists. KVAE has done a lot to expand the source materials of regional archeology. The authors identify key stages in its development, focusing on the study of monuments that have become the key to building concepts of the ancient and medieval history of the Kama-Vyatka interfluvium. Attention is brought to the expansion of the subject area of archaeological research of KVAE: in addition to rescue archeology, in recent years, the study of historical settlements, monuments of new time has been actualized. The article draws attention to the historical and anthropological aspect of the expedition. It would not have been possible without the efforts of its founder, Doctor of Historical Sciences Rimma Dmitrievna Goldina, and her numerous students, whose studies have been conducted, based on materials obtained by KVAE, certain categories of archaeological material and types of monuments have been studied, ethnogenetic and cultural-historical concepts of the development of the Kama region in different eras have been substantiated, models of demographic development of past societies and their social structure have been established, the history of the archaeological study of the region has been studied.

Keywords: archaeology, Kama-Vyatka archaeological expedition, Udmurt State University, training of archaeologists, scientific research, archaeological sites.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 277–288. In Russian.

REFERENCES

Arheologicheskie ekspedicii Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury i Institut arheologii Akademii Nauk SSSR. 1919-1956 gg. Ukazatel' [Archaeological expeditions of the State Academy of the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR. 1919-1956 years. Pointer]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 263 p. In Russian.

Ashihmina L. I., Klyueva G. N. Ikskij mogil'nik – novyj pamyatnik p'yanoborskoj kul'tury [The Ik burial ground is a new monument of the Pyanobor culture]. Pamyatniki zheleznogo veka Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Monuments of the Iron Age of the Kama-Vyatka interfluve]. Issue. 2. Izhevsk, 1984, pp. 44–53. In Russian.

Bernc V. A. K istorii muzeya drevnej i srednevekovoj istorii Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta [On the History of the Museum of Ancient and Medieval History of the Kama-Vyatka Interfluve of the Udmurt State University]. Issledovatel'skie tradicii v arheologii Prikam'ya [Research Traditions in the Archaeology of the Kama Region.]. Izhevsk, 2002, pp. 96–101. In Russian.

Vzaimodejstvie narodov Evrazii v epohu velikogo pereseleniya narodov [Interaction of the peoples of Eurasia in the era of the great migration of peoples]. Izhevsk, 2006. 441 p. In Russian.

Goldina R. D. Problemy etnicheskoj istorii permskih narodov v epohu zheleza (po arheologicheskim dannym) [Problems of the ethnic history of the Permian peoples in the Iron Age (according to archaeological data)]. Problemy etnogeneza udmurtov [Problems of the ethnogenesis of the Udmurts]. Ustinov, 1987. pp. 6–36. In Russian.

Goldina R. D. Zhertvennoe mesto Chumojtlo v Yuzhnoj Udmurtii [Sacrificial place of Chumoitlo in Southern Udmurtia]. Problemy izucheniya drevnej istorii Udmurtii [Problems of studying the ancient history of Udmurtia]. Izhevsk, 1987a, pp. 84–106. In Russian.

Goldina R. D. Kamsko-Vyatskaya arheologicheskaya ekspediciya – detishche istoricheskogo fakul'teta Udmurtskogo universiteta [The Kama-Vyatka archaeological expedition is the brainchild of the Faculty of History of the Udmurt University]. Istoricheskij fakul'tet: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy: Tez. dokl. Respubl. nauch. konf., posvyashch. 65-letiyu istoricheskogo fakul'teta UGPI–UdGU [Faculty of History: History, Current State and Prospects: Proceedings. report Republican scientific conf., dedicated 65th anniversary of the Faculty of History USPI–UdSU.]. Izhevsk, 1996, pp. 85–87. In Russian.

Goldina R. D. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk, 1999. 464 p. In Russian.

Goldina R. D. Nevolinskij mogil'nik VII–IX vv. v Permskom Priural'e [Nevolinsky burial ground of the 7th–9th centuries. in the Perm Urals]. MIKVAE [Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol. 21 Izhevsk: Udmurt University Press, 2012. 469 p. In Russian.

Goldina R. D., Gusencova T. M. Poselenie Motorki II v nizhnem techenii r. Valy [Settlement of Motorka II in the lower reaches of the river Vala]. Materialy arheologicheskikh pamyatnikov Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Materials of archaeological monuments of the Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk, 1979, pp. 33–102. In Russian.

Goldina R. D., Chernyh E. M. Itogi rabot Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspedicii v 1981-1985 gg. [Results of the work of the Kama-Vyatka archaeological expedition in 1981-1985 years]. Novye arheologicheskie issledovaniya na territorii Urala [New archaeological research on the territory of the Urals]. Izhevsk, 1987, pp. 5–55. In Russian.

Goldina R. D., Vodolago N. V. Mogil'niki nevolinskoj kul'tury v Priural'e [Burial grounds of the Nevolino culture in the Urals.]. Irkutsk: Publishing house Irkut. un-ta, 1990. 173 p. In Russian.

Goldina R. D., Leshchinskaya N. A., Chernyh E. M., Bernc V. A. Nasledie narodov Prikam'ya: drevnosti Prikam'ya iz sobraniya Udmurt. gos. un-ta [Heritage of the peoples of the Kama region: antiquities of the Kama region from the Udmurt collection]. Izhevsk, 2007. 194 p. In Russian.

Goldina R. D., Chernyh E. M. 40 let arheologii v Udmurtskom gosuniversitete [40 years of archeology at the Udmurt State University]. Nauka v UGPI – UdGU: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy: materialy nauch. konf. Izhevsk, 21 apr. 2011 g. [Science at the UGPI - UdGU: history, current state, prospects: scientific materials. conf. Izhevsk, 21 April 2011]. Izhevsk, 2011, pp. 27–44. In Russian.

Goldina R. D., Chernyh E. M., Pastushenko I. Yu. Bartym'skij kompleks pamyatnikov epohi srednevekov'ya v Sylvenskom porech'e [Bartym'sky complex of monuments of the Middle Ages in the Sylvensky river region]. MIKVAE [Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol. 13. Izhevsk, 2011. 340 p. In Russian.

Goldina R. D., Pastushenko I. Yu., Chernyh E. M., Perevozchikova S. A., Goldina E. V., Perevoshchikov S. E. Gorodishche Lobach i ego okrestnosti v epohu srednevekov'ya [Settlement Lobach and its environs in the Middle Ages]. MIKVAE [Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol. 23. Izhevsk, 2012. 263 p. In Russian.

Goldina R. D., Leshchinskaya N. A. O p'yanoborskoj kul'turno-istoricheskoj obshchnosti [On the Pjanobor cultural and historical community]. Arheologiya evrazijskikh stepej [Archaeology of the Eurasian steppes], 2018, no. 1, pp. 17–55. In Russian.

Goldina R. D., Perevozchikova S. A., Goldina E. V. Mogil'nik VI–IX vv. u d. Verh-Saya v Kungurskoj lesostepi [Burial ground of the 6th–9th centuries near the village of Verkh-Saya in the Kungur forest-steppe]. MIKVAE [Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol. 19. Izhevsk, 2018. 720 p. In Russian.

Gusencova T. M. Novomultanskoe neoliticheskoe poselenie [Novomultan Neolithic settlement]. Materialy arheologicheskikh pamyatnikov Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Materials of archaeological monuments of the Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk, 1977. pp. 63–85. In Russian.

Gusencova T. M. Poselenie Kochurovskoe IV v bassejne r. Kil'mez' [Settlement Kochurovskoe IV in the basin of the river. Kilmez']. Pamyatniki epohi eneolita i bronzy v bassejne r. Vyatki [Monuments of the Eneolithic and Bronze Age in the basin of the river Vyatka]. Izhevsk, 1980, pp. 70–93. In Russian.

Gusencova T. M. Novye mezoliticheskie poseleniya v mezhdurech'e Kamy i Vyatki [New Mesolithic settlements in the interfluve of the Kama and Vyatka]. SA [Soviet archaeology], 1981, no. 3, pp. 130–147. In Russian.

Gusencova T. M., Goldina R. D. Poselenie Stepincy II – pamyatnik mezoliticheskogo vremeni v bassejne r. Loban' [Settlement Stepintsy II - a monument of the Mesolithic time in the basin of the river Loban]. Materialy arheologicheskikh pamyatnikov Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Materials of archaeological monuments of the Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk, 1977, pp. 45–62. In Russian.

Zhurbin I. V., Chernyh E. M. Metody estestvennykh nauk v issledovaniyah Zuevo-Klyuchevskogo I gorodishcha v 1998-1999 gg. [Methods of natural sciences in the research of the Zuevo-Klyuchevsky I settlement in 1998-1999]. 120 let arheologii Vostochnogo sklona Urala. Pervye chteniya pamyati Vladimira Fedorovicha Geninga: materialy konf. 29 noyab. – 2 dek. 1999 g. Ch. 2. Novejschie otkrytiya ural'skikh arheologov [120 years of archeology of the Eastern slope of the Urals. The first readings in memory of Vladimir Fedorovich Gening: Proceedings of the Conf. Nov 29 – 2 Dec. 1999 years. Part 2. The latest discoveries of Ural archaeologists]. Ekaterinburg, 1999, pp. 70-72. In Russian.

Kazanceva O. A. Arheologicheskaya ekspediciya – vazhnyj resurs izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Srednego Prikam'ya [Archaeological expedition is an important resource for studying the historical and cultural heritage of the peoples of the Middle Kama region]. Arheologicheskaya ekspediciya: novejschie dostizheniya v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediya Evrazii: materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 35-letiyu Kamsko-Vyatskoj arheol. ekspedicii [Archaeological expedition: the latest achievements in the study of the historical and cultural heritage of Eurasia: materials of the All-Russia. scientific conf., dedicated 35th anniversary of the Kama-Vyatka archeology. expeditions]. Izhevsk, 2008, pp. 71–78. In Russian.

Klyueva G. N. Byrgyndinskoe IV poselenie – pamyatnik p'yanoborskogo vremeni na Srednej Kame [Byrgyndinsky IV settlement - a monument of the Pjanobor time on the Middle Kama]. Pamyatniki zheleznogo veka Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Monuments of the Iron Age of the Kama-Vyatka interfluve]. Issue. 2. Izhevsk, 1984, pp. 20–35. In Russian.

Lebedev G. S. Istoriya otechestvennoj arheologii. 1700-1917 gg. [History of domestic archeology. 1700-1917 years]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 1992. 464 p. In Russian.

Leshchinskaya N. A. Vyatskij kraj v I – nachale II tysyacheletij n.e. (po arheologicheskim istochnikam). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Vyatka region in the 1st - early 2nd millennium AD (according to archaeological sources). Extended abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 1995. 21 p. In Russian.

Leshchinskaya N. A. Vyatskij kraj v p'yanoborskuyu epohu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv.) [Vyatka region in the Pjanobor epoch (based on materials from burial monuments of the 1st–5th centuries)]. MIKVAE [Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol. 27. Izhevsk, 2014. 472 p. In Russian.

Makarov L. D. Vyatskaya zemlya v epohu srednevekov'ya (po dannym arheologii i pis'mennym istochnikam). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Vyatka land in the Middle Ages (according to archeology and written sources). Extended abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 1985. 16 p. In Russian.

Makarov L. D. Mihajlovskij kompleks pamyatnikov novogo vremeni v g. Izhevsk [Mikhailovsky complex of monuments of the new time in the city of Izhevsk]. Udmurtiya: istoriya i sovremennost'. Mater. Mezhdunar. konf. «Problemy i perspektivy funkcionirovaniya rodnih yazykov» [Udmurtia: history and modernity. Mater.

International conf. "Problems and prospects for the functioning of native languages]. Izhevsk, 2005, pp. 31–36. In Russian.

Makarov L. D. Itogi arheologicheskikh issledovaniy Izhevsk (1983–2004) [Results of archaeological research in Izhevsk (1983–2004)]. Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh [Culture of Russians in archaeological research]. Omsk, 2005a, pp. 58–71. In Russian.

Makarov L. D. Pervye arheologicheskie issledovaniya na territorii OAO «Izhmash» [The first archaeological research on the territory of JSC "Izhmash"]. «Vo slavu Otechestva Rossijskogo...»: Mater. Arhivnyh chtenij, posvyashch. 200-letiyu izhevskogo oruzhiya ["For the glory of the Russian Fatherland]. Izhevsk, 2008, pp. 3–11. In Russian.

Makarov L. D., Perevoshchikov S. E. Votkinsk: arheologicheskoe nasledie vtoroj poloviny XVIII – pervoj poloviny XX v. [Votkinsk: archaeological heritage of the second half of the 18th - the first half of the 20th centuries]. Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Ch.1 [Integration of archaeological and ethnographic research.]. Part 1. Kazan, 2010, pp. 137–140. In Russian.

Makarov L. D., Ostanina T. I., Perevoshchikova S. A., Pastushenko I. Yu., Chernyh E. M., Perevoshchikov S. E., Bernc V. A., Knyazeva L. F. Istoriya goroda po arheologicheskim dannym [The history of the city according to archaeological data]. Izhevsk: istoriya, povsednevnost', obrazy [Izhevsk: history, everyday life, images]. Izhevsk, 2014, pp. 7–25. In Russian.

Mel'nikova O. M. Udmurtskaya arheologicheskaya ekspediciya v kontekste istorii arheologii v Udmurtii [Udmurt archaeological expedition in the context of the history of archeology in Udmurtia]. Udmurtskoj arheologicheskoy ekspedicii – 50 let: materialy Vseros. nauch. konf. [Udmurt archaeological expedition - 50 years: materials of the All-Russian scientific conference]. Izhevsk, 2004, pp. 14–29. In Russian.

Mel'nikova O. M. Nauchnaya arheologicheskaya shkola R.D. Goldinoj v Udmurtskom universitete [Scientific archaeological school of R.D. Goldina at the Udmurt University]. MIKVAE [Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol. 15. Izhevsk, 2006. 142 p. In Russian.

Mel'nikova O. M. Arheologicheskaya ekspediciya kak sociokul'turnyj fenomen [Archaeological expedition as a socio-cultural phenomenon]. Arheologicheskaya ekspediciya: novejschie dostizheniya v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediya Evrazii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 35-letiyu so vremeni obrazovaniya Kama-Vyatskoj arheologicheskoy ekspedicii [Archaeological expedition: the latest achievements in the study of the historical and cultural heritage of Eurasia: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 35th anniversary of the formation of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Izhevsk, 2008, pp. 9–14. In Russian.

Pervuhin N. G. Opyt arheologicheskogo issledovaniya Glazovskogo uezda [Experience of archaeological research of the Glazov district]. MAVGR. [Materials on the archaeology of the Eastern Provinces of Russia]. Issue. II. M., 1896, pp.13–127. In Russian.

Sabirova T. M. Arheologicheskij muzej UdGU: itogi i perspektivy [Archaeological Museum of UdSU: results and prospects]. Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspedicii Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta – 40 let [Kama-Vyatka archaeological expedition of the Udmurt State University - 40 years]. Izhevsk, 2015, pp. 72–78. In Russian.

Sennikova L. A. *Poseleniya epohi pozdnej bronzy v bassejne r. Vyatki. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Settlements of the Late Bronze Age in the basin of the river Vyatka. Extended abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 2006. 23 p. In Russian.

Spicyn A. A. Priural'skij kraj. Arheologicheskie rozyskaniya o drevnejshih obitatelyah Vyatskoj gubernii [Ural region. Archaeological research on the most ancient inhabitants of the Vyatka province]. MAVGR [Materials on the archaeology of the Eastern Provinces of Russia]. Issue. 1. M., 1893. 193 p. In Russian.

Tolkovyj slovar' inostrannyh slov [Explanatory dictionary of foreign words]. In Russian. URL: <https://foreign.slovaronline.com/> (accessed 25 April 2023).

Chernyh E. M., Vanchikov V. V., Shatalov V. A. Argyzhskoe gorodishche na Vyatke [Argyzh settlement on Vyatka]. Moscow: Regular and Chaotic Dynamics, 2002. 188 p. In Russian.

Chernyh E. M. Kamsko-Vyatskaya arheologicheskaya ekspediciya i ohrannaya arheologiya [Kama-Vyatka archaeological expedition and security archeology]. Arheologicheskaya ekspediciya: novejschie dostizheniya v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediya Evrazii. Materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 35-letiyu Kamsko-Vyatskoj arheol. ekspedicii [Archaeological expedition: the latest achievements in the study of the historical and cultural heritage of Eurasia. Materials All-Russian scientific conference, dedicated 35th anniversary of the Kama-Vyatka archaeology expeditions]. Izhevsk, 2008, pp. 235–241. In Russian.

Chernyh E. M. Arheologicheskaya praktika v Udmurtskom gosuniversitete kak osnova podgotovki specialistov i forma nauchnoj kommunikacii [Archaeological practice at the Udmurt State University as a basis for training specialists and a form of scientific communication]. Polevye praktiki v sisteme vysshego profession-

al'nogo obrazovaniya: materialy III Mezhdunar. konf. (Altaj, 21-29 avg. 2009 g.) [Field practices in the system of higher professional education: materials of the III International conference (Altai, 21-29 August, 2009 year)]. Novosibirsk, 2009, pp. 88–92. In Russian.

Chernyh E. M. Kul'turno-obrazovatel'nyj potencial osobo ohranyaemyh prirodnyh territorij Udmurtskoj Respubliki (na primere arheologicheskogo naslediya) [Cultural and educational potential of specially protected natural areas of the Udmurt Republic (on the example of archaeological heritage)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, vol. 9, no. 1, pp. 98–111. In Russian.

Chernyh E. M. O vybore vozmozhnostej i vozmozhnostyah vybora: uchebnaya arheologicheskaya praktika kak put' v nauku [On the choice of opportunities and the possibilities of choice: educational archaeological practice as a way to science]. *Polevye praktiki v sisteme vysshego obrazovaniya: materialy Pyatoy Vseros. konf.*, 31 avg. – 9 sent. 2017 g., Respublika Krym [Field practices in the system of higher education: materials of the Fifth All-Russian conference, 31 August – 9 September 2017, Republic of Crimea]. St. Petersburg, 2017, pp. 130–132. In Russian.

Chernyh, E. M., Perevozchikova S. A. Opyt organizacii arheologicheskikh rabot na zemlyah s osobym rezhimom ispol'zovaniya (osobo ohranyaemyh prirodnyh territoriyah) Udmurtskoj Respubliki [Experience in the organization of archaeological work on lands with a special regime of use (specially protected natural areas) of the Udmurt Republic]. *XV Baderovskie chteniya po arheologii Urala i Povolzh'ya: materialy vseros. nauch.-prakt. konf.*, g. Perm', 9-12 fevr. 2016 g. [XV Bader readings on archeology of the Urals and the Volga region: materials of the All-Russian scientific-practical conference, Perm, 9-12 February 2016]. Perm, 2016, pp. 245–251. In Russian.

Chernyh E. M. Perevozchikova S. A. Etnoarheologicheskij kompleks prirodnogo parka "Sharkan": problemy izucheniya, vyyavleniya i ispol'zovaniya [Ethnoarchaeological complex of the natural park "Sharkan": problems of study, identification and use]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2017, vol. 11, no. 1, pp. 97–109. In Russian.

Shirobokova N. F. Osnovnye itogi issledovanij Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspedicii na razrushayushchihsya pamyatnikah (1973–2000 gg.) [The main results of the research of the Kama-Vyatka archaeological expedition on collapsing monuments (1973–2000)]. *Issledovatel'skie tradicii v arheologii Prikam'ya* [Research traditions in the archaeology of the Kama region.]. Izhevsk, 2002, pp. 102–140. In Russian.

Yutina T. K. *Arheologicheskie pamyatniki VI–XIV vv. Yuzhnoj Udmurtii. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Archaeological sites of the 6th–14th centuries Southern Udmurtia. Abstract dis. ... cand. ist. Sciences]. Izhevsk, 1994. 19 p. In Russian.

Kama-Videki Rokonaink Ostortenete. Kiallitas Katalogus [The Ostrotenete of our relatives in Kama-Videki. Kiallitas Catalogue.]. Szerkesztette: Fodor Istvan, 1996. In Hungarian.

Received 08.02.2023

Melnikova Olga Mikhailovna

Doctor of Sciences (History),
Head of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology
Udmurt State University
1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia
e-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Chernykh Elizaveta Mikhailovna

Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Udmurtia,
Archeology and Ethnology
Udmurt State University
1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia
e-mail: emch59@mail.ru

Рецензии

УДК: 94(=1.470.43=511.152)(049.32)

Л. М. Артамонова

НЕОТЪЕМЛЕМОЕ: МОРДВА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ, САМАРСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА

Рецензия на: Мордва Самарского края: история и традиционная культура : коллективная монография / Т. И. Ведерникова, Н. М. Малкова, Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов, Г. А. Корнишина, Т. П. Прокина, В. И. Алексеева; отв. ред. Н. М. Малкова; Самарское археологическое общество, Самарская областная универсальная научная библиотека, Самарский государственный институт культуры, Самарский национальный исследовательский университет. Самара, 2021. 336 с. ISBN 978-5-600-03049-7

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-289-293

Вышел в свет большой труд «Мордва Самарского края: история и традиционная культура» [Мордва 2021]. Его появление еще раз подтвердило мнение о том, что память о прошлом и традиционные ценности народа являются неотъемлемым компонентом не только локальной истории и культуры на территории его первоначального проживания, но и важной частью истории и этнографии других регионов [Юрченков 2014, 148–149]. Особенно это касается земель юго-востока Европейской России, освоение которых разными народами продолжалось нескольких веков. Так, без изучения самарской мордвы невозможно воссоздание полной картины быта, традиций, народного творчества и иных компонентов прошлой и современной жизни мордовского этноса в целом.

Работа над книгой объединила исследователей двух региональных центров, Самары и Саранска. Над ней трудились ученые Самарского национального исследовательского университета Э. Л. Дубман и Ю. Н. Смирнов, а также Т. И. Ведерникова из Самарского государственного института культуры и Г. А. Корнишина из Мордовского национального исследовательского университета. Свой вклад в ее создание внесли общественный деятель мордовской национально-культурной автономии Самарской области В. И. Алексеева и саранский искусствовед Т. П. Прокина. Руководителем проекта, ответственным редактором издания и одним из его авторов стала археолог Н. М. Малкова, работающая заместителем директора Самарской областной универсальной научной библиотеки.

Каждый из авторов книги прошел большой исследовательский путь. Вехами на нем являются труды, связанные с этнографией мордвы Самарского края и других регионов [Ведерникова, Корнишина, Беленов 2022], её археологическими памятниками, материальной культурой и декоративно-прикладным искусством [Малкова 2000; Прокина 2013]. В их публикациях рассматривалось далекое и недавнее прошлое мордвы в контексте истории и историографии Самарского Поволжья [Кабытов, Дубман, Кабытова 2020; Кабытов, Дубман, Леонтьева 2020; Кабытов, Дубман, Тагирова 2020] и отдельных населенных мест [Алексеева 2019].

Результаты перечисленных, как и других работ, этих авторов в той или степени вошли в книгу. Однако издание представляет в целом оригинальный коллективный обобщающий труд. Его ценность состоит не только в соединении под одной обложкой интересных исследований отдельных аспектов истории и традиций самарской мордвы. В книге воплотились объединенные общей целью усилия специалистов из различных областей гуманитарного знания. Об этом, например, говорят несколько разделов книги, подготовленных авторами совместно. В целом обмен и взаимообогащение знаниями друг друга привели к созданию монографии, носящей действительно междисциплинарный характер, стремление к которому в научной литературе часто декларируется, но не всегда реализуется.

Значение Самарской области для мордовской истории и культуры уже видно из приведенных статистических данных. В издании подчеркнута, что по Всероссийской переписи населения 2010 г.

здесь проживало 65447 чел. мордовской национальности. По численности данного этноса, который является самым большим в России народом финно-угорской языковой группы, эта область была вторым после Республики Мордовия регионом Российской Федерации (с. 7)¹. Здесь, думается, следовало бы добавить для сравнения, что численность указавших мордовский язык как родной в ходе Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. жителей Самарской губернии составила 238,5 тыс. чел., и пояснить, что в тогдашних административных границах здесь проживало самое большое мордовское население среди всех губерний Российской империи [Смирнов 2020, 28, 31]. Это еще больше подчеркнуло бы значимость изучения самарской мордвы в исторической ретроспективе.

Авторы и редакторы книги умело используют статистический и картографический материал, выстраивают графики и схемы, составляют содержательные списки (археологических памятников, мордовских селений Самарского Поволжья в разные века) и информативные указатели (имен и географических названий). Восприятию текста немало способствуют многочисленные и грамотно подобранные иллюстрации (рисунки и фото). Художественное оформление издания, осуществленное Самарским археологическим обществом, и полиграфическое исполнение книги можно считать безупречным, что привлекает к книге и служит дополнительным стимулом познакомиться с ее содержанием для широкого круга читателей, а не только специалистов.

Само же содержание адекватно передает логику и тематику книги. Ее основная часть, кроме Предисловия, Введения и Заключения, включает четыре главы. Первая «Изучение истории и культуры мордвы Самарского края» отдает должное участникам археологических, географических, этнографических, фольклорных экспедиций XVIII–XXI вв., внесших вклад в изучение мордовских памятников, селений, традиций и языка на рассматриваемой территории. В ней также дан емкий историографический очерк книг и статей, посвященных самарской мордве или затрагивающих ее изучение наряду с другими народами этого края. Наряду с имеющимися достижениями указаны темы или недостаточно проработанные, например, системное изучение мордовских древностей, в частности археология мордовских селищ (с. 20–21), или на которые только недавно обратили должное внимание, в частности историю отдельных современных населенных пунктов, где проживает мордва (с. 36).

Вторая глава посвящена теме «История мордвы Самарского края». Повествование в ней ведется по основным этапам расселения, складывания, обитания территориальных групп мордовского этноса в Самарском Поволжье. Такими этапами для изучения и изложения его результатов стали:

- 1) появление мордвы в изучаемом крае в золотоордынское время (XIII–XIV вв.);
- 2) участие мордвы в оседлой колонизации и земледельческом освоении данной территории (вторая половина XVI–XIX вв.);
- 3) социально-экономическая, политико-административная, культурная стороны жизни мордовского населения Самарской губернии и области в революционную эпоху, советское время, современный период (XX–XXI вв.).

Среди приведенных в книге можно выделить несколько наблюдений и выводов, показавшихся наиболее интересными. К ним относится заключение о наличии определенной «миграционной политики» Золотой Орды, которая привела к возникновению в Самарском Поволжье поселений «смешанного в этническом плане типа». Среди их жителей заметным было наличие мокшан и эрзян, наряду с булгарами и русскими. Отметим, правда, некоторое противоречие суждения, что в данный период «начинает формироваться этническая карта нынешней Самарской области», с тем, что «во второй половине XIV в. золотоордынские поселения в нашем регионе прекращают свое существование». Впрочем, неточности могут объясняться указанием в самой книге на то, что выводы на основании археологических материалов не подкреплены письменными источниками из-за их отсутствия (с. 38–39, 52).

Литературные тексты и документы по истории Самарского края сохранились, начиная с XVI – начала XVII вв. Они свидетельствуют, что во «всей южной лесостепной части Среднего Поволжья и Заволжья», практически не было оседлого населения, в том числе из мордвы. Поселки переселенцев из числа русских и народов бывшего Казанского ханства возникают на рассматриваемой территории «только после завершения Смуты в Московском государстве» (с. 54, 56).

Для появления здесь развитой сети постоянных поселений необходимые условия создало строительство крепостей и пограничных оборонительных сооружений в XVII–XVIII вв., прежде всего, Закамской, Новой Закамской и Самарской укрепленных линий. Мордовский этнический элемент про-

¹ Здесь и далее в круглых скобках сноски на страницы рецензируемого издания.

слеживается и среди тех, кто оборонял эти укрепления, и тех, кто селился под их защитой. Все эти поселенцы занимались сельским хозяйством. Однако одни были обязаны за пользование землей нести военную службу (служилая мордва, казаки из мордвы), другие – платить подати государству (ясачная мордва и «непомнящие родства» из мордвы), третьи – не только нести бремя казенных налогов, но и различных видов ренты в пользу частных землевладельцев (дворцовая, помещичья и монастырская крепостная мордва). В отношении и мордовского населения справедливо мнение, что в истории XVIII в. «сословные и социальные проблемы тесно переплетены» [Смирнов 2020, 164]. Число сословных категорий увеличилось еще в связи с христианизацией, когда некоторые из вышеперечисленных групп были поделены на «новокрещен» и «некрещеных», которые отличались по ряду аспектов правового и податного статуса.

Согласимся с тем, что успехи в освоении Самарского края были достигнуты к началу XIX в., прежде всего, благодаря вольным переселенцам, в том числе из мордвы. Среди них было немало беглых, получивших легализацию в крепостях, казенных, дворцовых и частновладельческих селениях (с. 85).

Анализ изменений численности мордовских жителей и сети их поселений в Самарской губернии XIX – начала XX вв. правильно коррелируется как с внутренними социально-демографическими факторами, так и с продолжавшимся переселенческим движением. Правда, в это движение мордва была вовлечена слабее, чем, например, русские крестьяне, поскольку «большинство мордвы принадлежало к разряду государственных крестьян, которые после реформы 1861 г. оказались обеспеченными землей ... лучше, чем бывшие владельческие крестьяне». Имела значение также сравнительная «стойкость мордовской сельской общины» (с. 97).

Приходится сделать замечание, что в тексте по этому периоду данные «Сборников статистических сведений по Самарской губернии» 1880-х гг. восприняты не совсем критически и не сверены с результатами Первой Всероссийской переписи 1897 года. Это привело к фактической ошибке об отсутствии или практически полной ассимиляции мордвы в Самарском и Николаевском уездах и ее крайней малочисленности – в Новоузенском (с. 95). Между тем, предупреждение о недооценке некоторыми статистиками XIX в. мордовского населения на юге Самарского Поволжья уже высказывалось в литературе [Смирнов 2022, 107].

В отношении истории XX–XXI вв. акцент в исследовании с вопросов заселения и освоения закономерно переносится на изучение экономической, политической, социальной, образовательной, творческой сторон жизни сложившегося мордовского населения Самарской области. Особое место в книге отведено сохранению, возрождению, развитию культуры эрзян и мокшан, показана активность на современном этапе общественных организаций мордвы, которые прививают «любовь к родному языку и национальным традициям, способствуют укреплению дружбы между народами России» (с. 124).

Исторический очерк предваряет содержание последующих глав книги, третьей «Хозяйство и материальная культура самарской мордвы» и четвертой «Духовная культура мордвы Самарского края». Несколько аспектов этих частей исследования были в качестве наиболее важных выделены структурно. Одни из этих тем потребовали обширного повествования: хозяйственная деятельность (с. 133–143), традиционный народный костюм (с. 161–186), календарно-обрядовые традиции (с. 197–234), семейная обрядность (с. 234–274). Другие темы были изложены более компактно: местные и отхожие промыслы (с. 144–149), поселения и жилище (с. 149–155), пищевая культура (с. 156–159), утварь (с. 160–161). Пространство книги, отведенное на каждую упомянутую тему, представляется вполне адекватным ее значимости и объему собранного интересного материала. Однако в теме о конфессиональной специфике (с. 187–197) выглядит неполным показ роли православия в духовной и социальной жизни мордвы, хотя именно к этой конфессии принадлежит в течение последних веков большинство верующих людей данной национальности. Упоминания отдельных монастырей и храмов в местах компактного проживания мордвы хотелось бы дополнить сведениями о функционировании обителей и приходо в специфической этнической среде, влиянии православной религии и церкви на образовательные, воспитательные, благотворительные практики.

Отдельные не до конца раскрытые стороны истории и культуры самарской мордвы, впрочем, ожидают новых исследований от тех, кто работает или приступает к работе над заявленной проблематикой. Можно надеяться, что не останутся без общественного отклика болевые точки в деле сохранения культурного наследия, отмеченные в книге: отрицательная динамика численности самарской мордвы, утраты в этническом самосознании, снижение частоты употребления родного языка в повседневном обиходе (с. 276). Однако уже само это издание, безусловно, станет важным подспорьем в этнокультурном просвещении.

Хорошо, что этот труд получил активную поддержку общественности и администрации двух близких и самых заинтересованных в нем регионов как на уровне проекта, так и после его публикации. Книга была издана на средства самарского Губернского гранта в области культуры и искусства в 2021 г., а в 2022 г., объявленном «Годом культурного наследия народов России», авторскому коллективу, который ее подготовил, было присвоено звание Лауреата Государственной премии Республики Мордовия. Нет сомнения, что рецензируемое издание вызовет живой интерес, стимулируя новые этнокультурные исследования в других регионах России, особенно, там, где проживают финно-угорские народы.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева В. И.* Новая Кармала. Самара, 2019. 552 с.
- Ведерникова Т. И., Корнишина Г. А., Беленов Н. В.* О традиционной культуре мордвы: комментарии // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. С. 120–138.
- Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Кабытова Н. Н. и др.* Изучение истории Самарского края XVI – начала XX вв.: историографический обзор // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 8–24.
- Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Леонтьева О. Б. и др.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Самарское Поволжье в XVI – первой половине XIX вв. Самара, 2020. 480 с. (2-е изд., испр. и доп.)
- Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Тагирова Н. Ф. и др.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. Самара, 2020. 480 с. (2-е изд., испр. и доп.)
- Малкова Н. М.* Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 23 с.
- Мордва Самарского края: история и традиционная культура: коллективная монография / Т. И. Ведерникова, Н. М. Малкова, Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов, Г. А. Корнишина, Т. П. Прокина, В. И. Алексеева; отв. ред. Н. М. Малкова. Самара, 2021. 336 с.
- Прокина Т. П.* Мордовский костюм. Саранск, 2013. 47 с.
- Смирнов Ю. Н.* Осмысление, конструирование и моделирование социального в истории России: новые подходы в коллективной монографии уральских ученых // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4 (51). С. 163–172.
- Смирнов Ю. Н.* Роль мордвы в расширении пространства российской государственности и культуры XVIII - начала XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 26–34.
- Смирнов Ю. Н.* Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 104–110.
- Юрчёнков В. А.* Мордовская история. Саранск, 2014. 276 с.

Поступила в редакцию 26.02.2023

Артамонова Людмила Михайловна,
доктор исторических наук, профессор,
Самарский государственный институт культуры
443010, Россия, Самара, ул. Фрунзе, 167
E-mail: artamonovoi@mail.ru

L. M. Artamonova

INALIENABLE: MORDOVIANS IN THE SAMARA VOLGA REGION, THE SAMARA TERRITORY IN THE HISTORY AND CULTURE OF THE MORDOVIAN ETHNOS

Book review: Malkova N.M. [ed.] Mordovians of the Samara Territory: history and traditional culture: a collective monograph / T. I. Vedernikova, N. M. Malkova, E. L. Dubman, Yu. N. Smirnov, G. A. Kornishina, T. P. Prokina, V. I. Alekseev; Samara Archaeological Society, Samara Regional Library, Samara State Institute of Culture, Samara University. Samara, 2021. 336 p.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-289-293

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 289–293. In Russian.

REFERENCES

Alekseyeva V. I. *Novaya Karmala*. Samara, 2019, 552 p. In Russian.

Vedernikova T. I., Kornishina G. A., Belenov N. V. *O traditsionnoi kul'ture mordvy: kommentarii* [On the Traditional Culture of Mordovians: Comments]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2022, no. 1, pp. 120-138. In Russian.

Kabytov P. S., Dubman E. L., Kabytova N. N. et al. *Izuchenie istorii Samarskogo kraya XVI - nachala XX vv.: istoriograficheskii obzor* [Studying of the history of the Samara Region from the XVI to the early XX centuries: a historiographical review]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2020, vol. 26, no. 2, pp. 8-24. In Russian.

Kabytov P. S., Dubman E. L., Leont'eva O. B., et al. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. [The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day]. Vol. 1. Samara, 2020, 480 p. In Russian.

Kabytov P. S., Dubman E. L., Tagirova N. F., et al. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. [The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day]. Vol. 2. Samara, 2020, 480 p. In Russian.

Malkova N. M. *Pogrebal'nyi obryad i inventar' mogil'nikov erzi i mokshi XVI - nachala XIX vv. Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Funeral Rite and Inventories of Erzya and Moksha Burial Grounds 16th - early 19th centuries: Extended abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 2000, 23 p. In Russian.

Malkova N. M. [ed.], **Vedernikova T. I., Dubman E. L., Smirnov Yu. N., Kornishina G. A., Prokina T. P., Alekseev V. I.** *Mordva Samarskogo kraya: istoriya i traditsionnaya kul'tura: kollektivnaya monografiya* [Mordovians of the Samara Territory: history and traditional culture: a collective monograph]. Samara, 2021, 336 p. In Russian.

Prokina T. P. *Mordovskii kostyum* [Mordovian costume]. Saransk, 2013, 47 p. In Russian.

Smirnov Yu. N. *Osmysleniye, konstruirovaniye i modelirovaniye sotsial'nogo v istorii Rossii: novye podkhody v kollektivnoi monografii ural'skikh uchenykh* [Understanding, Constructing and Describing Social Patterns in Russia of the 17th – 20th Centuries: New Approaches in the Collective Monography by Ural Scholars]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2020, vol. 51, no. 4, pp. 163-172. In Russian.

Smirnov Yu. N. *Rol' mordvy v rasshirenii prostranstva rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury XVIII - nachala XX v.* [The Role of Mordovians in Expanding the Space of Russian Statehood and Culture in the 18th - early 20th centuries]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], 2020, no. 1 (53), pp. 26-34. In Russian.

Smirnov Yu. N. *Saratovskoe Zavolzh'e v «putevoditele» dlya velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha* [Saratov Trans-Volga Region in «a Guide» for Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 104-110. In Russian.

Yurchenkov V. A. *Mordovskaya istoriya* [Mordovian history]. Saransk, 2014, 276 p. In Russian.

Received 26.02.2023

Artamonova Ludmila Mikhailovna,

Doctor of History, Professor,
Samara State Institute of Culture,
167, ul. Frunze st., Samara, 443010, Russia
E-mail: artamonovoi@mail.ru
ORCID 0000-0002-4584-6339

О. С. Зиявадинова

НИКОЛАЙ ДЪЯКОНОВ. ЖИЗНЬ, ДРАМАТУРГИЯ, ТЕАТР.

Рецензия на сборник статей о творчестве Н. М. Дьяконова. – Сер. Эскизы к литературному портрету. Выпуск 2. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина. 2021. 170 с.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-294-295

Выпущенный издательством СГУ им. Питирима Сорокина сборник статей о творчестве Н. М. Дьяконова, о котором пойдет речь, – еще одна веха в осуществлении масштабного проекта научных изданий «Эскизы к литературному портрету». Выпуск составлен по итогам деятельности научной секции, посвященной 100-летию юбилею талантливого драматурга, режиссера, классика коми литературы, педагога, лауреата Государственной премии СССР, народного артиста Коми АССР, заслуженного артиста РСФСР Николая Михайловича Дьяконова, в рамках Национальной конференции XXVIII Февральские чтения, посвященной 100-летию образования Республики Коми.

Основой работы стали исследования творческого становления драматурга, роли его наследия в культуре, театральном искусстве, аспекты поэтики пьес автора, их художественные особенности, национальное своеобразие. Значительное место уделено выявлению художественных особенностей пьесы Н. Дьяконова «Свадьба с приданым», ее сценического воплощения.

Сборник открывает статья «Имена. Николай Дьяконов: к 100-летию со дня рождения» М. А. Удоратиной, которая посвящена рассмотрению жизненного и творческого пути известного деятеля культуры республики.

Н. В. Горинова осветила в своей работе «Хронотоп в драматургических произведениях Н. Дьяконова» художественное пространство и время бессмертной комедии «Свадьба с приданым» автора, выявила своеобразие ее поэтики, позволившие раскрыть некоторые тенденции развития коми драмы середины XX столетия.

Работа «Н. М. Дьяконов в коми критике и литературоведении» Г. К. Лисовской посвящена особенностям идейно-эстетического восприятия пьес драматурга в зеркале коми критики на разных этапах национальной культурной жизни.

Исследование языка комедий Н. Дьяконова «Свадьба с приданым» и «Вычегодский букет» – в центре внимания В. М. Лудьковой.

В статье «Колхозная деревня 1940–1950-х гг. в советском массовом сознании (по пьесе Н. М. Дьяконова «Свадьба с приданым»)» Д. В. Милохина проанализирована сконструированная автором картина труда и быта северного крестьянства в сравнении литературного образа с реалиями советской действительности тех лет.

Обобщению истории постановок в драматическом театре пьесы Н. Дьяконова «Свадьба с приданым», двух ремейков В. Кушнира, расширяющих и продолжающих оригинальную версию пьесы посвящена работа В. С. Морозовой «Пьеса на все времена».

Работа «По следам премьеры...» Е. В. Остаповой представляет обзор отзывов о первых спектаклях (1950-е гг.) по пьесе Н. Дьяконова «Свадьба с приданым» на сценах театров СССР.

Рассмотрение и описание передачи звуковых оттенков ремарок в драматическом произведении Н. Дьяконова «Домна Каликова» – в центре внимания работы Г. В. Пунеговой «Звуковая ремарка и ее роль в драматургии Николая Дьяконова (на материале четырехактной драмы «Домна Каликова»)».

Выявлению структурно-семантических особенностей авторских ремарок внутритекстовых – ремарок физического действия и ремарок речевого действия в пьесе Н. Дьяконова посвящено исследование Л. Е. Сурниной.

Е. А. Цыпанов освещает вопросы широко известной комедии Н. Дьяконова с точки зрения современности в статье «Что написал Николай Дьяконов: слабую комедию или коми шедевр?»

Итак, перед нами тщательно продуманное, выстроенное издание, документирующее историю создания, постановок пьес Н. Дьяконова, исследование композиции, стиля, языка, художественных

особенностей комедий автора. Сборник статей представляет собой неоценимый научный источник для всестороннего исследования творчества коми драматурга, появление данного уникального труда позволяет полномасштабно представить картину взаимовлияния и взаимообогащения коми и русской культуры на фоне мировой истории XX века.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН: «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира»

Поступила в редакцию 09.02.2023

Зиявадинова Ольга Сайфиidinовна
кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УРО РАН,
167000, Россия, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: olgazijav@mail.ru

O. S. Ziyavadinova

NIKOLAI DIAKONOV. LIFE, DRAMA, THEATER

Review of a collection of articles on the work of N.M. Diakonov. Sketches to the literary portrait. Issue 2. Syktyvkar: Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. 2021. 170 p.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-294-295

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 294–295. In Russian.

Received 09.02.2023

Ziyavadinova Olga Saifidinovna
Candidate of Philological Sciences,
Institute of Language, Literature and History,
FRC Komi Scientific Center of the UB RAS,
26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, 167000, Russia,
E-mail: olgazijav@mail.ru
orcid.org/0000-0001-5560-4037

Юбилей

УДК 821.511.132"19"(092)(045)

Г. К. Лисовская

«СЛАВНЫЙ СЫН КОМИ НАРОДА»:

В. Н. ДЁМИН – УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ¹

Статья посвящена одному из ведущих коми литературоведов, доктору филологических наук, лауреату Государственной премии Республики Коми в области науки Владимиру Николаевичу Дёмину. Рассмотрены этапы научного пути учёного, показан его вклад в академическое литературоведение, организацию науки и просветительскую деятельность.

Ключевые слова: В. Н. Дёмин, коми литературоведение, История и типология жанров коми поэзии, творчество И. А. Куратова, новая методология в литературоведении, учёный, организатор науки, просветитель

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-296-300

В этом году исполнилось 85 лет со дня рождения Владимира Николаевича Дёмина – известного ученого-литературоведа, литературного критика и общественного деятеля, доктора филологических наук, в течение десяти лет возглавлявшего отдел литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

В. Н. Дёмин родился 28 июля 1938 г. в Сыктывкаре в семье служащих. На его духовное формирование оказала большое влияние творческая обстановка в семье, особенно общение с дядей, первым коми профессиональным композитором, кандидатом искусствоведения, подвижником коми национальной культуры А. Г. Осиповым и его друзьями – поэтами Серафимом Поповым, будущим народным поэтом Республики Коми и Фёдором Щербаковым, а также с другими замечательными представителями коми интеллигенции. В 1955 г. будущий ученый закончил лучшую в те годы в Сыктывкаре среднюю школу № 12, имея два главных увлечения – литературу и спорт, и на первом месте – лыжи. Школьник неоднократно был победителем или призёром республиканских соревнований по слалому. Параллельно увлекался футболом, занимая первые места в городских юношеских соревнованиях. А увлечение литературой переросло в профессию.

В 1960 г. В. Н. Дёмин поступает в Коми государственный педагогический институт на отделение русского языка и литературы. В студенческие годы в нем открылся еще один талант – музыкально-артистический: он бесценный участник художественной самодеятельности: замечательно декламирует, поет, танцует, при этом отличается завидным чувством юмора. Затем были девять лет работы в школе – сначала в г. Печора, а затем в с. Усть-Уса. Его запомнили самозабвенно гонящим футбол со своими учениками и увлеченно приобщающим их к поэзии. Его уроки, литературное объединение в Усть-Усе прозвучали на всю республику, вследствие чего учителя-новатора приглашают в 1969 г. на работу в Коми государственный педагогический институт ассистентом кафедры русской и зарубежной литературы.

В 1971 г. В. Н. Дёмина приняли аспирантом в сектор литературы и фольклора Коми филиала АН СССР. В 1979 г. в Мордовском государственном университете он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Лирическое и эпическое в коми литературе». Эту работу высоко оценил выдающийся финно-угровед В. И. Лыткин, отметив: «Диссертация В. Н. Дёмина – это поэма о коми поэме, она написана таким прекрасным русским языком, что ее можно причислить к художественному произведению» [Материалы из личного архива В. Н. Дёмина]. В 1978 г. в Коми книжном издательстве вышла книга «Коми поэма», которую особо отметил на

¹ Публикация выполнена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, тема плановой темы НИР: «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира».

VI Международном конгрессе финно-угроведов профессор Н. И. Черапкин как одну из лучших работ в финно-угорском литературоведении, достойного «всесоюзной дороги» [Черапкин 1990, 504].

1986–1990 гг. – период временного отсутствия ученого в академической науке. В. Н. Дёмин в то время заведует кафедрой русского языка и литературы ИУУ (Института усовершенствования учителей) Коми АССР. Он закладывает основы своего научного потенциала, формирует новые направления деятельности. Так, учёный разрабатывает методику изучения русской литературы во взаимодействии с коми литературой. Результатом его научно-методической деятельности становится выпуск сборников под его редакцией «Изучение русского языка и литературы во взаимодействии с коми языком и литературой» (1990, 1992), учебного пособия «Знакомство с поэзией И. А. Куратова на уроках русской литературы» (1988) и двух хрестоматий, внёсших значительный вклад в развитие национальной школы. В то же время В. Н. Дёмин работает и над докторской диссертацией по коми поэзии.

В 1990 г. учёный возвращается в отдел литературоведения Института языка, литературы и истории ИЯЛИ, возглавляет его по просьбе сотрудников сектора. В перестроечное время ученые остро ощутили недостаточность идей, перспектив для литературоведческой науки. В этот период своей деятельности в полной мере раскрывается талант В. Н. Дёмина как ученого и организатора науки. В 1995 г. в Казанском государственном университете он блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук «История и типология жанров коми поэзии XX в.». Впервые в финно-угорском литературоведении учёный исследовал 150-летний путь коми национальной поэзии, ее жанрово-эстетическую систему. При обсуждении диссертации оппоненты подчеркнули ее значение не только для финно-угорского литературоведения, но и для других национальных литератур России. Профессор Чувашского университета В. Г. Родионов особо отметил научную интуицию диссертанта, позволившую ему сделать интересные открытия. И самое главное – В. Н. Дёмин, по мнению ученого, сумел показать, что «поэзия не только художественно-эстетическое но и национально-философское явление». Член-корреспондент АН Татарстана, профессор Н. Г. Юзеев написал, что она (диссертация. – Г. Л.) демонстрирует рождение новой методологии литературоведения, что она свободна от устаревших идеологических штампов, что «впервые в коми литературоведении прослежен путь коми поэзии не в идейно-эстетическом, а в жанрово-типологическом аспекте», и что это позволило автору диссертации «глубоко раскрыть национальные истоки коми литературы, достоверно показать особенности функционирования поэтических жанров в различные периоды развития коми поэзии и выявить жаровую модель коми поэзии. Все эти открытия исследователя представляют большой интерес и для финно-угорских литератур в целом» [Материалы из личного архива В. Н. Дёмина].

Учёный выдвинул и обосновал новую концепцию развития коми литературы XX в., которую затем положил в основу написания главной работы отдела – «Истории коми литературы XX века». Целью этого фундаментального труда стало глубокое и объективное исследование коми литературы на основе новых знаний, новой методологии исследования. Внезапный уход учёного из жизни остановил эту работу. Директор ИЯЛИ тех лет А. Ф. Сметанин отметил: «Нет сомнения, что он в полной мере и наиболее ярко сумел бы реализовать себя в этом итоговом исследовании. К сожалению, не успел. Однако заложенные им мысли, знания и фундамент данной проблемы еще долго будут подпитывать научный поиск» [Сметанин 2001, 11].

В. Н. Дёмин стремился вывести коми литературоведение на более высокий научный уровень, дать ему новые импульсы для развития. Он стал инициатором и организатором проведения беспрецедентных международных научных форумов, посвященных выдающимся деятелям коми культуры К. Ф. Жакову, В. И. Лыткину. В. Н. Дёмин привлекал для участия в них крупнейших ученых финно-угроведов России, Эстонии, Финляндии, Германии, Австрии, Венгрии. В 1991 г. им положено начало систематическому изучению творчества К. Ф. Жакова организацией научной конференции «Наследие К. Ф. Жакова и развитие культур финно-угорских народов». Уровень этой конференции, ее исследовательский потенциал был настолько высок, что она служит ориентиром и для современного жаковедения.

Еще одной вершиной В. Н. Дёмина как ученого и организатора науки стало проведение в июле 1999 г. конференции, посвященной творчеству И. А. Куратова. Одним из ее итогов сам учёный считал выдвижение и обоснование новых концепций в изучении творчества основоположника коми литературы, тех концепций, за утверждение которых бился учёный все последние годы, против стереотипа, что Куратов – один из поэтов некрасовской школы, за утверждение истинных европейских масштабов мысли и поэзии Куратова.

В. Н. Дёмин очень ярко заявил о себе с самых первых публикаций о поэте. Новизна литературоведческого анализа молодого ученого заключалась в том, что он сосредоточивал внимание на форме

поэтической мысли Куратова. Учёный вступает в спор со своим научным руководителем А. Е. Ванеевым, который считал, что стиль Куратова «усредненный», и ставит в заслугу поэту то, что он «... эстетски не усложнял свою поэтическую форму», примитизировал ее, заботясь прежде всего о доступности [Ванеев 1973, 123–124]. В. Н. Дёмин убежден, что «энергия куратовского стиха» в «исключительной сконцентрированности выразительных возможностей родного языка» [Дёмин 1979, 69].

В своих работах В. Н. Дёмин раскрывает мастерство И. А. Куратова, которое проявляется во всех компонентах поэтической системы: лексико-фразеологическом, образно-метафорическом, стиховом, прослеживает эволюцию его как поэта в контексте эпохи, связывает творчество писателя с европейском школой поэзии, ее философской ветвью: «Куратов был поэтом-мыслителем. Для него стихотворение было не только средством поэтического, но и философского постижения истины» [Дёмин 1999, 9].

Многолетние фундаментальные исследования учёного в области коми поэзии составляют эпоху в коми литературоведении, в том числе и в изучении творчества И. А. Куратова, являясь национальным достоянием.

В. Н. Дёмин – автор более 250 научных работ, в том числе шести монографий, среди них «Коми поэма» (1978), «Под кронами сосен» (1989), «Очерки поэтики и истории коми поэзии», «На небе звезда: введение в теорию и историю коми поэзии» (1997). Его последняя книга – «Рифмою крылатой свяжем строки...» (1999) – итог многолетних исследований учёного о творчестве И. А. Куратова. Он один из авторов «Истории многонациональной советской литературы», «Истории коми литературы» в 3-х томах. Под научной редакцией В. Н. Дёмина вышло первое исследование, сборник статей о художественном наследии К. Ф. Жакова [«Творчество К. Ф. Жакова», 1991]. Он также инициатор издания, научный редактор и автор-составитель первых в республике библиографических словарей для школьников «Писатели Коми АССР – детям» (1983), «Писатели Коми – детям» (1978), энциклопедического словаря школьника «Коми литература», двухтомного библиографического словаря «Писатели Коми» (1996, 2000).

Библиографические словари, выполненные под научным руководством В. Н. Дёмина, восполнили существенный пробел в коми литературоведении и состоялись только благодаря энциклопедическим знаниям, широчайшей эрудиции, подвижническому труду и энтузиазму учёного. Об этом свидетельствует тот факт, что почти половина статей для этих словарей написаны самим исследователем. Авторы аналогичного двухтомника (2017, 2022) за который некоторые из них получили Премии правительства Республики Коми, широко использовали его труды, но не отметили это даже в предисловии (2023 г.).

Литературная критика – еще одно важное направление в деятельности ученого. Он написал крупные статьи и заметки, обращая внимание на все новое и интересное, что выходило из-под пера поэтов. Не случайно он был принят в Союз писателей Республики Коми – писатели его любили. Критик бережно относился к талантам, поддерживал их уже в начале творческого пути, вдохновлял и направлял, радовался их успехам. Поэты осиротели без него. Пронзительное стихотворение «Светлой памяти В. Н. Демина» написала Александра Мишарина вскоре после кончины в июле 1999 г. Народный поэт Республики Коми Александр Некрасов в воспоминаниях о нем написал: «Уходят люди, но остаются для будущих поколений ими достигнутые вершины» [Некрасов 2001, 73]. В одном из лучших его стихотворений «Доброта», посвященном В. Н. Демину, есть такие строки:

На небе одинокая звезда,
Подмигивая, ярко-ярко светит,
И чувствуешь всем телом: доброта
Ее лучей надеждой в сердце метит [Некрасов 2001, 72].

Народный поэт Республики Коми Серафим Попов так откликнулся на смерть друга: «Я вдохновлен писать героическую поэму о жизни и бессмертном подвиге Владимира Николаевича Демина. И она, эта поэма, будет памятником славному сыну коми народа» [Попов 1999, 69].

Ученый, педагог, просветитель, общественный деятель, человек огромного личного обаяния, В. Н. Демин был личностью ренессансного типа. Гармоничностью своего мироощущения, энциклопедичностью знаний, разнообразием талантов, глубиной проникновения в разные сферы духовной жизни, простотой, благородством, подлинной интеллигентностью он притягивал к себе людей. В. Н. Демин широко общался с научной и творческой интеллигенцией – философами, историками, полити-

ками, писателями, театральными деятелями, краеведами, Ия Бобракова (Заслуженный деятель искусств России и Республики Коми, Народная артистка России, в то время главный режиссер театра оперы и балета Республики Коми) вспоминает его как особенного собеседника: «Он знал то, что никто не знал... Он знал всегда больше. Был великим, уникальным просветителем» [Бобракова 2001, 87]. Общение с ним – праздник мысли, это отмечали все, кто соприкасался с этой неординарной личностью: «Владимир Николаевич в одинаковой мере изящно формулировал мысли и в области литературоведения, и в области философии, и в области политики. Мне кажется, в своих рассуждениях он выходил на новый уровень, как бы воспарял над прошлым и устремлялся к обобщению не только сделанного им же самим, но и к поиску того, что составляет суть самой жизни. Он как бы источал из себя некую мудрость, которая ясна ему одному, но пока не видна другим. Это свойство неуспокоенной личности было присуще ему в полной мере и особо выделяло его из общего ряда» [Сметанин 2001, 10–11]. В серой атмосфере провинциальной жизни для многих думающих людей общение с ним было подобно глотку свежего воздуха. Так состоялась встреча учёного с Сергеем Ивановичем Худяевым, одним из лучших представителей коми интеллигенции, учёным с мировым именем, ректором СГУ (1990–1995 гг.), реформатором университетского образования, ставшего его близким другом и единомышленником. Эта встреча дала новый импульс обоим в деятельности на благо своего народа. Их планы по сохранению национального культурного наследия, объединению интеллигенции, возрождению ее исконного смысла – носителя исторического и нравственного самосознания народа – воплотились в создании в апреле 1999 г. общественной организации «Сыктывкар». В. Н. Демин и С. И. Худяев стали ее учредителями и первыми сопредседателями. За несколько лет при их непосредственной подвижнической работе историко-мемориальная, культурно-просветительская организация «Сыктывкар» превратилась во влиятельную общественную силу, которая возвращала народу его культурное наследие.

Сегодня сам В. Н. Дёмин стал неотъемлемой частью коми национального духовного наследия: «Будущие исследователи пойдут дальше, но будут говорить о нём с пиететом, с тем пиететом, который возможен только в отношении великого человека» [Сметанин 2001, 9].

Учёный скончался 23 июля 1999 года. Похоронен в Сыктывкаре на центральном городском кладбище.

На гуманитарном корпусе Коми научного центра (ул. Коммунистическая, 26) установлена мемориальная доска, посвященная выдающемуся учёному.

ЛИТЕРАТУРА

Бобракова И. Величие человека в его простоте // Владимир Николаевич Дёмин: Страницы воспоминаний. Сыктывкар, 2001. С. 84–87. (Коми научный центр УрО РАН).

Ванев А. Е. Куратов да талунья коми поэзия // Куратовские чтения. Т. 1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. С. 63–75.

Владимир Николаевич Дёмин: Страницы воспоминаний. Сыктывкар, 2001. 163 с. (Коми научный центр УрО РАН)

Дёмин В. Н. Куратов и европейская поэзия. Научные доклады. Вып. 416. Сыктывкар, 1999. 24 с. (Коми научный центр УрО РАН)

Дёмин В. Н. Куратовлён мастерство // Куратовские чтения. Т. 5. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 33–42.

Дёмин В. Н. Своеобразие стихотворения И. А. Куратова «Менам муза» // Куратовские чтения. Т. 3. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 68–74.

Некрасов А. Доброта – Дёмину Владимиру Николаевичу // Стихотворения, сонеты, поэма. Сыктывкар: ТОО «ПАС», 1997. С. 198–199.

Попов С. Так рождается песня // Владимир Николаевич Дёмин: Страницы воспоминаний. Сыктывкар, 2001. С. 67–69. (Коми научный центр УрО РАН).

Сметанин А. Ф. Человек, которого невозможно забыть // Владимир Николаевич Дёмин: Страницы воспоминаний. Сыктывкар, 2001. С. 8–12. (Коми научный центр УрО РАН)

Черапкин Н. И. Критическая мысль финно-угорских литератур Поволжья и Приуралья // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. М.: Наука, 1990. 152 с.

Поступила в редакцию 01.03.2023

Лисовская Галина Константиновна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, Коми Республика, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: lisovskaya1330@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2846-765X

G. K. Lisovskaya

**«THE GLORIOUS SON OF THE KOMI PEOPLE»: V. N. DEMIN – SCIENTIST,
ORGANIZER OF SCIENCE, EDUCATOR**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-296-300

The paper is devoted to one of the leading Komi literary critics, Dr. Sci. (Philology), laureate of the State Prize of the Republic of Komi in the field of science Vladimir Nikolaevich Demin. The stages of the scientist's scientific path are considered, his contribution to academic literary studies and the organization of science, his educational activities are shown.

Keywords: V. N. Demin, Komi literary studies, history and typology of Komi poetry genres, creativity of I.A. Kuratov, new methodology in literary studies, scientist, organizer of science, educator.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 296–300. In Russian.

REFERENCES

- Bobrakova I.** *Velichie cheloveka v ego prostote* [The greatness of man – in his simplicity]. *Vladimir Nikolaevich Demin: Stranitsy vospominanii* [Vladimir Nikolaevich Demin: Pages of memories]. Syktyvkar, 2001. pp. 84–87. (Komi nauchnyy tsentr UrO RAN) (in Russian)
- Vaneev A. E.** *Kuratov da talunya komi poeziya* [Kuratov and modern Komi poetry]. *Kuratovskie chteniya. T. 1.* [Kuratov Readings, Vol. 1]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatelstvo Publ., 1973. pp. 63–75. (in Russian)
- Vladimir Nikolaevich Demin: Stranitsy vospominanii* [Vladimir Nikolaevich Demin: Pages of memories]. Syktyvkar, 2001. 163 p. (Komi nauchnyy tsentr UrO RAN) (in Russian)
- Demin V. N.** *Kuratov i evropeiskaya poeziya. Nauchnie doklady.* Vyp. 416. [Kuratov and European poetry. Scientific reports. Issue 416]. Syktyvkar, 1999. 24 p. (Komi nauchnyy tsentr UrO RAN) (in Russian)
- Demin V. N.** *Kuratovlon masterstvo* [Kuratov's skill]. *Kuratovskie chteniya. T. 5* [Kuratov Readings. Vol. 5]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatelstvo Publ., 1989. pp. 33–42. (in Russian)
- Demin V. N.** *Svoeobrazie stihotvoreniya I.A. Kuratova «Menam nuza»* [The originality of I.A. Kuratov's poem «My Muse»]. *Kuratovskie chteniya. T. 3.* [Kuratov Readings. Vol. 3]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatelstvo Publ., 1979. pp. 68–74. (in Russian)
- Materialy iz lichnogo arhiva V.N. Demina* [Materials from the personal archive of V.N. Demin]. (in Russian)
- Nekrasov A.** *Dobrota – Deminu Vladimiru Nikolauvichu* [Kindness – Demin Vladimir Nikolaevich]. *Stihotvoreniya, sonety, poema* [Verses, sonnets, poem]. Syktyvkar, TOO “PAS” Publ., 1997. pp. 198–199. (in Russian)
- Popov S.** *Tak rozhdaetsya pesnya* [So a song is born]. *Vladimir Nikolaevich Demin: Stranitsy vospominanii* [Vladimir Nikolaevich Demin: Pages of memories]. Syktyvkar, 2001. pp. 67–69. (Komi nauchnyy tsentr UrO RAN) (in Russian)
- Smetanin A. F.** *Chelovek, kotorogo nevozmozhno zabyt'* [A man who cannot be forgotten]. *Vladimir Nikolaevich Demin: Stranitsy vospominanii* [Vladimir Nikolaevich Demin: Pages of memories]. Syktyvkar, 2001. pp. 8–12. (Komi nauchnyy tsentr UrO RAN) (in Russian)
- Cherapkin N. I.** *Kriticheskaya mysl' finno-ugorskih literatur Povolzhya i Priuralya* [Critical idea of the Finno-Ugric literatures of the Volga region and Pre-Urals]. *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov. T. 2* [Materials of the VI International Congress of Finno-Ugric Studies. Vol. 2.]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 152 p. (in Russian)

Received 01.03.2023

Lisovskaya Galina Konstantinovna,
Candidate of Philological Sciences, Researcher, Sector of Literary Criticism,
Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
26, Communisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, 167982, Russia
E-mail: lisovskaya1330@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2846-765X

В. Н. Максимов

«ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ – ЭТО ОБЩЕНИЕ С ЛЮДЬМИ, УЧЁБА У МОИХ УЧИТЕЛЕЙ, НАБИРАНИЕ ЖИЗНЕННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА, ОПЫТА ПЕДАГОГА, УЧЁНОГО И РУКОВОДИТЕЛЯ»

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-301-307

Статья посвящена юбилею доктора филологических наук, профессору Марийского государственного университета Р. А. Кудрявцевой. Охарактеризована её научная и педагогическая деятельность, описан вклад литературоведения в развитие родной литературы. Область научных интересов Р. А. Кудрявцевой – марийское и сравнительное литературоведение, поэтика, междисциплинарные аспекты литературоведения, литературное образование, социолингвистика, терминология.

Ключевые слова: марийская, русская, зарубежная литература; учитель русского языка и литературы; учебная хрестоматия; монографический очерк

В 2023 г. марийское научно-педагогическое сообщество отмечает 65-летие доктора филологических наук (2010), профессора (2012), Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации» (2011), заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл (2020).

Раисия Алексеевна Кудрявцева родилась 5 апреля 1958 г. в д. Шеклянур Медведевского района Марийской АССР. В 1965–1973 гг. училась в Шеклянурской восьмилетней школе, затем продолжила обучение в Руэмской средней школе и окончила её с золотой медалью. В 1975 г. поступила на отделение «Русский язык и литература для союзных (автономных) республик» историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской. К учебе относилась с особой серьезностью и ответственностью, выделялась трудолюбием, целеустремленностью и любознательностью. А к своим педагогам относилась с глубоким уважением и благодарностью. Успевала заниматься общественной работой: несколько лет подряд избиралась членом комсомольского бюро факультета, отвечала за учебный сектор. Училась только на «отлично», с большим увлечением; особый интерес проявляла к литературе – марийской, русской, зарубежной.

Первую свою студенческую научную работу Р. А. Кудрявцева написала под руководством преподавателя русской литературы XX в., доцента Марии Николаевны Лебедевой. Будучи человеком русскоязычным, Мария Николаевна проявляла неподдельный интерес к марийской культуре и литературе, была автором статей о современных марийских писателях и их произведениях, переведенных на русский язык.

В 1979 г. Р. А. Кудрявцева получила диплом с отличием. Решением Государственной экзаменационной комиссии ей была присвоена квалификация: учитель русского языка и литературы.

Свою трудовую деятельность Р. А. Кудрявцева начала в должности учителя русского языка и литературы в Кюшнурской основной школе родного района. Помимо русского языка и литературы она обучала детей разных национальностей немецкому языку, а также параллельно работала старшей пионерской вожатой. Работа в школе не мешала ей думать о научных планах.

С августа 1980 г. по приглашению кафедры русской и зарубежной литературы альма-матер Р. А. Кудрявцева начинает работать в должности ассистента, позже – старшего преподавателя. В это

время разрабатывает лекции и практические занятия по новым учебным курсам, участвует в подготовке методических пособий кафедры.

В повышении научной квалификации вузовского преподавателя Р. А. Кудрявцевой большую роль сыграла учеба в очной аспирантуре при кафедре советской литературы Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской под руководством доктора филологических наук, профессора Михаила Васильевича Минокина.

5 марта 1987 г. Р. А. Кудрявцева успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Советский историко-военный роман 60-80-х годов (Д. Гусаров, С. Дангулов, И. Стаднюк)», показав умение тонко анализировать художественные произведения, раскрывать их поэтику.

Молодым кандидатом наук Р. А. Кудрявцева, возвратившись на кафедру русской и зарубежной литературы родного института, продолжила научно-педагогическую деятельность. Она успешно проходит все последующие ступени научного роста, вскоре ей присваивают ученое звание доцента по кафедре литературы. Энергичного преподавателя выдвигают на должность заместителя декана историко-филологического факультета. Р. А. Кудрявцева участвует в разработке учебных планов, умело и четко организует учебный процесс, проявляя требовательность к себе и к другим, демонстрируя умение уважительного и делового общения с коллегами.

Р. А. Кудрявцева становится одним из ведущих преподавателей русской литературы XX века. Параллельно готовит к изданию первую свою большую работу для школы – учебную хрестоматию для 11 класса по современной марийской литературе. Эта книга становится востребованным и своевременным изданием в условиях активного обновления УМК и изменений подходов к литературному образованию.

Учитывая организаторские способности и интерес к проблемам марийского национального образования, Министерство образования и воспитания республики Марий Эл приглашает Р. А. Кудрявцеву на должность заведующей Марийским филиалом Института национальных проблем образования (ИНПО) Министерства образования Российской Федерации (октябрь 1993 г. – февраль 1999 г.). Началась подготовка научно-педагогических кадров по методике преподавания родного языка через ИНПО. Филиал стал центром научно-методического обеспечения системы национального образования республики. Вокруг филиала были сосредоточены лучшие научные силы, обеспечивавшие разработку стандартов, программ, учебно-методических комплектов по предметам национально-регионального компонента, творчески работающие учителя, участвовавшие в научных конференциях, в апробации и создании учебников. Именно филиал совместно с пединститутской лабораторией «Марийская школа» в 1994 г. провел первую научно-практическую конференцию «Марийское краеведение: опыт и перспективы его использования в школе», ставшую традиционной и переросшую со временем из республиканской в межрегиональную, а затем и во всероссийскую. Также является автором идеи и одним из организаторов ежегодной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы марийской и сравнительной филологии», ответственным редактором ежегодного одноименного сборника статей. Параллельно готовился к изданию горномарийский вариант учебной хрестоматии по современной марийской литературе, методическое пособие «Марийская литература в 11 классе: проза, поэзия».

Р. А. Кудрявцеву – творчески работающего ученого-педагога – в феврале 1999 г. рекомендуют на должность ректора Марийского института образования. Теперь её деятельность будет связана с организацией дополнительного профессионального образования всего педагогического корпуса Республики Марий Эл, с организацией научно-методической работы по всем школьным предметам и для всех сфер системы образования республики.

Р. А. Кудрявцева часто выступала с лекциями и перед учителями марийского языка и литературы, истории и культуры народов, перед авторами учебников, обращая внимание на важность такого аспекта литературного образования, как анализ художественного произведения. Издает хрестоматию литературно-критических и историко-литературных материалов «Марийская литература: 10–11 классы», которую до сих пор используют не только ученики и учителя, но и даже преподаватели вузов. Много размышляет о необходимости разработки марийской литературоведческой терминологии, так необходимой для обеспечения полноценной научной и научно-методической деятельности. Свою идею издания словаря литературоведческих терминов на марийском языке она реализует позже, в 2010–2011 гг., уже работая в университете, вместе со своей аспиранткой М. В. Рябининой в международном проекте «Создание терминологических словарей на национальных языках для общеобразова-

тельных школ в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации» в рамках совместной программы Совета Европы, Евросоюза и Минрегионразвития РФ «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества».

В декабре 2005 г. Р. А. Кудрявцева поступает в докторантуру Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (научный консультант – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой чувашского и сравнительного литературоведения, декан факультета чувашской филологии и культуры Виталий Григорьевич Родионов, активно содействующий подготовке научных кадров высшей квалификации по марийской литературе).

Тема докторской диссертации «Генезис и динамика марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья». Защита прошла в декабре 2009 года. Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 октября 2010 г. ей присуждена ученая степень доктора филологических наук. Известные литературоведы Москвы, Казани и Чебоксар, подготовившие официальные отзывы, высоко оценили исследование докторанта. Здесь впервые в марийском и поволжском литературоведении; марийский рассказ XX в. становится объектом целостного научного изучения; вводится в научный оборот целый ряд марийских рассказов 1920–1930-х гг.; определены магистральные этапы развития марийского рассказа с ориентацией на формирование и развитие его жанровой структуры; марийский рассказ рассматривается в аспекте ключевых параметров жанровой поэтики.

Раисия Алексеевна Кудрявцева стала первым доктором филологических наук в области марийского литературоведения. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. ей присвоено учёное звание профессора по кафедре финно-угорской литературы и фольклора.

С марта 2011 г. по поручению ректората Марийского государственного университета она возглавила Институт финно-угроведения Марийского государственного университета – ведущий научно-образовательный центр марийской филологии.

Раисия Алексеевна Кудрявцева – автор более 250 научных и научно-методических публикаций, в том числе 6 монографий, 20 учебных, учебно-методических и методических изданий для школы и вуза по марийской и русской литературе, 8 из которых – с грифом Минобрнауки Марий Эл и УМО по классическому университетскому образованию.

Круг научных интересов Р. А. Кудрявцевой: марийское и сравнительное литературоведение – «Марийский рассказ в контексте отечественной литературы 1950 – начала 1980-х годов (стилевая и внутрижанровая дифференциация): монографический очерк». (Йошкар-Ола, 2010); поэтика – «Марийский рассказ XX века (история и поэтика): монография» (Йошкар-Ола, 2008), «Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография». (Йошкар-Ола, 2011), «К вопросу о поэтике лирико-драматического рассказа в марийской и чувашской литературе 1960–1970-х годов («Гибкая ива» А. Александрова и «Вдова» Н. Максимова)» (Чебоксары, 2010); междисциплинарные аспекты литературоведения – «Гендерная репрезентация марийской этнической идентичности: язык, фольклор, литература: коллективная монография» (соавт. Глухова Н. Н., Беляева Т. Н., Гусева Э. В., Рябинина М. В., Соколова М. В.) (Йошкар-Ола, 2017); литературное образование – «Марийская литература в контексте сравнительной филологии: учебное пособие для студентов» (Йошкар-Ола, 2012); социолингвистика – Языковая компетенция народов Республики Марий Эл (на материале социологического исследования 2001 года и Всероссийской переписи населения 2002 г.) (соавт. Шабыков В. И.) (Пермь, 2005); терминология – «Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче термин мутер». (соавт. Рябинина М. В.) (Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачонь-томай, 2011) и др.

Она руководит аспирантами и соискателями по специальности 10.01.02 – Литература народов РФ, активно занимается научными исследованиями в области марийского и сравнительного литературоведения.

В 2011–2012 гг. – член специализированного диссертационного совета по филологическим наукам при Марийском государственном университете; в настоящее время является членом двух диссертационных советов: при Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова и при Мордовском национальном исследовательском университете им. Н. П. Огарева.

Р. А. Кудрявцева – член редакционного совета международного научного журнала «Финно-угорский мир», член редколлегии научных журналов «Вестник Марийского государственного уни-

верситета» и «Вестник Чувашского государственного университета. Гуманитарные науки», эксперт РГНФ (2013–2016), РФФИ (с 2016 года), эксперт Российской академии наук (РАН) (2021 – по настоящее время). Она также руководитель научной школы: Марийское и сравнительное литературоведение. В рамках этой школы реализуются следующие научные направления вуза: 1) Языки и литература народов России и зарубежных стран; 2) Мировая и национальная культура: аксиологическая парадигма; выполнение 10 грантовых проектов.

Р. А. Кудрявцева награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2006), Почетными грамотами Государственного Собрания Республики Марий Эл (2012), Марийского государственного университета (2013), памятной медалью «За служение народу. 125 лет С. Г. Чавайну» (2013). Лауреат премии Программы родственных народов Эстонии в области науки (2015) за монографию «Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литературы народов Поволжья», заслуженный деятель науки Республики Марий Эл (2020).

Р. А. Кудрявцева пользуется большим уважением и авторитетом среди студентов и преподавателей университета, научной и педагогической общественности, как в Республике Марий Эл, так и за ее пределами. Коллеги, аспиранты и студенты ценят ее за трудолюбие, ответственность, требовательность к себе и другим, скромность, отзывчивость, порядочность.

Пагалыме Раисия Алексеевна, алал кумылын Тендам саламлена шочмо кечыда дене! Тыланена чон ласкалыкым, пенгыде тазалыкым, кужу ўмырым. Тек Тендан йыр порылык да ласкалык озалана, чапле деч чапле студент, аспирант-влак Тендам куандарен шогат!

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МОНОГРАФИИ

Кудрявцева Р. А. Марийский рассказ XX века (история и поэтика): монография. Йошкар-Ола, 2008. 208 с.

Кудрявцева Р. А. Марийский рассказ в контексте отечественной литературы 1950 – начала 1980-х годов (стилевая и внутрижанровая дифференциация): монографический очерк. Йошкар-Ола, 2010. 100 с.

Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография. Йошкар-Ола, 2011. 324 с.

Кудрявцева Р. А., Алибаев З. А., Аминова В. Р. и др. Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.): коллект. монография / Приволжский (Казанский) федеральный университет, Институт филологии и искусств. Барнаул, 2012. 234 с.

Кудрявцева Р. А., Глухова Н. Н., Беляева Т. Н. и др. Гендерная репрезентация марийской этнической идентичности: язык, фольклор, литература: коллективная монография. Йошкар-Ола, 2017. 384 с.

УЧЕБНЫЕ, УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Кудрявцева Р. А., Карпов И. П., Шенцева Н. В. Новое о крестьянской поэзии 20-30-х годов и о С.А. Есенине: материалы и методические рекомендации к спецкурсу «Актуальные проблемы изучения советской литературы» (для самостоятельной работы студентов 5 курса заочного отделения). Йошкар-Ола, 1990. 41 с.

Кудрявцева Р. А. Роман-хроника Дмитрия Гусарова «За чертой милосердия»: материалы и методические рекомендации к спецсеминару по современной «военной» романистике (для самостоятельной работы студентов 5 курса очного и заочного отделений филологического факультета). Йошкар-Ола, 1991. 29 с.

Программы: Для специальности «Русский язык и литература, марийский язык и литература»./ Р. А. Кудрявцева, Н. И. Куторов, Н. Н. Старыгина и др. Йошкар-Ола, 1991. 66 с.

Методические указания к самостоятельной подготовке по литературе для абитуриентов / Р. А. Кудрявцева, А. А. Литвиненко., С. В. Федорова и др. Йошкар-Ола, 1993. 28 с.

Кызытсе марий литератур: 11 класслан хрестоматий: Икымше книга: Проза. Йошкар-Ола, 1994. 176 с.

Кызытсе марий литератур: 11 класслан хрестоматий: Кокымшо книга: Поэзий. Драматургий. Йошкар-Ола, 1995. 216 с.

Кызытшы мары литература: 11 класслан хрестомати: Пытариш часть: Проза. Йошкар-Ола, 1995. 292 с.

11 классыште кызытсе марий лирикым тунеммаш: марий йылмым да литературым тунуктышо да студент-филолог-влаклан пособий. Йошкар-Ола, 1996. 48 с.

История и культура марийского народа: хрестоматия для учащихся 11 классов / Кудрявцева Р. А., Андреев А. А., Иванов И. С., Герасимов О. М. и др. Йошкар-Ола, 1998. С. 127–132

Кызытшы мары литература: 11 класслан хрестомати: Кокшы часть: Поэзи. Драматурги. Йошкар-Ола, 1998. 244 с.

Латикымше классыште кызытсе марий литератур: Проза, поэзий: туныктышылан польш. Йошкар-Ола, 2000. 160 с.

Марий литератур: 10-11 класс: литератур критике да литератур историй дене материал-влак хрестоматий. Йошкар-Ола, 2003. 376 с. URL: <http://library.finugor.ru/?item=u&l=3>.

Программы по истории русской литературы XX века (после 1917 года): Для студентов филол. специальностей гуманитарного факультета педагогического института / Р. А. Кудрявцева, Н. В. Шенцева. Йошкар-Ола, 2006. 125 с.

Программа государственного экзамена по дисциплинам «Русское устное народное творчество» и «История русской литературы»: Специальность 050301 «Русский язык и литература» / Р. А. Кудрявцева, В. Ю. Антышева, О. Е. Баланчук, Н. И. Куторов, О. И. Позднякова, Н. Н. Старыгина и др. Йошкар-Ола, 2007. 144 с.

История русской литературы XX века (после 1917 года): методические рекомендации по организации самостоятельной работы студентов 4-5 курсов гуманитарного факультета / Р. А. Кудрявцева, Н. В. Шенцева. Йошкар-Ола, 2007. 82 с.

Учебно-методический комплекс: История русской литературы. Специальность 050301 «Русский язык и литература» / Р. А. Кудрявцева, О. Е. Баланчук, О. И. Позднякова, Н. Н. Старыгина, В. Ю. Антышева, И. Г. Чеснокова. Йошкар-Ола, 2009. 185 с.

История русской литературы XX века: учебное пособие / Р. А. Кудрявцева, И. Г. Чеснокова, Н. В. Шенцева. Йошкар-Ола, 2010. 116 с.

Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сьлнымутшанче термин мутер / Р. А. Кудрявцева, М. В. Рябинина. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай: Ассоциация финно-угорских университетов; NH Collegium Fenno-Ugricum, 2011. 80 с. URL: http://mariuver.info/termin/literatura_mari.pdf.

Марийская литература в контексте сравнительной филологии: учебное пособие для студентов. Йошкар-Ола, 2012. 101 с.

Литература Финляндии: хрестоматия / Р. А. Кудрявцева, Л. Е. Шабдарова. Йошкар-Ола, 2013. 190 с.

КНИГИ ПО ВОПРОСАМ ОБРАЗОВАНИЯ

Кудрявцева Р. А., Кудрявцева Л. Н. Комплексная программа развития национальных образовательных учреждений Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1997. 23 с.

Кудрявцева Р. А., Шабдарова Л. И. Республика Марий Эл: Языковая ситуация и языковая политика в сфере образования. Русский язык в формировании межэтнической солидарности (региональные аспекты языковой ситуации в России и ближнем зарубежье). М., 2002. 48 с.

Кудрявцева Р. А., Борисова Е. Ю., Золотухина И. В. и др. Программа развития Марийского института образования на 2003-2005 годы. Йошкар-Ола, 2004. 24 с.

Кудрявцева Р. А., Золотухина И. В. Программа республиканского эксперимента «Организация повышения квалификации работников образования Республики Марий Эл на основе Именного образовательного чека» (проект). Йошкар-Ола, 2004. 24 с.

Кудрявцева Р. А., Жукова Е. Н. Литература о Великой Отечественной войне: библиогр. указатель науч. трудов преподавателей кафедры литературы. М., 2005. 20 с. [Серия «Ученые МГПИ им. Н.К. Крупской». Вып. 5]

Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской: очерки истории факультетов и кафедр в лицах и событиях. Йошкар-Ола, 2006. 414 с.

Лебедева Мария Николаевна: библиогр. указатель. (Серия «Ученые МГПИ им. Н.К. Крупской». Вып. 6). Йошкар-Ола, 2006. 24 с.

ЛИТЕРАТУРА О Р. А. КУДРЯВЦЕВОЙ

Лебедева М. Рубеж взят // Смена. 1987. (25 июня).

Подготовку педагогов – на уровень современных требований // Смена. 1988. (23 июня).

Иванов И.С. Кушмо корно: наукушто у лум: Р.А. Кудрявцева нерген // «Марий коммуна». 1989. (6 январь).

Шенцева Н. Актуальные проблемы изучения литературы // Смена. 1989. 2 ноября.

Аносова Г. Вуз и школы – в одной связке // Учитель. 1996. 18 июня (соавт. Т.Шестакова).

Апакаев П.А. Ей подражают студенты (Раисия Алексеевна Кудрявцева) // Педагоги и педагогика. Йошкар-Ола, 2007. С. 60-67.

- Баланчук О.Е. История кафедры литературы: события, идеи, имена // Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской: очерки истории факультетов и кафедр в лицах. Йошкар-Ола, 2006. С. 90-91, 94, 98.
- Всероссийская конференция на озере Яльчик // «Марийский университет». 2003. 11 июля.
- Глушкова З. Сылнымут ойлымаш кузе виянгын? // «Марий Эл». 2011. 1 декабрь.
- Гордеева В. Марий шулыш пырля чумырен // «Кугарня». 2011. 11 февраль.
- День ИФУ в Моркинском районе // «Марийский университет». 2012. 25 января.
- Иванов В.А. Марийский государственный университет в 2008-2011 годах // Развитие высшего профессионального образования в Республике Марий Эл. 80 лет МГПИ-МарГУ. 1931-2011: коллективная монография. Йошкар-Ола, 2011. С. 277.
- Иванов И.С. Келге шонымашан шымлымаш // «Марий Эл». 2010. (2 июль).
- Иванов И.С. У наука доктор // «Марий Эл». 2010. (10 декабрь).
- Аспирантура и докторантура в вузах Республики Марий Эл: справочник. Йошкар-Ола, 2007. С. 137.
- Кто есть кто в Марий Эл: биографический справочник. Йошкар-Ола, 2002. С. 294.
- Марийская биографическая энциклопедия: 3849 имен в истории Марийского края и марийского народа. Йошкар-Ола, 2007. С. 197.
- Марийский государственный университет: день за днем. Хроника событий, факты. Йошкар-Ола, 2010. С. 249; 2011. С. 25, 37, 152, 182, 193, 197, 310, 356.
- Ученые России. Ученые стран СНГ и ближнего зарубежья: биографические данные и фото 13108 выдающихся ученых и специалистов: энциклопедия. – URL: <http://www.famous-scientists.ru/list/1348>. – Загл. с экрана.
- Марийский биографический словарь: алфавит имен. Йошкар-Ола, 2004. С. 40.
- Кузьмина О. Студенты пополняют марийскую часть Википедии // «Марийская правда». 2011. (19 октября).
- С праздником 8 Марта, женщины науки // «Учитель». 1992. 5 марта.
- Ученые МГПИ-МарГУ (доктора наук, профессора) // Развитие высшего профессионального образования в Республике Марий Эл. 80 лет МГПИ-МарГУ. 1931-2011: коллективная монография. Йошкар-Ола, 2011. С. 304.
- Эманова А. Финн-угор тўняш корным почеш // «Марий Эл». 2011. 12 февраль.
- Юмынўдыр – марий калыкын // Марий сандалык. 2012. № 1 (15). С. 24–29.
- Эстонские педагоги в гостях в ИФУ // «Марийский университет». 2012. (27 августа).
- Летняя школа марийского языка // «Марийский университет». 2012. (27 августа).
- Очередное заседание АФУУ в Петрозаводском университете // «Марийский университет». 2012. 27 авг.
- Шабдарова Л. Пашажым «визытанлан» гына ышта // «Марий Эл». 2018. 06 апрель.
- Максимов В.Н. Кудрявцева Р.А. // Марийские литературоведы и фольклористы. Йошкар-Ола, 2018. С. 149–169.
- Михайлов В.Т. Шочмо калыкнан талешке ўдыржө. Р.Кудрявцевалан – 65 ий // Ончыко. 2023. № 3. С. 82–88.

Поступила в редакцию 03.05.2023

Максимов Валерий Николаевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы,
заведующий НОЦ языковых технологий “Марий йылме”

Марийского государственного университета,
424000, Россия, Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

E-mail: sernur@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>

V. N. Maksimov

**“MY WHOLE LIFE IS COMMUNICATION WITH PEOPLE, LEARNING FROM MY TEACHERS,
GAINING LIFE AND PROFESSIONAL EXPERIENCE AS A TEACHER, SCIENTIST AND A LEADER”**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-301-307

The article is devoted to Raisia Kudryavtseva, Doctor of Philology, Professor of Mari State University, a researcher, a well-known specialist in the field of Mari literary studies. Her scientific and creative activity is characterized, her con-

tribution to the development of native literature as a literary critic is also described. The area of scientific interests of Raisia Kudryavtseva is Mari and comparative literary studies, poetics, interdisciplinary aspects of literary studies, literary education of future teachers, sociolinguistics, terminology.

Keywords: Mari literature, Russian literature, foreign literature; teacher of the Russian language and literature; a textbook; an essay

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 307–313. In Russian.

Received 03.05.2023

Maximov Valerij Nikolaevich

Candidate of Science (Philology), Associate Professor,

Department of the Mari Language and Literature,

Head of the Research Center of Language Technologies “The Mari Language”,

Mari State University,

1 sq. Lenina, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, 42400, Russia,

E-mail: sernur@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>